

№ 4 (68)
2020

ВЕСТНИК

УНИВЕРСИТЕТА

имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Право есть
искусство добра
и справедливости

*Jus est ars
boni et aequi*

В номере

Выпуск

СРАВНИТЕЛЬНОЕ, ИНТЕГРАЦИОННОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

26 *Кашкин С. Ю., Алтухов А. В.*

В поисках концепции правового регулирования
искусственного интеллекта: платформенные
правовые модели

ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

50 *Захарова М. В.*

«Эффект Розы», или Диалектика социального
и биологического в эволюции юридической карты
мира в XXI в.

57 *Пржиленский В. И., Вергун А. А.*

Черные дыры в законодательстве и серые зоны
этики: этические комитеты в структуре правового
регулирувания генетических исследований

68 *Калиниченко П. А., Некотенева М. В.*

Особенности правового регулирования
геномных исследований на международном
и европейском уровне

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

202 *Butler W. E.*

Russian Law in Comparative Legal Studies



№ 4 (68)
2020

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Выпуск

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ, ИНТЕГРАЦИОННОЕ
И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

Издается с 2014 года
Выходит один раз в месяц

Председатель редакционного совета:

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

Заместитель председателя редакционного совета:

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — первый проректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заведующий кафедрой финансового права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Главный редактор:

ШПАКОВСКИЙ Юрий Григорьевич — профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь:

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

Редакционный совет:

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович — заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, г. Саратов, Россия

БЕЗВЕРХОВ Артур Геннадьевич — декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, доктор юридических наук, профессор, г. Самара, Россия

БИРЮКОВ Павел Николаевич — заведующий кафедрой теории государства и права, международного права и сравнительного правоведения Воронежского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

БУКАЛЕРОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ВОЛКОВ Геннадий Александрович — профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ДЮФЛО Ален — эксперт-практик международного класса в области права, основатель адвокатского бюро «Дюфло и партнеры» преподаватель Университета Лион III имени Жана Мулена, г. Лион, Франция

ЕГОРОВА Мария Александровна — профессор кафедры конкурентного права, начальник Управления международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕРШОВА Инна Владимировна — заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЕФИМОВА Людмила Георгиевна — заведующий кафедрой банковского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — заведующий кафедрой экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗРАЖЕВСКАЯ Татьяна Дмитриевна — профессор кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области, доктор юридических наук, профессор, г. Воронеж, Россия

ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович — заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Евгений Петрович — заведующий кафедрой криминалистики Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ИЩЕНКО Нина Сергеевна — заведующий кафедрой правоведения Гомельского филиала Международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, профессор, г. Гомель, Республика Беларусь

КИСЕЛЕВ Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права Государственного университета управления, доктор философских наук, профессор, г. Москва, Россия



Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2020

КОМАРОВА Валентина Викторовна — заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЛАПИНА Марина Афанасьевна — профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, г. Москва, Россия

ЛЮТОВ Никита Леонидович — заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

МИРОШНИЧЕНКО Владимир Михайлович — ректор Академии безопасности и специальных программ, доктор экономических наук, профессор, г. Москва, Россия

НИКИТИН Сергей Васильевич — заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

НОВОСЕЛОВА Людмила Александровна — заведующий кафедрой интеллектуальных прав Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ПЛЮЩИКОВ Вадим Геннадьевич — директор Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

РОЗА Фабрис — профессор кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, Франция.

РОМАНОВА Виктория Валерьевна — заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, г. Москва, Россия

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — директор Института судебных экспертиз, заведующий кафедрой судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

РЫЛЬСКАЯ Марина Александровна — директор Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

СОКОЛОВА Наталья Александровна — заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

УСТЮКОВА Валентина Владимировна — и.о. заведующего сектором экологического, земельного и аграрного права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЦАЙ ЦЗЮНЬ — директор Юридического института Хэнаньского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Кайфэн, КНР

ЦОПАНОВА Индира Георгиевна — декан юридического факультета Российской таможенной академии, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Россия

ШИЛЬСТЕЙН Давид — профессор права, заведующий кафедрой уголовного права Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна, г. Париж, Франция

ЩЕГОЛЕВ Виталий Валентинович — начальник Управления взаимодействия международного развитию и взаимодействию с международными организациями Федерального агентства по делам СНГ, соотечественникам, проживающим за рубежом и по международному гуманитарному сотрудничеству, доктор политических наук, г. Москва, Россия

Ответственный редактор выпуска:

ЗАХАРОВА Мария Владимировна — заведующий НОЦ сравнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, член-корреспондент Международной академии сравнительного права, доктор публичного права (Франция), приглашенный профессор Университета города Пуатье (Франция).

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г.
ISSN	2311-5998
ПЕРИОДИЧНОСТЬ	12 раз в год
УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
АДРЕС РЕДАКЦИИ	Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993 Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: vestnik@msal.ru
ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	Свободная цена Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис» Подписной индекс 40650. Подписка на журнал возможна с любого месяца
ТИПОГРАФИЯ	Отпечатано в Издательском центре Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ	Дата выхода в свет: 17.06.2020 Объем 24,57 усл. печ. л. (15,96 а. л.), формат 84×108/16 Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» обязательна. Перепечатка допускается только по согласованию с редакцией. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Редактор Л. А. Мункуева

Компьютерная верстка Д. А. Беляков

COURIER

OF THE KUTAFIN MOSCOW STATE LAW UNIVERSITY (MSAL)

№ 4 (68)
2020

Edition
**COMPARATIVE, INTEGRATION
AND EUROPEAN LAW**

Published from the year of 2014
Monthly journal

Chairperson of the Council of Editors:

BLAZHEEV Victor Vladimirovich — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

Vice-Chairperson of the Council of Editors:

GRACHEVA Elena Yurievna — First Vice-Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Head of the Department of Financial Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Chief Editor:

SHPAKOVSKIY Yuriy Grigorievich — Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Executive Secretary Editor:

SEVRYUGINA Olga Alexandrovna — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Council of editors

AFANASIEV Sergey Fedorovich — Head of the Department of Arbitrazh Procedure of Saratov State Academy of Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Saratov, Russia

BEZVERKHOV Arthur Gennadevich — Dean of the Law Faculty of the National Research University named after Academician Sergey P. Korolev, Dr. Sci. (Law), Professor, Samara, Russia

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich — Head of the Department of Theory of the State and Law, International Law and Comparative Law of Voronezh State University, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

BUKALEROVA Ludmila Alexandrovna — Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

VOLKOV Gennadiy Aleksandrovich — Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

VOSKOBITOVA Lidia Alekseevna — Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

DUFLOT Alain — an expert practitioner in the field of law, founder of the law firm «Dufлот & Partners», Lecturer at the Jean Moulin Lyon 3 University, Lyon, France.

EGOROVA Maria Alexandrovna — Professor of the Department of Competition Law, Head of the Department of International Cooperation of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ERSHOVA Inna Vladimirovna — Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

EFIMOVA Lyudmila Georgievna — Head of the Department of Banking Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZHAVORONKOVA Natalya Grigorevna — Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ZRAZHEVSKAYA Tatyana Dmitrievna — Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Voronezh State University, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region, Dr. Sci. (Law), Professor, Voronezh, Russia

ZUBAREV Sergey Mikhailovich — Head of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Evgeniy Petrovich — Head of the Department of Criminalistics of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

ISHCHENKO Nina Sergeevna — PhD in Law, Professor, Head of the Department of Jurisprudence of the Gomel Branch of the International University «MITSO», Gomel, Republic of Belarus

KISELEV Sergey Georgievich — Head of the Department of Theory and History of the State and Law of the State University of Management, Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Moscow, Russia

KOMAROVA Valentina Viktorovna — Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index



© Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2020

LAPINA Marina Afanasyeva — Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

LYUTOV Nikita Leonidovich — Head of the Department of Labor and Social Security Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

MIROSHNICHENKO Vladimir Mikhailovich — Rector of the Academy of Security and Special Programs, Dr. Sci. (Economics), Professor, Moscow, Russia

NIKITIN Sergey Vasilyevich — Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

NOVOSELOVA Lyudmila Alexandrovna — Head of the Department of Intellectual Property Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

PLYUSHCHIKOV Vadim Gennadyevich — Director of Agrarian and Technological Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, Dr. Sci. (Agr. Sc.), Professor, Moscow, Russia

RASSOLOV Ilya Mikhailovich — Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

ROSA Fabrice — Professor of the Department of Labour Law at the University of Reims Champagne-Ardenne, France

ROMANOVA Victoria Valeryevna — Head of the Department of Energy Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena Rafailovna — Director of the Forensic Examination Institute, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

RYLSKAYA Marina Alexandrovna — Director of the Institute of Problems of the Efficient State and Civil Society of the Financial

University under the Government of the Russia, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich — Vice-Rector for Science of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Theory of the State and Law, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

SOKOLOVA Natalya Alexandrovna — Head of the Department of International Law, Academic Director of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

USTYUKOVA Valentina Vladimirovna — Acting Head of the Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of the State and Law of the RAS, Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

TSAY TSZYUN — Director of the Law Institute of Henan University, Dr. Sci. (Law), Professor, Kaifen, the PRC

TSOPANOVA Indira Georgievna — Dean of the Law Faculty of the Russian Customs Academy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Moscow, Russia

CHILSTEIN David — Professor of Law, Head of the Department of Criminal Law at the University of Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France

SHCHEGOLEV Vitaliy Valentinovich — Head of the Department of International Development Assistance and Interaction with International Organizations of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States, Compatriots Living Abroad and International Humanitarian Cooperation, Dr. Sci. (Politic.), Moscow, Russia

Editor-in-Chief of the Issue:

ZAKHAROVA Maria Vladimirovna — Head of the Scientific and Educational Center of Comparative Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Cand. Sci. (Law), Associate Member of the International Academy of Comparative Law, Doctor of Public Law, Visiting professor of the University of Poitiers (France).

THE CERTIFICATE OF MASS MEDIA REGISTRATION	The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 October 2016. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-67361
ISSN	2311-5998
PUBLICATION FREQUENCY	12 issues per year
FOUNDER AND PUBLISHER	Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kutafin Moscow State Law University (MSAL)". 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS	9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993 Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687) E-mail: vestnik@msal.ru
SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION	Free price The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency Subscription index: 40650. Journal subscription is possible from any month
PRINTING HOUSE	Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9 Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, Russia, 125993
SIGNED FOR PRINTING	17.06.2020 Volume: 24,57 conventional printer's sheets (15,96 author's sheets). Format: 84×108/16. An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper
<i>When using published materials of the journal, reference to "Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.</i>	
Editor	L. A. Munkueva
Computer layout	D. A. Belyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю	6
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ХРОНИКА	7
АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ	
Кашкин С. Ю., Алтухов А. В. В поисках концепции правового регулирования искусственного интеллекта: платформенные правовые модели	26
ВЕКТОР ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Концептуальные вопросы сравнительного права	
Губайдуллин А. Р. Роль правовой культуры в развитии модели правового государства в отдельных правовых системах	41
Проблемы интеграции и интернационализации права и правовых систем в сфере геномных исследований	
Захарова М. В. «Эффект Розы», или Диалектика социального и биологического в эволюции юридической карты мира в XXI в.	50
Пржиленский В. И., Вергун А. А. Черные дыры в законодательстве и серые зоны этики: этические комитеты в структуре правового регулирования генетических исследований	57
Калиниченко П. А., Некотенева М. В. Особенности правового регулирования геномных исследований на международном и европейском уровне	68
Косилкин С. В. Опыт правового регулирования деятельности биобанков в зарубежной практике и развитие российского законодательства	79
Воронин М. В. Обязанность публичных институтов по генетическому просвещению: практика зарубежных государств	88
Пономарева Д. В., Сорокина Е. М. Биозтика и судебная практика Соединенных Штатов Америки в области эмбриологических исследований	97
Дьяков В. Г. Некоторые правовые аспекты регулирования отношений, возникающие при использовании постгеномных технологий	108
Проблемы интеграции и интернационализации права и правовых систем в сфере цифровых технологий	
Степанян А. Ж. Регулирование цифровых технологий: цифровизация или гуманизация?	114
Заплатаина Т. С. Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта и роботов в Европейском Союзе и его государствах-членах	121

Егорова М. А., Белицкая А. В. Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование	129
Слепак В. Ю., Ариянц А. А. Статус европейского комиссара по исследованиям, инновациям и науке	137
Сравнительное конституционное и муниципальное право	
Гуляков А. Д. Итоги европейской интеграции и их значение для евразийского государственно-правового пространства (сравнительный государствоведческий анализ)	145
Саломатин А. Ю., Корякина А. С. Швейцария и Индия как полярные модели этнического федерализма (сравнительно-правовое исследование)	155
Черкасов А. И. Административный контроль за деятельностью местных властей в странах — членах Европейского Союза	163
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА	
Четвериков А. О. Основные подходы к классификации науки в национальном, международном и европейском праве. Часть I. Целевая (телеологическая) классификация	170
Трибуна молодого ученого	
Сахипгареева А. Р. К вопросу об информировании родственников о результатах генетических тестов пациента	177
Пожилова Н. А. Правовые основы осуществления финансирования науки, технологий и инноваций в Китае	183
ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ	
Мероприятия НОЦ сравнительного права	191
ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ	
Кресин А. Н. «Мудрость сравнительного правоведения». Понять Уильяма Батлера	194
William E. Butler Russian Law in Comparative Legal Studies	202
ПОСТСКРИПТУМ	
Апрель в мировой истории	224

Слово к читателю



Убыстряющиеся темпы эволюции социальных отношений, связанные с активным развитием технологий, требуют от юридической науки своевременной доктринальной оценки. В представленном номере журнала отдельными научными блоками стали рубрики «Интеграция и интернационализация права и правовых систем в сфере геномных исследований» и «Интеграция и интернационализация права и правовых систем в сфере цифровых технологий». В данных статьях представители юридической науки, философского и естественно-научного знания представляют междисциплинарное видение указанных научных проблем.

Однако не только изменчивость эмпирической среды, но и устойчивость методологических образов определяет облик современной юридической науки. Общефилософской компаративной проблемой, поднятой в представленном номере журнала, стала тема диалектики социального и биологического в эволюции юридической карты мира в XXI в. (статья М. В. Захаровой).

Как и в прошлых номерах журнала, на его страницах компаративному анализу были подвергнуты частнопредметный блок общественных отношений (статья М. А. Егоровой) и публично-правовой его аналог (статьи А. Д. Гулякова, А. Ю. Саломатина и А. С. Корякиной, А. И. Черкасова).

Данный номер журнала выходит весной 2020 г. А чуть ранее, осенью 2019 г., свой юбилей отметил выдающийся англо-американский компаративист профессор У. Э. Батлер. Анализ его творческого пути дан в статье «Мудрость сравнительного правоведения». Понять Уильяма Батлера». Мы от всей души поздравляем профессора Уильяма Эллиота Батлера с прошедшим юбилеем! Желаем ему здоровья, неиссякающей жизненной и творческой энергии, которыми он щедро делится со своими коллегами и единомышленниками!

М. В. Захарова,
заведующий НОЦ сравнительного права,
доктор публичного права (Франция),
член-корреспондент Международной академии сравнительного права

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

**Виктор Блажеев — о правовых основах
общероссийского голосования**



Какими законами регулируется процедура проведения голосования по поправкам к Конституции, кто занимается подготовкой общественных наблюдателей и где пройти обучение, рассказали эксперты Ассоциации «Независимый общественный мониторинг» (НОМ) в рамках вебинара.

«Поправки могли бы сразу вступить в силу после всей процедуры, которая была пройдена: утверждение Госдумой, Советом Федерации и законодательными собраниями 2/3 субъектов РФ и подписание Президентом. Но у главы государства изначально была позиция, что должно быть проведено всероссийское голосование. Заметьте, такой формы всенародного волеизъявления не было, поэтому специально в ФЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» статья 1 посвящена самим поправкам, а вот статья 2 — процедуре всероссийского голосования, которая сразу вступила в силу, на ее основании мы и будем проводить голосование», — сказал член рабочей группы по подготовке предложений

¹ URL: <https://msal.ru/news/>



о внесении поправок в Конституцию, ректор МГЮА имени О.Е. Кутафина Виктор Блажеев.

По его мнению, конституционная реформа в России назрела давно.

«Это правильный и закономерный процесс. Мы понимаем, в какой обстановке, экономической и политической ситуации Конституция принималась в 1993 г. (жесткое противостояние между ветвями власти). Сегодня ситуация совершенно другая, что требует изменения всех позиций», — пояснил он.

В. В. Блажеев также подчеркнул, что Центральная избирательная комиссия РФ не ведет агитацию, как считают некоторые представители общества, а проводит информирование граждан о тех или иных поправках.

«ЦИК не говорит, как проголосовать — за или против, — а агитирует только за то, чтобы граждане сделали свой выбор. С точки зрения подачи материала, ролики — широкое информирование граждан о поправках», — сказал он.

В свою очередь, исполнительный директор Ассоциации НОМ, председатель движения «Корпус “За чистые выборы”» Алена Булгакова рассказала о правовом регулировании организации и проведения голосования.

«До 27 марта у нас организовалась и велась подготовка в соответствии с постановлениями ЦИК, которые утвердили порядок и инструкции проведения тех или иных действий. Затем в связи с эпидемиологической ситуацией было принято постановление о приостановлении этих действий», — сказала она.

Булгакова добавила, что при проведении и организации голосования на участках могут присутствовать члены вышестоящих избирательных комиссий, работники их аппарата, наблюдатели и представители СМИ. *«Совет Общественной палаты РФ 23 марта принял положение о порядке приема предложений о кандидатурах для назначения наблюдателями, назначения наблюдателей за проведением общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации, подсчетом голосов участников голосования и установлением его итогов. Этот документ будет полностью регулировать процедуру: от направления документов от кандидатов в наблюдатели от граждан, общественных объединений или политических партий до момента работы их на участках для голосования»,* — уточнила эксперт, добавив, что, согласно этому положению, за подготовку общественных наблюдателей отвечает именно Общественная палата РФ.

Ранее Общественная палата презентовала стандарт наблюдения при проведении общероссийского голосования, который регламентирует процесс контроля до дня голосования (28 пунктов) и в день его проведения (58 пунктов). На данный момент подано более 37 тыс. заявок в наблюдатели от граждан и более 40 тыс. — от общественных организаций и политических партий.

Председатель комиссии СПЧ по избирательным правам, председатель НОМ Александр Точенов отметил, что сегодня цель Ассоциации — это соблюдение прав граждан в период подготовки и проведения общероссийского голосования.

«Ассоциация занимается обеспечением законности и прозрачности электоральных процессов в России, сегодня — это голосование по поправкам в Конституцию страны. Одним из важнейших инструментов нашей деятельности является интерактивная информационная платформа — NOM24.ru, на которой функционирует система обучения общественных

наблюдателей и представителей экспертного сообщества. На сайте уже сейчас доступна методическая памятка, включающая в себя всю информацию о правовых основах общероссийского голосования и особенностях общественного наблюдения в период его проведения», — рассказал председатель Ассоциации НОМ.

«Пандемия позволит внедрить дистанционные технологии»



Коронавирус ударил по многим сферам, в том числе и по системе образования. Из-за введения карантинных мер школам и вузам, а также многим центрам дополнительного образования пришлось научиться трудиться в режиме онлайн. В связи с этим уже сейчас обсуждается продление учебного года. Председатель Национального родительского комитета Ирина Волынец допустила, что учебный год придется продлить из-за дистанционного образования. Между тем нет ли у данного решения обратной стороны и насколько образовательный процесс пострадал из-за пандемии? Своим личным взглядом на этот счет поделился ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктор Блажеев:

«Трудностей с переходом на дистанционный формат обучения лично я не вижу. Дистанционная форма — это фактически режим расписания по очной форме, только часть занятий проходит онлайн. В нашем вузе это проходит на собственной базе. У нас есть образовательная площадка системы дистанционного обучения (СДО), и практически на 59 % мы работаем по онлайн-технологиям. Серьезных препятствий для получения качественного образования я не вижу.

Наши студенты работают по определенным модулям, и, закрывая тот или иной модуль, студент получает оценку. Модули накапливаются, и по итогу проставляется зачет. Что же касается экзамена, то у нас есть все необходимые средства, которые позволяют в онлайн-режиме принять экзамены. Не-



обходимости в продлении учебного года лично я не вижу. Возможно, в школе есть сложности, но не думаю, что они значимые.

Насколько сильно пострадает образование от пандемии? Здесь ситуация двоякая. Безусловно, недостаток очного образования ощущается. С моей точки зрения, очное общение, конечно, крайне необходимо в учебном процессе, но тем не менее мы в состоянии его заменить с помощью современных технологий. С другой стороны, нынешняя ситуация — определенный вызов, который дает возможность более предметно внедрить дистанционные технологии в образовательный процесс. Это шанс апробировать технические средства в широком масштабе.

Когда пандемия закончится, мы будем уже на новом витке организации образовательного процесса, поскольку мы сможем сочетать очную форму с теми техническими возможностями, которые сегодня появляются, а также проводить обучение иностранных студентов. Так что нет худа без добра. Если мы сейчас не опустим руки, примем вызов и справимся с ним, то, думаю, образование во многом только приобретет».

КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

Совершенствование спортивного законодательства и спортивных регламентов: онлайн круглый стол

10 апреля 2020 г. на платформе ZOOM состоялся онлайн круглый стол «Развитие спорта и совершенствование спортивного законодательства и спортивных регламентов». Модератором мероприятия выступил кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой спортивного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Денис Рогачев.

Заседание круглого стола началось с доклада кандидата юридических наук, руководителя Центра по научному обеспечению уголовно-правового воздействия на преступления в сфере спорта ООО «Право Бизнес Спорт» Владимира Сараява, который был посвящен отдельным вопросам совершенствования спортивного законодательства для непредвиденных ситуаций.

В работе круглого стола приняли участие 52 человека, среди них были как представители спортивных организаций, так и преподаватели и студенты Университета.

Правовой и социальный статусы научных работников: опыт России и зарубежных стран

На платформе ZOOM состоялся онлайн круглый стол «Эволюция правового и социального статуса научных работников в России и в мире».

Модератором мероприятия выступила доктор публичного права, доцент, заведующий НОЦ сравнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Захарова.

Работа круглого стола началась с выступления профессора кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Юрия Степаненко. Он осветил законодательство в сфере научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации.

Об определении исследовательских компетенций юристов, ключевых подходах и видах компетенций рассказала заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Инна Ершова.

Директор Института частного права, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Надежда Черных остановилась на качестве правовой среды научных работников, регулировании статуса научного сотрудника, рабочем времени, объеме работы, в том числе в режиме самоизоляции.

К видеоконференции подключались представители юридической школы Университета, других вузов России и зарубежных стран, в том числе США.

В качестве эмпирического материала на круглом столе использовались российские и зарубежные данные и документы. В частности, были представлены выводы по итогам социологического исследования по теме круглого стола, проводимого на основе анализа зарубежных данных (опрос научных работников из более чем 50 стран мира).

Подготовка бизнес-юристов: синергия права, педагогики, цифровых технологий

На платформе ZOOM состоялась онлайн-конференция «Подготовка бизнес-юристов: синергия права, педагогики, цифровых технологий».

Конференция была организована кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Модератором мероприятия выступила заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист РФ, почетный работник юстиции России, почетный работник высшего профессионального образования РФ, доктор юридических наук, профессор Инна Ершова.

Правовое регулирование и организация защиты населения при чрезвычайных ситуациях (опыт противодействия COVID-2019) в Университете

В Университете состоялся онлайн международный круглый стол на тему «Правовое регулирование и организация защиты населения при чрезвычайных ситуациях (опыт противодействия COVID-2019)».

Организаторами выступили кафедра административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), студенческий научный кружок по административному праву и научный отдел студенческого совета Института публичного права и управления Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). С приветственным словом к участникам заседания обратился Сергей Зубарев,



заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель правления Национальной ассоциации административистов.

Координацию работы круглого стола осуществляла Анастасия Сладкова, заместитель заведующего кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

С докладом «Административно-правовые режимы повышенной готовности и чрезвычайной ситуации: противодействие COVID-19» выступил профессор кафедры административного права и процесса Сергей Старостин, который раскрыл суть указанных административно-правовых режимов в России, особенности их правовой природы и критерии разграничения с режимом чрезвычайного положения, а также запреты и ограничения для граждан в условиях эпидемии COVID-19.

В работе круглого стола участвовало более 100 представителей государственных органов, образовательных и научных организаций, аспирантов и студентов.

Кейсы и лучшие практики цифровой экономики России и мира

28 апреля 2020 г. на платформе ZOOM состоялся интерактивный круглый стол кафедры предпринимательского и корпоративного права, посвященный теме «Кейсы и лучшие практики цифровой экономики России и мира».

Модератором мероприятия выступил профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), судья Арбитражного суда города Москвы Василий Лаптев.

С вступительным словом к участникам круглого стола обратилась заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инна Ершова, которая рассказала о формате его работы, акцентировав внимание на активность кафедры и дружественных подразделений других вузов по проведению научных онлайн-мероприятий.

В конце мероприятия выступила заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Инна Ершова, которая подвела его итоги и высказала слова благодарности организаторам и участникам круглого стола. Соорганизаторы мероприятия Ольга Тарасенко и Василий Лаптев поблагодарили всех участников и пригласили их в дальнейшем принимать участие в работе интегративных круглых столов и дискуссионных площадок.

Проблемы защиты прав граждан в связи с развитием прорывных технологий в области геномных исследований и искусственного интеллекта

28 апреля 2020 г. на платформе ZOOM состоялся онлайн международный круглый стол «Проблемы защиты прав граждан в связи с развитием прорывных технологий в области геномных исследований и искусственного интеллекта».

Организаторами мероприятия выступили кафедра гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и Научно-образовательный центр частного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

В круглом столе приняло участие 86 человек, среди них были как представители различных организаций разных стран, так и преподаватели и студенты международных вузов.

КОММЕНТАРИИ ЭКСПЕРТОВ, ИНТЕРВЬЮ

Инновации в судебной экспертизе

Правоохранительные органы начали активно раскрывать преступления прошлых лет благодаря новой уникальной экспертизе, внедренной МВД. Преступника выявляют по запаховому следу, оставленному на месте преступления. Новые технологии позволяют выделить уникальные пахучие вещества человека, оставленные на предметах, даже спустя продолжительное время после случившегося. Запах консервируется, а потом становится важной уликой, доказывающей, что подозреваемый был там, где случилась беда.

Как сообщила «Российской газете»² директор Института судебных экспертиз Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Елена Россинская, за год благодаря новой экспертизе удалось изобличить 62 преступника. Многие из этих дел расследовались более восьми лет. Например, раскрыты два убийства, совершенные в 2011 г. в Тамбовской области и Башкортостане. Причем в Тамбовской области был убит ребенок. Раскрыто было также убийство жительницы Надыма и ее сына, совершенное в Ямало-Ненецком автономном округе в 2000 г. Она особо подчеркнула, что на развитии подобных экспертиз настаивает руководство Следственного комитета России.

— Елена Рафаиловна, разве можно через много лет найти на улике старый запах?

— **Елена Россинская:** Индивидуализирующие пахучие вещества содержатся как в крови, так и в поте — потожировом веществе человека. Кровь при высыхании удерживает эти вещества в течение нескольких десятков лет, тогда как из следов пота они через какое-то время улетучиваются. Таким образом, смешивание следов пота и крови нескольких лиц приводит к тому, что кровь одного человека — потерпевшего — сохраняет в себе также ранее привнесенные пахучие вещества пота другого лица или лиц — преступников, даже без их клеточного материала.



² URL: <https://rg.ru/2020/04/24/novaia-ekspertiza-mvd-pozvoliaet-najti-prestupnika-spustia-mnogo-let.html>.



— *И эти вещества можно выделить и законсервировать?*

— **Елена Россинская:** В этом и состоит уникальность методики ольфакторной судебной экспертизы: она позволяет выделять запахи в чистом виде химическим путем с помощью специального оборудования.

— *Допустим, у вас появился запах. Но как по нему найти человека? Ведь взять след уже невозможно. Или ходить по городам с собаками и обнюхивать каждого?*

— **Елена Россинская:** Следствие, очертив круг подозреваемых, направляет их на судебную экспертизу, которая проводит исследование: принадлежат ли им запахи, обнаруженные на месте происшествия.

— *Как это узнать?*

— **Елена Россинская:** На этом этапе используются живые датчики — собаки-детекторы. Исследование ольфакторных свойств таких следов инструментальными средствами невозможно. При этом ноу-хау российских методик ольфакторного исследования в том, что объективность полученных при их применении результатов не зависит от «субъективного мнения» или «показаний» животных. Система научно обоснованных и апробированных специальных тестов и проверок, составляющих неотъемлемую часть исследования, позволяет оценивать каждый факт сигнального поведения применяемых животных, распознавать свои их рефлекторной и обонятельной деятельности.

— *Значит, вы уверены, что ошибки быть не может?*

— **Елена Россинская:** Точность и надежность идентификации субъекта по запаховым следам, проводимой с использованием российских методик, сопоставима с точностью и надежностью самых современных инструментальных методов анализа. Вероятность ошибки исследования с применением данного метода не превышает величину $1 \cdot 10^{-8}$ (одна из ста миллионов случаев). Указанная точность обеспечивает статистическую надежность использования ольфакторного метода и в настоящее время считается более чем достаточной для обоснования категорических выводов по результатам судебной ольфакторной экспертизы. Не каждая судебная экспертиза имеет такое солидное математическое обоснование.

— *Суды с этим согласны?*

— **Елена Россинская:** Следственная практика подтверждает надежность и обоснованность результатов этой экспертизы. По данным Следственного комитета Российской Федерации, результаты экспертизы данного вида ни разу не признавались недопустимыми доказательствами судебными кассационными инстанциями, в том числе Верховным Судом Российской Федерации.

Экспертное исследование запаховых следов человека значительно расширяет возможности получения органами следствия и дознания комплексной криминалистически значимой информации, особенно по делам о насильственных преступлениях против личности, совершенных без свидетелей, как говорят следователи «в условиях неочевидности».

— *Каким образом по прошествии многих лет после совершения преступлений удастся с помощью ольфакторной экспертизы устанавливать биологические следы преступников на вещественных доказательствах? Тогда как даже ДНК-анализ не дает результатов...*

— **Елена Россинская:** Судебная экспертиза запаховых следов человека позволяет идентифицировать субъекта по его микроследам биологического происхождения, представленным веществами липидной природы и не связанным с сохранностью клеточных структур, что недоступно при проведении других видов биологических экспертиз, в частности ДНК-анализа. Специфика насильственных преступлений против личности состоит в образовании на объектах смешанных следов пота и крови, происходящих, как правило, от преступников и потерпевших. Это затрудняет идентификацию участников происшествия с использованием большинства биологических методов судебной экспертизы, включая исследование ДНК. Можно даже утверждать, что в большинстве случаев молекулярно-генетическая идентификация неосуществима ввиду смешанного характера следов, а также недостаточного количества генетического материала. Между тем наличие на объектах биологических следов, происходящих даже от нескольких десятков лиц, не является препятствием для решения идентификационной задачи в ходе ольфакторной экспертизы. Более того, наличие на объекте пахучих веществ пота, например преступника, с наслоением на них пятен или следов крови потерпевшего, иногда едва заметных или микроскопических, является положительным фактором. Пятна крови одного человека, имеющиеся на следоносителе, способны сохранять, надежно консервировать и защищать от выветривания пахучие вещества, происходящие от другого лица.

Таким образом, из-за разных объектов исследования результаты ольфакторного и ДНК-анализов не являются взаимообусловленными. Они могут подтверждать, но не опровергать друг друга.

Проблемы использования криптовалюты и роль искусственного интеллекта в условиях пандемии. Мнение эксперта

Руководитель НИР Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-29-16056 «Криптовалюта как средство платежа: частноправовой и налоговый аспекты», начальник Управления международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), член Московского отделения Ассоциации юристов России Мария Егорова прокомментировала роль искусственного интеллекта в условиях пандемии.

Искусственный интеллект перестал быть чем-то фантастическим и появляется все больше сфер, в которых осуществляется его применение. Промышленность, транспорт, добыча полезных ископаемых, банковские сервисы и электронная коммерция — это лишь малая часть направлений, в которых уже мы не можем обойтись без технологии искусственного интеллекта.

30 декабря 2019 г. исследователи, использующие системы искусственного интеллекта для анализа масс-медиа и социальных платформ, обнаружили



распространение необычной гриппоподобной болезни в городе Ухань, Китай. Пройдет несколько дней, прежде чем Всемирная организация здравоохранения выпустит оценку риска, используя алгоритмы искусственного интеллекта, и целый месяц, прежде чем ООН объявит о глобальной чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения из-за нового коронавируса. Могли ли технологии искусственного интеллекта ограничить или даже остановить масштабы пандемии COVID-19 и какова роль искусственного интеллекта в условиях пандемии?

Канадскими учеными запущена платформа мониторинга здоровья на основе искусственного интеллекта A. I. BlueDot. Сервисом компании BlueDot пользуются различные организации, туристические агентства, авиакомпании для предотвращения заболеваемости. Платформа также применяется в целях оперативного предупреждения о распространении вируса COVID-19. Платформа на основе алгоритма машинного обучения позволяет прогнозировать распространение любых опасных инфекционных заболеваний посредством анализа и обобщения сведений из новостных лент, данных авиакомпаний из глобального доступа, информации о вспышках заболеваний животных и растений. Особенно важно, что система прогнозирования позволяет предсказывать, куда, когда могут направиться люди, распространяя инфекцию. Искусственный интеллект компании BlueDot прогнозировал с начала 2020 г. вспышку коронавируса во всем мире.

Еще одно применение искусственного интеллекта — это виртуальная медицинская помощь, или телемедицина. Так, китайская телемедицинская компания JD Health отметила, что с момента начала COVID-19 необходимость в ежедневных консультациях возростала в несколько раз. Такие удаленные консультации профессиональных врачей являются реальностью в развитых странах уже десятки лет. К сожалению, это направление совсем не развито в России из-за определенного правового вакуума. Закон о телемедицине вступил в силу с 1 января 2018 г. (Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья»). Он предусматривает значительное расширение использования информационно-коммуникационных технологий в системе здравоохранения и формирует правовые рамки дистанционного оказания медицинской помощи, выписки рецептов, больничных листов.

Хотя эта модель считается высокоэффективной, удобной и удовлетворительной как для пациента, так и для врачей, телемедицинские консультации являются, с одной стороны, наиболее эффективным способом сдерживания распространения коронавирусной инфекции и обеспечения душевного спокойствия тем, кто выздоравливает дома, тем, кто самоизолируется в качестве профилактической меры, и тем, кто подвергается риску и не хочет рисковать и отправляться в кабинет врача или больницу, а с другой — позволяют оперативно в региональных больницах и отдаленных территориях получать квалифицированные консультации ведущих врачей при спорных случаях течения заболевания.

Утверждены российские стандарты в области электронного здравоохранения и телемедицины. Вместе с тем следует учитывать и ограничения телемедици-

ны — дистанционного оказания медицинской помощи: запрет на дистанционную постановку диагноза и назначение лечения (подготовлены предложения о снятии запрета); недостаток доверия к телемедицине у граждан; различные возможности территорий по использованию ИКТ и доступности телемедицины.

Представляется важным использование технологий искусственного интеллекта для улучшения качества образовательной деятельности. Когда происходят какие-то серьезные потрясения — от природных катаклизмов до вспышек заболеваний, — как правило, страдает сфера образования. Однако искусственный интеллект может защитить сферу образования.

По мере распространения коронавируса все больше городов в разных странах вводят карантин и приостанавливают работу учебных заведений. Эксперты отмечают, что уже сейчас современные технологии могут минимизировать ущерб от закрытия учебных заведений, дав возможность дистанционного обучения, а также использования искусственного интеллекта.

Проблемы использования криптовалюты в условиях пандемии

На протяжении тысячелетий золото служит показателем богатства и статуса своего владельца. Многие эксперты, сравнивая криптовалюту с золотом, исходят прежде всего из сходства ряда характеристик: котируется на бирже, дорого добывать и подделывать, наличие запасов строго ограничено, может храниться сотни лет, легко расщепить на части и передать другому.

Пандемия коронавируса — глобальный кризис, который подорвал экономику: производство, сектор услуг и потребительский спрос. Пандемия не обошла стороной сырьевые и финансовые рынки, а также рынки криптовалют.

До пандемии инвесторы рассматривали криптовалюту как альтернативу современной финансовой системе, как альтернативу вложений в золото. Но ситуация изменилась. Криптовалюты лихорадило. Неожиданные повышения объема продаж криптовалют сменялись такими же неожиданными падениями, а участники биржевой торговли начинали паниковать.

Прекращение функционирования большого количества майнинговых ферм неминуемо приведет к существенному усложнению создания криптовалюты. Участники рынка будут продавать свою криптовалюту на криптобиржах, так как в условиях сокращения количества майнинговых ферм и затруднения их деятельности майнинг может стать более выгодным видом деятельности, чем просто владение криптовалютой. Как следствие, такая ситуация на рынке криптовалюты может привести к снижению стоимости криптовалюты.

Таким образом, использование криптовалюты в условиях глобальной пандемии сопровождается сложностями и большими финансовыми рисками. С другой стороны, для тех, кто привык рисковать, сегодняшняя ситуация представляет собой идеальный момент для входа в мир инвестиций, в майнинг и получения гораздо больших выгод впоследствии.

Делая выводы из всего вышесказанного, можно отметить, что коронавирус заставил внести изменения в работу многих процессов рынка криптовалют, которые ранее казались устоявшимися.



В случае, если криптосфера вынесет этот сложный период, она официально подтвердит свою состоятельность и переродится под действием кризиса в более сильную и востребованную инвестиционную и экономическую сферу. А криптовалюта все же станет тем самым «цифровым золотом».

Энергетическое право в России: настоящее и будущее

Экономика России остается достаточно зависимой от сырьевого сектора, несмотря на предпринятые в последние годы шаги. Вместе тем альтернативным источникам энергии, по оценкам специалистов, необходимо минимум полвека, чтобы пошатнуть позиции традиционных. Соответственно, спрос на юристов, специализирующихся в этой области, будет продолжать расти и подогреваться со стороны компаний и государства. Какие фундаментальные проблемы стоят перед энергетическим правом сегодня, как сбалансировать треугольник «компания — государство — потребитель» и на какие направления делать ставку молодому юристу в этой отрасли?



Нормы энергетического права регулируют отношения, возникающие в связи с поиском, добычей, переработкой, поставкой, хранением, транспортировкой энергетических ресурсов, проектированием, строительством энергетических объектов, инновационной деятельностью, обеспечением энергетической и промышленной безопасности, а также антитеррористической защищенности. Все эти отношения возникают как на внутреннем рынке, так и при совершении внешнеэкономических сделок, отмечает доктор юридических наук, заведующий кафедрой энергетического права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Виктория Романова.

Энергетика для юристов сегодня — одно из наиболее интересных и перспективных направлений деятельности. Ведущие вузы России организуют изучение энергетического права по программам магистратуры, бакалавриата и занимаются развитием этого направления. Например, кафедра энергетического права МГЮА организует для своих студентов практику в профильных компаниях (Минэнерго России, ПАО «Мосэнерго», ПАО «Российские сети», ООО «Газпромнефтьэнергосервис» и др.), от которых успешные кандидаты получают предложения о трудоустройстве. В МГЮА и СПбГЭУ реализуются программы для аспирантов по энергетическому праву.

Курсы энергетического права для бакалавров построены таким образом, чтобы будущие юристы могли определиться с направлением карьеры в сфере ТЭК, сделав выбор в зависимости от своих приоритетов, отмечает Виктория Романова. Первая развилка — отрасль энергетики, где выбор можно сделать между газовой, нефтяной, угольной, атомной и электроэнергетикой, теплоснабжением. Второй этап заключается в выборе будущего места работы: энергетические компании, государственные органы, суды, консалтинговые компании. Последнее,

с чем определяются студенты, — это направление деятельности работодателя (добыча, поставка, транспортировка) и конкретного департамента (договорный блок, претензионно-исковой, корпоративный и др.).

Условия для «кредитных каникул» придется соблюдать

Закон, устанавливающий «кредитные каникулы», от 3 апреля 2020 г. № 106-ФЗ опубликован и вступил в силу. Данные правила сходны с теми, которые были предусмотрены ранее в рамках «ипотечных каникул» (Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 76-ФЗ).

Доцент кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения Олег Гринь рассказал, что с момента вступления Закона о «кредитных каникулах» в силу граждане (в том числе индивидуальные предприниматели), заключившие кредитные договоры (договоры займа) до вступления в силу данного Закона, вправе обратиться к кредитору с требованием об изменении условий такого договора в части приостановления исполнения заемщиком своих обязательств. Срок приостановления определяется самим заемщиком, но не может превышать 6 месяцев.

Воспользоваться таким правом заемщики могут не позднее 30 сентября 2020 г.



ПРЕЗЕНТАЦИИ

Государственное регулирование предпринимательской деятельности: вышел в свет новый учебник

Вышел в свет учебник «Государственное регулирование предпринимательской деятельности» под редакцией Инны Ершовой, заведующего кафедрой предпринимательского и корпоративного права МГЮА.

В работе рассмотрены общие положения о государственном регулировании предпринимательской деятельности, порядок регистрации индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, а также легитимации самозанятых граждан, лицензионный и уведомительный режимы осуществления предпринимательской деятельности, техническое и ценовое регулирование предпринимательства, государственное регулирование расчетов, контроль за осуществлением предпринимательской деятельности и др.



Учебник имеет оригинальную авторскую структуру — инновационная подача материала сложилась с учетом развития науки, культуры, экономики, технологий.

Книга адресована в первую очередь студентам, обучающимся по магистерским программам подготовки юристов для правового сопровождения бизнеса. Учебное пособие также может быть интересно широкому кругу читателей: студентам бакалавриата и специалитета, аспирантам, докторантам, преподавателям юридических и экономических вузов и факультетов, а также практикующим юристам и предпринимателям.

Специальный выпуск «Вестника МГЮА»

Университет имени О.Е. Кутафина подготовил международный выпуск журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Каждый год МГЮА заключает соглашения о сотрудничестве с международными общественными организациями, с европейскими и азиатскими университетами. Расширение международного сотрудничества в сфере образовательной деятельности Университета с зарубежными вузами-партнерами успешно сочетается с укреплением научных связей и научного сотрудничества в рамках совместных научных проектов Университета с зарубежными вузами и общественными организациями в сфере науки и технологий.

Ректор Университета Виктор Блажеев отметил, что *«международная деятельность Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) направлена на развитие сотрудничества с мировым образовательным и научным сообществом в целях обеспечения повышения конкурентоспособности российской юридической школы на глобальном рынке».*

Ключевая тема второго номера «Вестника» за 2020 год — «Международный правовой меридиан — 2020 в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Этот номер журнала выходит в непростых социально-экономических условиях, когда все мировое сообщество решает общую задачу по защите и сохранению здоровья населения. Мы отчетливо ощущаем, какое важное значение имеет сотрудни-

чество и взаимопомощь во всех сферах общественной жизни. В этом выпуске «Вестника» представлены статьи не только представителей профессорско-преподавательского состава Университета, российских государственных и общественных деятелей, но и наших зарубежных коллег-экспертов-правоведов.

Также ректор МГЮА, председатель редакционного совета журнала Виктор Блажеев подчеркнул во вступительном слове к читателю: *«В этом выпуске представлены различные точки зрения на современное состояние права, его толкование и применение. Надеюсь, что представленные материалы заинтересуют и вдохновят читателей на научные дискуссии».*



и послужат дополнительным стимулом к творческому объединению коллег из разных стран».

Начальник Управления международного сотрудничества Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Егорова отметила, что *«приоритетным направлением в Университете является развитие и укрепление международного сотрудничества с ведущими зарубежными высшими учебными заведениями европейских и азиатских государств»*.

В номере представлены статьи арбитра Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, члена Французского общества сравнительного права Даниэля Гийо, профессора права Иллинойского университета в Урбане-Шампейне (США, штат Иллинойс) Питера Магса, доктора философии, магистра права Лондонского университета, солиситора Англии и Уэльса Э. Овуко-Опуко, адвоката по уголовным делам в Риме, профессора уголовного процесса Римского университета Сапиенца Марио Антинуччи, профессора юридического факультета Сараевского университета Зинки Грбо и партнера юридической фирмы Avv. Marco Montanarini, вице-президента Русско-Азиатской ассоциации юристов Марко Монтанарини, арбитра Китайской комиссии по международной экономике и торговому арбитражу и Американской арбитражной ассоциации Тома Шиллинглоу, профессора кафедры трудового права Университета Реймс Шампань-Арденны, директора Центра правовых исследований эффективности континентальных систем (CEJESCO) Фабриса Роза, а также других иностранных ученых.

«Мы надеемся, что этот выпуск “Вестника”, объединяющий различные взгляды, позиции и подходы представителей наших зарубежных университетов-партнеров, станет традиционным и будет интересен как российскому, так и иностранному читателю», — отметила Мария Егорова.



Школа российского конституционализма (1991—2017): библиографический сборник

Кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках проекта «Школа российского конституционализма» издан библиографический сборник «Школа российского конституционализма (1991—2017)».

Сборник посвящен памяти ее создателя — доктора юридических наук, профессора, академика РАН Олега Емельяновича Кутафина.

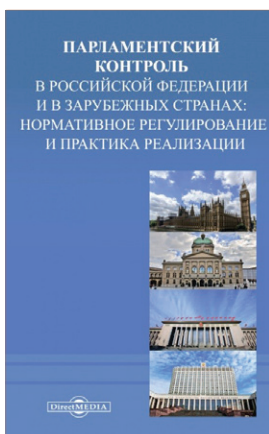
Библиография включает в себя труды основоположников научной школы Университета: Олега Емельяновича Кутафина, Екатерины Ивановны Козловой, Надежды Александровны Михалевой, Владимира Ивановича Фадеева, Бориса Сергеевича Крылова, Бориса Александровича Страшуна, их труды приводятся за весь период их научной деятельности. Работы остальных представителей



кафедры за период с 1991 по 2017 г. — юбилейный год, послуживший началом работы над данным проектом.

Материалы будут интересны для студентов, аспирантов, профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, а также всех интересующихся конституционным правом и историей его формирования.

Парламентский контроль в России и зарубежных странах: нормативное регулирование и практика реализации



При участии кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) издана коллективная монография «Парламентский контроль в Российской Федерации и в зарубежных странах: нормативное регулирование и практика реализации».

Монография представляет собой комплексное исследование развития и современного состояния парламентского контроля как в Российской Федерации, так и за рубежом.

Авторским коллективом освещены перспективы развития политической и административной функции парламентского контроля в Российской Федерации, механизм взаимодействия парламента Российской Федерации с органами государственной власти при проведении парламентского контроля, опыт осуществления парламентской дипломатии как механизма парламентского контроля, представлены характеристики форм парламентского контроля в зарубежных странах, таких как Швеция, Норвегия, Дания, Федеративная Республика Германия, Чешская Республика, Франция, Сербия, Австрия и др. Также авторами сформулированы предложения по корректировке сложившейся модели парламентского контроля в России.

Научная монография к юбилею комиссии Московского отделения Ассоциации юристов России



Московским отделением Ассоциации юристов России опубликована научная монография «Актуальные вопросы конкурентного права: современные тенденции и перспективы развития : К пятилетию Комиссии по совершенствованию антимонопольного законодательства Московского регионального отделения Ассоциации юристов России» (отв. ред. М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2020).

В числе авторов — начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Мария Егорова, аспирант кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), юрист ГК «Агентство по страхованию вкладов» Антон Маслов, начальник Правового управления ФАС России, преподаватель кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Артем Молчанов, доцент кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), советник юридической фирмы «Юст» Дмитрий Серегин.

Научная монография по актуальным вопросам государственной политики по развитию конкуренции

Научно-методическим советом ФАС России, кафедрой конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и кафедрой предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова издана совместная научная монография «Государственная политика по защите и развитию конкуренции и ее реализация в нормах права».

Ответственные редакторы — заведующий кафедрой конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Сергей Пузыревский и заведующий кафедрой предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Евгений Губин.

В работе над монографией приняли участие 33 автора, представляющие ведущие научные школы и университеты. Среди них преподаватели и аспиранты кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА): заведующий кафедрой Сергей Пузыревский, заместитель заведующего кафедрой Денис Гаврилов, доцент кафедры Дмитрий Серегин, профессор кафедры Мария Егорова, доцент кафедры Олеся Мильчакова, преподаватель Артем Молчанов.

Монография подготовлена по итогам IV Международной научно-практической конференции «Антимонопольная политика: наука, практика, образование. Цифровая экономика и конкурентная политика», организованной Научно-методическим советом образовательных организаций и кафедр ФАС России и кафедрой конкурентного права МГЮА, состоявшейся в декабре 2018 г. в Сколково.



МЕРОПРИЯТИЯ РЕКТОРАТА

Совещание членов Ученого совета Университета

15 апреля 2020 г. состоялось совещание членов Ученого совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Сотрудники смогли принять участие в его работе не только в привычном офлайн-формате, но и в режиме онлайн. Эта мера принята для того, чтобы, с одной стороны, минимизировать контакты, с другой — не прерывать работу Ученого совета.

В ходе мероприятия ректор Виктор Блажеев рассказал о том, что учебный процесс быстро удалось перевести на удаленный формат, и поблагодарил работников Университета за оперативность и отзывчивость.

Также на совещании был рассмотрен опрос для студентов о переходе на дистанционное обучение, о котором рассказала проректор по учебной и методической



работе Мария Мажорина. Она заострила внимание членов Ученого совета на том, что в данный момент особенно необходимо поддерживать активную связь со студентами, и вынесла на обсуждение членов Ученого совета ряд новелл, связанных с возможным проведением сессии в офлайн-формате.

В завершение мероприятия ректор Виктор Блажеев также выразил надежду, что в скором времени работа Университета вернется в привычное русло и Ученый совет пройдет в офлайн-формате.

Ученый совет онлайн

30 апреля 2020 г. состоялось заседание Ученого совета онлайн. На обсуждение членов Ученого совета были вынесены вопросы, затрагивающие правила приема в Университет в дистанционном формате, проведение дистанционной государственной итоговой аттестации, утверждение тем магистерских диссертаций, а также кадровые вопросы.

Директор Института прокуратуры, ответственный секретарь приемной комиссии Сергей Перов акцентировал внимание членов Ученого совета на том, что в этом году все абитуриенты, желающие поступить в МГЮА, будут подавать документы в дистанционном формате через личный кабинет абитуриента на сайте Университета. В том году, уточнил Сергей Владимирович, почти половина абитуриентов воспользовались данной функцией. Оригинал аттестата или диплома поступающий сможет передать в Университет в течение учебного года.

Говоря о вступительных экзаменах, Сергей Перов пояснил, что они будут проходить в письменной форме с использованием дистанционных технологий и применением прокторинга — системы дистанционного наблюдения, предназначенной для сопровождения процесса территориально удаленного прохождения экзаменов, подтверждения личности абитуриента, отслеживания нарушений правил прохождения экзамена и подтверждения его результатов.

Начальник Учебно-методического управления Наталья Софийчук подробно рассказала о проведении государственной итоговой аттестации студентов бакалавриата, специалитета и магистратуры. Государственные аттестационные испытания по образовательным программам бакалавриата и специалитета будут проводиться в письменной форме с применением дистанционных образовательных технологий с использованием прокторинга. Отдельно Наталья Викторовна отметила, что содержательно выпускные экзамены не меняются, меняется лишь формат: так, обучающиеся бакалавриата и специалитета в письменном виде готовят ответы на билеты и казусы.

РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТА

МГЮА в топ-10 национального рейтинга вузов, активных в цифровом учебном процессе

Университет имени О.Е. Кутафина вошел в топ-10 национального рейтинга вузов, активных в цифровом учебном процессе.

Чтобы оценить темпы digital-трансформации, исследовательская команда «Юрайт» проанализировала цифровые следы почти 130 тыс. студентов и 18 тыс. преподавателей на своей образовательной платформе.

МГЮА оказался в числе лидеров, эффективно осваивающих дистанционное обучение.

Высокая позиция вуза в рейтинге доказывает: продолжать развитие и добиваться новых высот можно в любых условиях!





**Сергей Юрьевич
КАШКИН,**

заведующий кафедрой
интеграционного
и европейского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук,
профессор, заслуженный
юрист РФ
info@eulaw.edu.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9



**Алексей Валерьевич
АЛТУХОВ,**

аспирант кафедры
экономики инноваций,
инженер лаборатории
инновационного бизнеса
и предпринимательства,
экономический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова
[alexei.altoukhov@
gmail.com](mailto:alexei.altoukhov@gmail.com)
119991, Россия,
г. Москва, Ленинские Горы,
д. 1, стр. 13

В ПОИСКАХ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПЛАТФОРМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ¹

Аннотация. Современные технологии и новые концепции управления — промышленные и продуктовые платформы — создают прорывные инновационные продукты и услуги на основе комплексной интеграции искусственного интеллекта, больших данных и интернета вещей. Стоимость коммуникаций в последнее десятилетие резко упала, что удешевило создание сетей и системное интегрирование. Платформы являются физическим воплощением сетевого взаимодействия. Они переводят традиционное производство на цифровые рельсы, снижая производственные издержки и превращая товары в услуги, обеспечивающие большую прибыль. Платформенное право могло бы стать механизмом сетевого взаимодействия искусственного интеллекта, больших данных и интернета вещей. Оно должно быть сходным с интеграционным правом, но пронизанным, в соответствии со своей обновленной природой, научно-технологическими и информационно-цифровыми алгоритмами правоотношений и взаимодействий. Чтобы соответствовать требованиям времени, правовые институты должны меняться — господство платформенных бизнес-моделей создает новые правовые отношения и потребность в поиске нового содержания и новых правовых форм институционального регулирования меняющихся общественных отношений. Правовое поле платформенных бизнес-моделей находится в постоянном поиске баланса между инновациями (технологии + экономика) и их юридическим регулированием.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интернет вещей, большие данные, Индустрия 4.0, платформенные бизнес-модели, платформенные правовые модели, платформенное право, цифровое право, сетевая модель, инновационная экономика, право Европейского Союза, интеграционное право.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.026-040

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-29/16150 «Искусственный интеллект и робототехника: компаративистское исследование моделей правового регулирования в современных государствах, международных организациях и интеграционных объединениях».

S. Yu. KASHKIN,

*Head of the Integration and European Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the RF
info@eulaw.edu.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

A. V. ALTOUKHOV,

*PhD student of "Innovation Economics" Department,
Engineer of "Innovation Business & Entrepreneurship Lab", Faculty of Economics,
Lomonosov Moscow State University
alexei.altoukhov@gmail.com
119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1-13*

THE CONCEPT OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: PLATFORM LEGAL MODELS

Abstract. *Modern technologies and new management concepts — industrial and product platforms — create breakthrough innovative products and services based on the integrated integration of Artificial Intelligence, Big Data and the Internet of Things. The cost of communications has plummeted over the past decade, making network and system integration less expensive. Platforms are the physical embodiment of networking. They take traditional production to digital footing, lowering production costs and turning products into services that provide greater profit. Platform law could become a mechanism for the network interaction of Artificial Intelligence, Big Data and the Internet of Things. It should be like integration law, but permeated, in accordance with its updated nature, scientific, technological and information-digital algorithms of legal relations and interactions. To meet the requirements of the time, legal institutions must change — the dominance of platform business models creates new legal relations and the need to seek new content and new legal forms of institutional regulation of changing social relations. The legal field of platform business models is in a constant search for a balance between innovations (technologies + economics) and their legal regulation.*

Keywords: *Artificial Intelligence, Internet of Things, Big Data, Industry 4.0, Platform Business Models, Platform Legal Models, Platform Law, Digital Law, Network Model, Innovative Economy, European Union Law, Integration Law.*

Введение

Развитие науки в наш цифровой век происходит таким образом, что наилучших успехов можно добиться скорее в глубоких междисциплинарных исследованиях, в которых профессионально соединяются ранее трудно совместимые науки. Современное правовое регулирование искусственного интеллекта и связанных с ним технологий требует именно такого подхода. Вот почему вместо того, что-



бы делать две отдельные статьи на одну тему, авторы — по образованию физик и экономист А. В. Алтухов и юрист и филолог С. Ю. Кашкин предпочли совместить свои познания в стремлении достичь искомой междисциплинарной синергии. В то же время статью можно весьма логично разделить на технолого-юридический раздел 1 (А. В. Алтухов) и юридико-технологический раздел 2 (С. Ю. Кашкин).

1. Возможность применения аналогов платформенных бизнес-моделей в праве (или платформенные бизнес- и правовые модели)

Синергия новейших технологий и управленческих решений² — промышленных³ и продуктовых платформ⁴ — позволяет создавать уникальные инновационные продукты и услуги, требующие принципиально нового по форме и содержанию правового регулирования, пути к которому еще только намечаются. Их создание стало возможным лишь благодаря совершенствованию всепроникающих инновационных научно-технологических процессов. Прежде «мертвые» научно-технологические компоненты стали интегрироваться в «живого» человека, в его тело, мозг, ежедневный быт, семейные и многообразные общественные отношения, традиционно регулируемые правом.

Хронологически первым был линейный процесс «технологического толчка» (от науки — к рынку), развитие науки носило объективный, независимый от рынка характер, что можно проследить по научным революциям и коррелирующим с ними сменам технических укладов. Следующий за ним линейный процесс «давления рыночного спроса» (от потребностей рынка — к науке) связывает развитие инновационного потенциала экономики с требованиями рынка. Процессы «толчка» и «давления» являются двумя экстремумами общего процесса взаимодействия — интерактивной модели, моделирующей нелинейный характер инновационного процесса⁵.

В последнее десятилетие стоимость коммуникаций резко упала, что позволило перейти от линейных моделей управления инновациями к созданию сетей и комплексному системному интегрированию, гарантирующих скорость и гибкость развития. Внешняя среда способствует формированию и развитию экосистем бизнеса⁶.

² Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. М. : Манн, Иванов, Фербер, 2019. 320 с.

³ Афинская З. Н., Алтухов А. В. Эвристический потенциал кочевых понятий: платформа // Коммуникативные исследования. 2020. № 1.

⁴ Афинская З. Н., Алтухов А. В. Указ. соч.

⁵ Алтухов А. В., Тищенко С. А., Иващенко Н. П. Математическое моделирование сетевого симбиотического взаимодействия компаний на базе платформенных решений // Математика. Компьютер. Образование : материалы Двадцать седьмой Международной конференции (г. Дубна, 27 января — 1 февраля 2020 г.).

⁶ Экономика инноваций : учебное пособие / Н. П. Иващенко, А. А. Энговатова, М. С. Шахова [и др.]. М. : Теис, 2016. 310 с.

Платформы являются физическим воплощением сетевого взаимодействия. Цифровые платформы создают оборудование и программное обеспечение, необходимые для перевода традиционного производства на цифровые рельсы, что позволит снизить производственные издержки и превратить товары в услуги. Это меняет и производственные процессы, и отношения, и характер получения прибыли, и сами общественные отношения, а соответственно, и их правовое регулирование.

А. Моазед и Н. Джонсон⁷ вводят лестницу, определяющую развитие качества сети:

- сообщество: нормы поведения в экосистеме платформы;
- взаимосвязь: максимально возможное количество взаимодействий;
- взаимодействие: акторы экосистемы сотрудничают для создания дополнительной ценности;
- общение: взаимодействие акторов;
- курирование: хранение и аналитика информации об экосистеме.

Доходность платформы зависит от размера и качества сети. Базовой транзакцией является как обмен, когда стороны обмениваются ценностями напрямую, так и распространение информации, когда активная сторона рассылает информацию заинтересованным пассивным сторонам.

После создания сетевой интеграции и возникновения обмена ценностями начинается усиление сетевых эффектов из-за мобилизации пользователей. Усиливая взаимодействие, платформенные бизнес-модели обеспечивают пользователям удовлетворение базовых интересов и улучшает качество сети, создавая новые типы ценностей. В апогее развития платформа может дать возможность пользователям контролировать сообщество, управляя сетью. С каждой итерацией происходят усиление сетевых эффектов платформы и создание ценности сети. Интеграция ступеней творит «экосистему создания ценностей».

Хронология появления 5 типов существующих на сегодняшний день платформ (на начало 2020 г.) следующая: рекламные платформы (Google, Facebook, 2000), облачные платформы (Amazon Web Services (AWS), Salesforce, 2005), промышленные платформы (GE, Siemens, 2008), продуктовые платформы (Rolls-Royce, Spotify, 2012), бережливые платформы (Uber, Airbnb, 2015)⁸.

Концепция «умного» города опирается на научно-технологическое и личностное развитие общества. Основой «умных» городов с «умными» домами являются индустриальные платформы⁹. Разработка индустриальных платформ для «умного» города на основе промышленного интернета вещей и искусственного интеллекта (ИИ), созданных на основе галлий-нитридных технологий для све-

⁷ Моазед А., Джонсон Н. Платформа, практическое применение бизнес-модели. М. : Альпина Паблишер, 2019. 288 с.

⁸ Altoukhov A. V. Industrial product platforms and blockchain in aquaculture // IOP Conference Series. Vol. 421 of Earth and Environmental Science. England, 2020.

⁹ Алтухов А. В., Ефимов А. В. Индустриальные платформы для создания светоцветовой среды в условиях «умного» города // Вестник МГХПУ. Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. 2019. № 4. С. 133—143.



тодиодов¹⁰, лазеров для передачи информации и транзисторов в качестве вычислительных элементов, позволит реализовать самые смелые дизайнерские и архитектурные проекты.

По мере того, как сбор, хранение и анализ данных становятся более дешевыми, все больше компаний пытаются внедрять платформы в традиционное производство. Самые заметные из этих попыток происходят под рубрикой ИИ, интернета вещей (IoT), больших данных (Big Data) и Индустрии 4.0¹¹. В управление ядром платформенных бизнес-моделей — анализе и перенаправлении информационных потоков — особая роль принадлежит искусственному интеллекту¹², что вытекает из Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹³. В нашей стране назрела необходимость реализации «междисциплинарных исследовательских проектов в области искусственного интеллекта в различных отраслях экономики»¹⁴.

Актуальной задачей юристов являются разработка и апробация правового модуля киберпространства, состоящего из ряда концептов: киберправа, «платформенного права», интернет-права. Колоссальное количество международных цифровых сделок совершается клиентами платформенных компаний, пока правовая наука пытается осмыслить фазовые юридические переходы, вызванные новой технологической парадигмой¹⁵. Экспериментально в Российской Федерации формируется правовая практика, адаптированная к вызовам цифровой среды, например метод «регуляторных песочниц» и «регуляторной гильотины».

Многие юристы знакомы с недавними громкими дебатами по поводу применимости актуального законодательства к компаниям-платформам, на которых выяснялось: является ли такси бережливой платформа Uber, должны ли облагаться налогом транзакции на облачной платформе Amazon Web Store, возможно ли организовать проверки конфиденциальности информации на рекламных платформах Google или Facebook¹⁶.

¹⁰ *Altoukhov A., Levrat J., Feltin E., Carlin J.-F., Castiglia A., Butté R., Grandjean N.* High reflectivity airgap distributed Bragg reflectors realized by wet etching of AlInN sacrificial layers // *Applied Physics Letters*. 2009. Vol. 95. № 19. 191102—3.

¹¹ *Срничек Н.* Капитализм платформ. М. : ИД Высшей школы экономики, 2019. 128 с.

¹² *Морхат П. М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд. М. : Буки Веди, 2017. 257 с. ; *Он же.* Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект : монография. М. : Юнити, 2018. 121 с. ; *Он же.* Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта: гражданско-правовое исследование : монография. М. : Юнити-Дана, 2018. 112 с.

¹³ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // *Представительная власть*. 2019. № 5—6 (172—173). С. 18. См. также: *Любимов А. П., Пономарева Д. В., Барабашев А. Г.* О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // *Там же*. С. 1—7.

¹⁴ *Кашкин С. Ю., Покровский А. В.* Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском Союзе // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 4. С. 64—90.

¹⁵ *Мажорина М. В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // *Lex russica*. 2019. № 2. С. 107—120.

¹⁶ *Lobel O.* The Law of the Platform, 101 MINN // *L. Rev.* 2016. 87. 117—166.

Юридические отделы компаний, построенных на платформенных бизнес-моделях, стараются минимизировать свою ответственность перед законом и максимально расширить возможности для самоопределения и самоуправления. Их вмешательство ускорило и изменило траекторию институциональной эволюции. Компании, использующие платформенные бизнес-модели, разработали набор стратегий¹⁷ для того, чтобы избежать ответственности в судебных процессах¹⁸. В то же время надо признать, что платформы остаются практически не затронутыми юридическими правилами¹⁹. Относительно редкие судебные иски, выигранные против платформенных компаний, мало влияют на разработку актуального и эффективного законодательства в этой сфере.

Два громких примера связаны с рекламными платформами Facebook и Google. В 2010 г. компания Facebook был присужден штраф в размере 9,5 млн долл. США за раскрытие конфиденциальной информации ее службой Beacon, которая автоматически перенаправила пользовательские сообщения, предназначенные только для ограниченного распространения, для рекламы продуктов и услуг, о которых упоминали пользователи²⁰. В 2011 г. компания Google по решению суда вынуждена была заплатить 8,5 млн долл. США для урегулирования претензий, связанных с развертыванием службы социальных сетей Google Buzz. Социальные сети использовали контакты пользователей электронной почты Gmail для заполнения общедоступных профилей²¹. Размеры штрафов выглядят внушительно в абсолютном значении, но минимальны по отношению к обороту и биржевой стоимости платформенных корпораций.

Корпорации-платформы были обязаны изменить практику сбора информации и сообщить о ней потребителям, но не полностью ее прекратить. Рекламные и облачные платформенные компании, для которых сбор и анализ информации является сердцевиной бизнеса, попадают под удар из-за неразвитого законодательства.

Судебные иски против бережливой платформы Uber начали следовать по похожему схемам. Были поданы групповые иски пассажиров такси Uber, беспокоящихся за свою безопасность. От них не отстают водители Uber, утверждающие, что они являются сотрудниками, имеющими право на возмещение расходов на топливо и техническое обслуживание²².

¹⁷ Gillian K. Hadfield, *rules for a flat world: why humans invented law and how to reinvent it for a complex global economy* (2016).

¹⁸ Cohen J. E. *Information Privacy Litigation as Bellwether for Institutional Change*, 67 *DePaul L. Rev.* 2017. 535.

¹⁹ *In re: LinkedIn User Privacy Litig.*, 309 F. R. D. 573, 584 (N. D. Cal. 2015) ; *In re: Google Referrer Header Privacy Litig.*, No. 5:10-cv-04809 EJD, 2014 WL 1266091, at *2—4 (N. D. Cal. Mar. 26, 2014); *In re : Netflix Privacy Litig.*, No. 5:11-CV-00379 EJD, 2012 WL 2598819, at *2—4 (N. D. Cal. July 5, 2012).

²⁰ *Kravets D.* Judge Approves \$9.5 Million Facebook 'Beacon' Award // *Wired*. 2000. Mar. 17. 2:18 PM ; *Singel R.* Facebook Beacon Tracking Program Draws Privacy Lawsuit // *Wired*. 2008. Aug. 14. 1:48 PM.

²¹ *Darlin D.* Google Settles Suit over Buzz and Privacy // *N. Y. Times* (Nov. 3, 2010, 12:19 AM) ; *Helft M.* Critics Say Google Invades Privacy with New Service // *N. Y. Times*. 2010. Feb. 12.

²² *Levin S.* Uber Lawsuits Timeline: Company Ordered to Pay Out \$161. 9m Since 2009 // *Guardian*. 2016. Apr. 13. 7:00 AM.



В Европейском Союзе²³ правовое поле в области информации, как нам представляется, регулируется более эффективно — Суд Европейского Союза и Европейская комиссия четко сформулировали необходимость учитывать общественные интересы в отношении свободы слова и доступа к информации, ее индексацию поисковыми системами и ее архивирование по исходным сайтам²⁴.

Чтобы соответствовать требованиям времени, правовые институты должны меняться — господство платформенных бизнес-моделей создает новые правовые отношения и новые институциональные и юридические механизмы урегулирования. Детали правового регулирования, кажущиеся на первый взгляд маленькими или не заслуживающими внимания, могут вызывать глубокие системные последствия в обществе, экономике, политике, даже в самом человеке. Правовое поле платформенных бизнес-моделей находится в постоянном диалектическом поиске баланса между инновациями (технологии+экономика) и их правовым регулированием, т.е. к этим двум компонентам должно добавиться право (технологии + экономика + право). И на этом пути усилия ученых, экономистов и юристов должны синергетически объединиться во имя интересов человека! В результате может появиться платформенная правовая модель или платформенное право.

2. Возможность и перспективы использования правовых платформенных моделей для правового регулирования искусственного интеллекта и связанных с ним технологий

Что сегодня могут предложить юристы? Цифровая среда ускоренно расширяется, углубляется и приобретает новые формы и содержание, что требует адекватного нашему цифровому веку гибкого и при этом устойчивого комплексного правового регулирования. В нем должна быть и правовая определенность, стабильность, и способность к быстрому правовому регулированию, реагированию, а также к эффективному контролю в соответствующих сферах в интересах общества. Оно должно быть способным предвидеть будущее и содействовать позитивному развитию общества в цивилизационно прогрессивном направлении, а также

²³ Право Европейского Союза : учебник : в 2 т. / под ред. С. Ю. Кашкина. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. Т. 2: Особенная часть. Основные отрасли и сферы регулирования права Европейского Союза. Правовые аспекты участия России в европейских интеграционных процессах / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков [и др.]. 1023 с.

²⁴ Case C-131/12, Google Spain SL v. Agencia Espanola de Proteccion de Datos (AEPD), ECLI:EU:C:2014:317, 81, 85—86 (2014) ; Article 29 data prot. working party, guidelines on the implementation of the court of justice of the european union judgment on ‘Google Spain and Inc v. Agencia Española de protección de datos (AEPD) and Mario Costeja González’ C-131/12 2 (2014) // URL: http://ec.europa.eu/justice/data-protection/article-29/documentation/opinion-recommendation/files/2014/wp225_en.pdf ; Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation), 65—66 & arts. 17, 19, 85, 88, 2016 O.J. (L 119) 1.

предвосхищать и устранять риски и опасности развития современного общества.

Представляется, что новое платформенное право должно быть в чем-то сходным с интеграционным правом, которое строится на основе совмещения взаимных интересов участников, закрепляется международным договором, а затем соблюдается с той же степенью обязательности, что и национальное право государства²⁵.

Платформенное право призвано приспособить и гармонично соединить право с цифровыми технологиями настоящего и будущего в единый непротиворечивый научно-юридический многодисциплинарный комплекс. Оно должно, конвергируя науку и технологии в право, своевременно модифицировать старые и находить новые юридические принципы взаимодействия человека, научных технологий и общества и быть способным адекватно регулировать все разнообразие взаимосвязанных сфер современных инновационных технологических направлений: искусственного интеллекта и робототехники, цифровых и информационных технологий, интернета вещей и т.д.

Подобно коммунитарному методу Монне — Шумана платформенное право должно:

- 1) определить максимально широкую социально определенную правовую «платформенную» цель, области применения и ее функционалы;
- 2) найти неотъемлемые жизненно важные интересы государств и народов (состоящих из отдельных граждан), пользующихся социальными благами «платформ», цели которых все они разделяют;
- 3) определить достаточно четко выраженные этапы движения в направлении выбранной цели, с тем чтобы на каждом этапе движения к ней государства и их граждане отчетливо видели позитивные социально значимые результаты этого движения;
- 4) создать соответствующую институционально-организационную систему (институтов и органов), которой государства готовы были бы передать свои прежде суверенные полномочия управления общественными отношениями в строго определенных цивилизационно прогрессивных сферах жизнедеятельности, учитывая, однако, новейшие тенденции мирового развития человечества в интересах человека.

При этом такая система институтов платформенного права должна состоять из единого комплекса элементов разделения, баланса и взаимодействия властей и при этом быть обеспечена надежными демократическими и авторитетными контрольными органами, способными сдерживать избыток как центростремительных, так и центробежных тенденций, неизбежных в развитии такого рода отношений.

Широкое и действенное правовое регулирование искусственного интеллекта и связанных с ним технологических комплексов весьма трудно обеспечить в узких рамках одной страны. Подобного рода законодательство, чтобы стать достаточно эффективным, поскольку оно регулирует явления практически глобального масштаба с всемирными последствиями, должно приобретать экстерриториальный характер, выходить на международный, региональный, межконтинентальный и даже глобальный уровень. По мере накопления такого законодательства, ро-

²⁵ Кашкин С. Ю. Интеграционное право : учебник. М. : Проспект, 2017. 720 с.



ста количества и качества актов, принципиального признания их необходимости и реализации на практике должна происходить и их кодификация.

В каком направлении может идти поиск правовых механизмов регулирования искусственного интеллекта и связанных с ним технологий?

Прежде всего необходимо выработать морально-нравственные, этические критерии обновляемого права современности.

Изначально в человеческом обществе право возникло в большой степени на основе морали, нравственности, этики, прошло через идеологию религий, политики, оттачивалось экономикой и отношениями между классами и группами людей. Теперь новая социально-цифровая революция более, чем какая-либо прежняя промышленная, технологическая или научная революция, имеет главным своим объектом не только и не столько производство, сколько человека, суверенитет и неприкосновенность данной ему природой личности.

В условиях этой новой по своей сути революции обновление и формирование нового права снова должно осуществляться прежде всего на основе морали, нравственности и этики²⁶, ставящих человека и его личность в качестве основной ценности, защищаемой правом. Именно эти ценности и представляют собой подлинное социально-человеческое содержание личности и соответствующий элемент современной социально-цифровой революции. Именно целостность личности и должно защитить право в резко меняющихся общественных отношениях. В этой ситуации люди должны обеспечить при помощи права, чтобы «цифра», которую придумал человек, служила человеку, а не человек — «цифре»!

Первое естественное и неоспоримое право человека — право на жизнь — предполагает одновременно и естественное и неоспоримое право и привилегию человека на обладание естественным интеллектом личности. Все прежние экономические, промышленные, политические и технические революции не пытались вторгаться в святая святых — в интеллект, принадлежащий человеку в силу его природы, в интеллект суверенной и свободной личности. А нынешняя социально-цифровая революция в качестве своей главной конечной цели видит создание искусственного интеллекта, который готов вторгаться в интеллект естественный, в личность самого человека. Поэтому такая революция может иметь самый непредсказуемый для судеб человечества эффект.

Именно эта главная ценность должна проходить красной нитью через все этапы правового регулирования искусственного интеллекта и связанных с ним технологий в текущую эпоху современной социально-цифровой революции!

В вероятном правовом регулировании искусственного интеллекта и связанных с ним технологий в современную эпоху нам представляется возможной следующая логическая схема развития: от саморегулирования (через логику его удобства для участников правоотношений без нарушения суверенитета государства) к мягкому праву, когда мы наблюдаем весьма логично просматривающееся движение от общих слов в виде «протоколов о намерениях», к «дорожным картам», как бы дающим общее стратегическое видение развития в разных сферах

²⁶ На это обращено внимание в п. 57 Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

правового регулирования (по конкретным областям общественной жизни) в желательном направлении.

Затем — движение к более четкой «программе действий», конкретизирующей основные конкретные стратегические направления (рисующие определенные механизмы, ресурсы и подцели). Мягкое право является результатом понимания необходимости некоторых уступок прежде суверенных прав государств и через усиление логики принятия выгод таких уступок как участниками этих отношений, так и государствами и их интеграционными объединениями. Важным условием является поддержка этих действий населением.

Особую роль приобретает в современных условиях то, что реальное значение мягкого права тем больше, чем оно логичнее и аргументированнее выражает неотъемлемые интересы сторон, участвующих в интеграционных отношениях. Опять мы видим действие коммунитарного принципа Монне — Шумана! Обладающее высокой степенью убедительности, признаваемое и ставшее привычным, мягкое право подчас принимается и на практике действует почти как жесткое, обязательное. Оно имеет перспективы в будущем перерасти и в полноценное обязательное право.

Промежуточное положение может занять появившееся недавно в Европейском Союзе новое понятие «полужесткое право» (*hoft law = hard and soft Law*). Оно позволяет по некоторым вопросам принимать на себя определенные общие обязательства (*opt in*), а по некоторым — отказываться от них (*opt out*), как, например, Великобритания в рамках ЕС²⁷. Но это возможно в отношении ИИ скорее как временная мера, необходимая для формирования сравнительно однородного правового пространства и в поисках консенсуса по более важным вопросам.

После этого логичен переход к серьезной, устраивающей все участвующие стороны комплексной и системной взаимосвязанной гармонизации правовых отношений в области регулирования искусственного интеллекта и связанных с ним технологий.

Поэтому от полужесткого права становится уже совершенно обоснованным обращение к стандартному обязательному правовому регулированию на национальном уровне (с применением известных европейскому праву директив и регламентов). По мере укрепления и усиления доверия и роста понимания неотъемлемых взаимных интересов стран и удовлетворенности населения ходом совершенствования правового регулирования технологий искусственного интеллекта возможно и дальнейшее движение уже от гармонизации к более широкому применению метода унификации законодательства в этой сфере и территориальное расширение ее применения.

В правовом регулировании искусственного интеллекта и связанных с ним технологий огромное значение имеют механизмы ответственности и правового контроля за его развитием, в том числе и за деятельностью создателей юнитов искусственного интеллекта. Большую роль в этом имеют и технический и технологический контроль, стандартизация, и создание гармонизированных или унифицированных технических регламентов.

В правовом регулировании технологий искусственного интеллекта возможна попытка обращения законодателя к модельным, памятным еще с нашего совет-

²⁷ *Edward D., Lane R. European Community Law. An Introduction. Edinburg, 1995. P. 64.*



ского юридического прошлого, Основам законодательства (в области искусственного интеллекта) — привычной и достаточно эффективной форме модельного законотворчества. Такая форма позволяет обеспечить некоторую свободу соблюдения общего правила при учете обычно менее принципиальных для его реализации национальных особенностей субъектов федерации, регионов и государств. Это очень близко к практике применения директив в праве Европейского Союза.

Крайне полезно для деятельности судебных органов в области правового регулирования искусственного интеллекта более творческое и решительное применение классической американской концепции «подразумеваемых полномочий» и революционного «судебного активизма», которые часто используются органами судебной власти интеграционных организаций, в частности Судом Европейского Союза.

К этим методам тесно примыкают близкие по своим правовым последствиям методы рецепции, трансформации и стандартизации, широко применяемые в процессе интеграции.

«В юридическом смысле “интеграция” — это создание оптимальных механизмов и алгоритмов правового регулирования общественных отношений, направленных на достижение совершенствования и саморазвития общества в его стремлении к более целостному позитивному цивилизационному развитию»²⁸.

В праве ЕС заложена концепция хорошего управления, а граждане Союза на основе Лиссабонского договора имеют право на хорошее управление. Оно рассматривается как один из краеугольных механизмов, совершенствующих на наднациональном уровне взаимодействие властей, институтов и органов Европейского Союза между собой, оптимально строящих отношения с гражданами, а также успешно представляющих Союз на международной арене.

Среди зарубежных исследователей единого мнения о сущности концепции хорошего управления нет. Они как бы расширительно дополняют один другого. Поэтому хорошее управление рассматривается и как образец разумной политики Союза, процесса стабилизации и объединения, европейской политики соседства и устойчивого развития²⁹; и как фактор целостности и сплоченности, включая административный, юридический и этический аспекты³⁰; и даже как «один из трех краеугольных камней любого современного государства» (вместе с верховенством закона и демократией). Эта концепция развивается в региональном и международном масштабах³¹, приобретая дополнительные оттенки и подчас весьма различные значения. Это и «хорошее администрирование», и «новое публичное» управление, и «умное правление», приобретающие в разных странах не только популярность, но и своеобразие.

²⁸ *Кашкин С. Ю.* Интеграционное право — важнейший компонент правовой глобалистики // Международно-правовые чтения. Вып. 14. Воронеж, 2014.

²⁹ *Good governance in the European Union / T. A. Börzel [et al.] // Berlin Working Paper on European Integration. 2008. № 7. P. 11, 15—45.*

³⁰ *Addink G. H.* Good governance in EU member states. Utrecht University, 2015. P. 44—45.

³¹ *Cuculoska I.* The Right to Good Administration of the EU: Definition, Scope and Content // *Justinianus Primus Law Review.* 2014. Vol. 5:2. P. 2—3.

Следовательно, концепция хорошего управления сегодня не только выражает «идеи прав человека, демократизации и демократии, верховенства закона, гражданского общества, децентрализованного разделения власти и благоразумного публичного администрирования»³², но и содействует обеспечению эффективности и законности осуществления ЕС его внутренней и внешней политики.

Хорошее управление представляет собой эффективную общую идеологически окрашенную концепцию, не имеющую четкого легального определения. Однако принципы хорошего управления довольно обстоятельно разработаны в доктрине и судебной практике Союза. Общая концепция хорошего управления на практике разделяется всеми государствами — членами ЕС и популярна за рубежом. К принципам хорошего управления относятся прозрачность, адекватность, участие, эффективность, подотчетность и права человека³³.

Нет сомнения, что, будучи демократичной, эффективной и столь популярной, концепция хорошего управления должна использоваться для правового регулирования искусственного интеллекта и связанных с ним технологий. Она соответствует принципам гуманизма, морали и нравственности человека. Будучи достаточно гибкой, она может успешно обеспечивать законность, справедливость, идеалы правового демократического государства и права человека, приспосабливаясь к меняющимся условиям общественных отношений нашего цифровизирующегося мира.

Право на хорошее управление имеет реальный потенциал не только превратиться постепенно в один из принципов, признаваемых в различных государствах, но и стать признанным международным правом. Относительно того, считать ли право на хорошее управление принципом международного права (как, например, принцип уважения прав и свобод человека), в настоящее время на доктринальном уровне между европейскими исследователями ведется полемика³⁴.

В Российской Федерации для ускоренного внедрения технологий искусственного интеллекта планируется использовать в качестве экспериментального правового механизма регулирования искусственного интеллекта и связанных с ним технологий так называемые «регуляторные песочницы». Это специальные правовые режимы для бизнеса, создание которых предусмотрено подготовленным Минэкономразвития РФ законопроектом «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций»³⁵. Этот механизм предусматривает апробацию инновационных товаров и услуг в области цифровых технологий. В рамках «регуляторных песочниц», как планируется, должно действовать особое правовое регулирование, исключаящее применение к определенным видам бизнеса ряда требований. Такие экспериментальные площадки дадут возможность обеспечить ускорение внедрения инноваций, в том числе в сфере искусственного интеллекта.

³² European Commission. 2003:4.

³³ Addink G. H. Good governance in EU member states. P. 11—12.

³⁴ См., например: Addink G. H. Good Governance: A Principle of International Law. “What’s Wrong with International Law?”. Leiden/Boston, 2015. P. 288.

³⁵ Проект федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» // СПС «КонсультантПлюс». 14.01.2019.



Для ускорения проведения технологических реформ в России также предполагается использование открытого компанией «Джейкобс, Кордова и партнеры» на основе удачного опыта таких интеграционных объединений и стран, как ОЭСР, Швеция и Южная Корея, метода «регуляторной гильотины». К настоящему времени этот правовой инструмент применили в своей практике уже более 100 стран. В их числе Хорватия, Великобритания, Мексика, Вьетнам, Египет, Южная Корея и др. Успешнее всего внедрение «регуляторной гильотины» произошло в Казахстане.

Это метод осуществления реформ для упрощения норм регулирования бизнес-процессов. В его основу входит пересмотр регулирующих норм, которых стало слишком много и надзор за которыми чрезвычайно затянут по времени. Суть его состоит в упрощении норм, которые обоснованы законом, но мешают ускоренному развитию бизнеса. Мы наблюдаем, как экономика и право подчиняются логике прогресса и модели бизнес-платформ и правовых платформ следуют подобным правилам, заимствуя черты друг у друга.

Широкий комплекс мер правового регулирования искусственного интеллекта и связанных с ним технологий вытекает из Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) и Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»³⁶.

Правовое регулирование искусственного интеллекта и связанных с ним технологий через комплексные платформенные правовые модели может начинаться и осуществляться в рамках правовых систем разных или нескольких государств. Однако, чтобы стать эффективным и масштабным, оно должно получить международное признание и применение.

Соответственно, его развитие, распространение и действие возможны через международное право и более всего, как нам представляется, через интеграционное право (право интеграционных организаций), а также через наиболее масштабный механизм интеграции — механизм интеграции интеграций, имеющий в конечном счете глобальную направленность. Быть может, интеграционные механизмы удастся запустить сначала не по максимально широким сферам деятельности, а по наиболее важным вопросам, связанным с перспективами выживания человека и человечества в соревновании с искусственным интеллектом в нашу цифровую эпоху.

³⁶ Национальная программа принята в соответствии с Указом Президента России от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и утверждена 24.12.2018 на заседании президиума Совета при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алтухов А. В., Ефимов А. В.* Индустриальные платформы для создания светоцветовой среды в условиях «умного» города // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПУ. — 2019. — № 4. — С. 133—143.
2. *Алтухов А. В., Тищенко С. А., Иващенко Н. П.* Математическое моделирование сетевого симбиотического взаимодействия компаний на базе платформенных решений // Математика. Компьютер. Образование : материалы Двадцать седьмой Международной конференции (г. Дубна, 27 января — 1 февраля 2020 г.).
3. *Афинская З. Н., Алтухов А. В.* Номадические термины в процессе циркуляции знания: платформа // Вестник Московского университета. — Сер. 19 : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — № 1.
4. *Афинская З. Н., Алтухов А. В.* Эвристический потенциал кочевых понятий: платформа // Коммуникативные исследования. — 2020. — № 1.
5. *Иващенко Н. П.* Экономика инноваций : учебное пособие. — М. : Теис, 2016. — 310 с.
6. *Кашкин С. Ю.* Интеграционное право : учебник. — М. : Проспект, 2017. — 720 с.
7. *Кашкин С. Ю.* Становление права науки как новой комплексной отрасли права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 5. — С. 16—27.
8. *Кашкин С. Ю., Покровский А. В.* Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском Союзе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 4. — С. 64—90.
9. *Любимов А. П., Пономарева Д. В., Барабашев А. Г.* О национальной стратегии развития искусственного интеллекта // Представительная власть. — 2019. — № 5—6 (172—173). — С. 1—7.
10. *Мажорина М. В.* Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа? // Lex russica. — 2019. — № 2. — С. 107—120.
11. *Макафи Э., Бриньолфсон Э.* Машина, платформа, толпа. — М. : Манн, Иванов, Фербер, 2019. — 320 с.
12. *Марш П.* Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. — 419 с.
13. *Моазед А., Джонсон Н.* платформа, практическое применение бизнес-модели. — М. : Альпина Паблишер, 2019. — 288 с.
14. *Морхат П. М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд. — М. : Буки Веди, 2017. — 257 с.
15. *Морхат П. М.* Право интеллектуальной собственности и искусственный интеллект : монография. — М. : Юнити, 2018. — 121 с.
16. *Морхат П. М.* Правосубъектность юнитов искусственного интеллекта: гражданско-правовое исследование : монография. — М. : Юнити-Дана, 2018. — 112 с.
17. *Право Европейского Союза : учебник : в 2 т. / под ред. С. Ю. Кашкина.* — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2015. — Т. 2 : Особенная часть. Ос-



- новые отрасли и сферы регулирования права Европейского Союза. Правовые аспекты участия России в европейских интеграционных процессах / С. Ю. Кашкин, А. О. Четвериков [и др.]. — 1023 с.
18. *Срничек Н.* Капитализм платформ. — М. : ИД Высшей школы экономики, 2019. — 128 с.
 19. *Addink G. H.* Good governance in EU member states. — Utrecht University, 2015.
 20. *Altoukhov A. V.* Industrial product platforms and blockchain in aquaculture // IOP Conference Series. — Vol. 421 of Earth and Environmental Science. — England, 2020.
 21. *Altoukhov A., Levrat J., Feltin E., Carlin J.-F., Castiglia A., Butté R., Grandjean N.* Highreflectivity airgap distributed Bragg reflectors realized by wet etching of AlInN sacrificial layers // Applied Physics Letters. — 2009. — Vol. 95. — № 19.
 22. *Baldwin C., Woodard C. J.* The Architecture of Platforms: A Unified View // Platforms, Markets and Innovation / A. Gawer (ed.). — Cheltenham : Edward Elgar, 2009. — P. 19—44.
 23. *Cohen Julie E.* Law for the Platform Economy (June 22, 2017) // UC Davis Law Review, Forthcoming ; SSRN // URL: <https://ssrn.com/abstract=2991261> (дата обращения: 01.12.2019).
 24. *Cusumano M. A., Gawer A., Yoffie D. B.* The Business of Platforms: Strategy in the Age of Digital Competition, Innovation, and Power. — Harper Collins Publishers, 2019. — 320 p.
 25. *Lobel O.* The Law of the Platform // Minnesota Law Abstract. — 2016. — Vol. 101.
 26. *Loffler M., Tschiesner A.* The Internet of Things and the Future of Manufacturing. McKinsey & Company // URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/the-internet-of-things-and-the-future-of-manufacturing> (дата обращения: 01.12.2019).
 27. *Parker G. G., Marshall W. V.-A., Choudary S. P.* Platform Revolution : How Networked Markets Are Transforming the Economy and How to Make Them Work for You — W. W. Norton & Company, 2017. — 352 p.
 28. *Reillier L. C., Reillier B.* Platform Strategy : How to Unlock the Power of Communities and Networks to Grow Your Business. — Taylor & Francis, 2017. — 240 p.

РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗВИТИИ МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В ОТДЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация. Статья посвящена роли правовой культуры в развитии модели правового государства. Автор рассматривает понятия данных социальных явлений. Также сопоставляются правовое государство и конституционное государство. В процессе исследования выявлены особенности модели правового государства в отдельных правовых системах. Автор использует отечественный и зарубежный правовой опыт.

Ключевые слова: правовая система, взаимодействие систем, правовая культура, правовое государство, конституция, правовая доктрина.



**Айдар Рушанович
ГУБАЙДУЛЛИН,**

доцент кафедры теории
и истории государства
и права

Казанского (Приволжского)
федерального
университета,
кандидат юридических
наук, доцент
aidargubaidullin@list.ru
420008, Россия, Республика
Татарстан, г. Казань,
ул. Кремлевская, 18

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.041-049

A. R. GUBAIDULLIN,

Associate professor of the chair of theory and history of state and law
of the Kazan (Volga region) Federal University,
candidate of law sciences, associate professor

aidargubaidullin@list.ru

420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, ul. Kremlyovskaya, 18

THE ROLE OF LEGAL CULTURE IN THE DEVELOPMENT OF MODEL OF RULE-OF-LAW STATE IN CERTAIN LEGAL SYSTEMS

Abstract. The article is devoted to the role of legal culture in the development of model of rule-of-law State. The author considers the concepts of these social phenomena. Rule-of-law State and Constitutional state are also compared. In the process of the research, peculiarities of model of rule-of-law State in certain legal systems are discovered. The author uses national and foreign legal experience.

Keywords: legal system, interaction of systems, legal culture, rule-of-law State, constitution, legal doctrine.

Вторая половина XX в. ознаменовалась бурными геополитическими событиями, повлиявшими на правовую карту мира. Распад колониальной системы, развитие международной правовой системы, эволюция постсоциалистических правовых систем привели к изменениям в различных правовых пространствах.

© А. Р. Губайдуллин, 2020

Данные процессы, протекая на различных уровнях правовых систем, носили неоднородный характер. Достаточно очевидно, что заимствование зарубежного нормативного опыта отнюдь не предполагает столь же быстрые изменения в правосознании и в правовых традициях. А ведь именно они во многом обеспечивают консерватизм правовой материи. В свою очередь, это порой приводит к ситуации, в которой нормативная составляющая резко контрастирует с тем, что складывается в рамках социальной и юридической практики.

В связи с этим не может не вызывать интерес категория «правовое государство», получившая свое первоначальное развитие преимущественно в недрах западной политико-правовой мысли и распространившаяся в дальнейшем за ее пределы.

Данное понятие встречается в ряде зарубежных конституций. Среди них можно выделить ст. 28 Основного закона ФРГ от 23 мая 1949 г., ст. 2 Конституции Республики Польша от 2 апреля 1997 г., ст. 1 Конституции Федеративной Республики Бразилии от 5 октября 1988 г.¹ Стоит учитывать, что признаки и принципы правового государства нашли свое отражение в законодательстве значительного числа современных государств.

Рассматриваемое понятие также закреплено в Конституции Российской Федерации².

Целью данного исследования является выявление особенностей роли правовой культуры в развитии модели правового государства в отдельных правовых системах. Основные задачи заключаются в следующем: определение категории «правовая культура»; выявление понятия «модель правового государства»; раскрытие некоторых особенностей воздействия правовой культуры на закрепление и реализацию модели правового государства. Стоит отметить, что изучение в контексте связи правовой культуры и модели правового государства обширного перечня правовых систем — удел отдельного исследования. Поэтому в данном случае речь идет лишь о некоторых из них.

Методологической платформой исследования является системная диалектика, позволяющая комплексно использовать данные и достижения различных социально-гуманитарных наук. Это обуславливает реализацию различных общенаучных и частнонаучных методов познания. Поскольку предмет исследования связан с правовыми системами, особо необходимо подчеркнуть значимость структурно-функционального, сравнительно-правового и ряда других методов и способов научного познания.

Понимание правовой культуры обуславливается определенным плюрализмом, что в какой-то степени связано с множеством подходов в культурологии, являющейся метанаучным основанием для изучения данного явления. Так, еще

¹ См.: Избранные конституции зарубежных стран : учебное пособие / отв. ред. Б. А. Страсун. М. : Юрайт, 2011. С. 221, 338, 425.

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). Ст. 1 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

в советской науке выделялись антропологический, социологический, философский подходы к пониманию общей культуры³.

Сходные позиции существуют и в юридической литературе. Среди них можно выделить антропологический, социологический, философский и другие подходы⁴. Каждый из них раскрывает тот или иной аспект понимания правовой культуры, позволяя лучше понять ее сущность. Однако с точки зрения сравнительного правоведения здесь возникает определенное смешение.

Дело в том, что правовая система, будучи сложным многоуровневым явлением, включает в себя различные правовые явления. Среди них следует отметить позитивное право, правовую доктрину, правовое сознание, юридическую практику, процессы правового регулирования и т.д. Исследуя правовую культуру в контексте человеческой деятельности, сложно ее отграничить от юридической практики. Социологический подход обуславливает возможность смешения рассматриваемого явления с правовым регулированием. При использовании психологического подхода возникает возможность отождествления правовой культуры и правового сознания.

В данном случае целесообразно использовать аксиологический, или ценностный, подход к пониманию правовой культуры. В частности, ее предлагается определять как «исторически сложившуюся относительно самостоятельную разновидность духовно-материальной культуры, представляющую собой совокупность юридических ценностей, отражающую качественное состояние правовой системы, уровень правового развития личности»⁵.

В данном случае правовая культура не смешивается с другими правовыми явлениями. Она характеризует качественное состояние правовой системы и ее компонентов с точки зрения того, насколько они насыщены правовыми ценностями. Поэтому правовая культура служит одним из индикаторов правовой эволюции.

Общее понимание правовой культуры в контексте правовых ценностей характерно не только для российской, но и для североамериканской (США) и китайской науки⁶.

Безусловно, возникает вопрос о том, как определяется система ценностей. В литературе высказана точка зрения, согласно которой «под ценностями понимаются только позитивные, прогрессивные явления и процессы»⁷. Но оценка явления через призму прогресса и регресса также весьма условна и зависит от шкалы, которую использует исследователь.

Очевидно, в данном случае необходимо исходить из условия существования правовой системы, а также стоящих перед ней задач. Например, римское частное право — элемент общемировой правовой культуры. Но его рецепция, к слову

³ См.: *Кертман Л. Б.* К методологии изучения культуры и критики ее идеологических концепций // Новая и новейшая история. 1973. № 3. С. 39.

⁴ См.: *Петручак Л. А.* Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 21—22.

⁵ *Карташов В. Н., Баумова М. Г.* Правовая культура: понятие, структуры, функции : монография. Ярославль : ЯрГУ, 2008. С. 32.

⁶ См.: *Сонин В. В.* Правовая культура и правовая традиция в их соотношении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 73—75.

⁷ *Петручак Л. А.* Указ. соч. С. 14.



имевшая место далеко не во всех правовых системах, была обусловлена потребностями романо-германских правовых систем.

Продолжая характеристику правовой культуры, стоит отметить, что она развивается и функционирует на разных ярусах. Соответственно, уместно говорить о ее существовании на уровне общества, отдельной социальной группы и личности. При этом в отличие от правосознания правовая культура не может быть искаженной, необходимо говорить лишь о степени ее развития.

Наконец, необходимо учитывать, что помимо доминирующей культурной парадигмы в обществе могут существовать качественно иные правовые ценности. Речь идет о правовых системах, характеризующихся правовым дуализмом, обусловленным различными стилями правового мышления⁸.

Категория «правовое государство» заняла прочное место в социогуманитарном дискурсе. Однако с точки зрения сравнительного правоведения сразу встает вопрос, о том может ли данная конструкция приобретать дополнительные особенности в различных правовых системах. Для ответа на него необходимо проанализировать модель правового государства и выявить основные направления формирования представлений о данном явлении.

Обращаясь к философским источникам, необходимо выделить следующее понимание модели. Она трактуется как «система элементов, воспроизводящая определенные стороны, связи, функции предмета исследования (оригинала)»⁹. Данное понятие подразумевает определенный абстрактный образец, на который целесообразно ориентироваться в теоретической и практической деятельности. Поэтому модель правового государства является определенным идеалом, отраженным в принципах и вытекающих из них признаках данного явления. Будучи закрепленной в законодательстве различных государств, она служит ориентиром для развития общества.

Основные контуры модели правового государства определяются различными принципами. Среди них необходимо отметить разделение властей, признание и реальное существование прав и свобод человека как высшей ценности, равенство всех перед законом, взаимную ответственность государства и личности, господство права в поведении и деятельности всех участников общественных отношений.

Также стоит сказать о признаках правового государства. К ним относятся самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, обеспечение реализации прав и свобод человека, политический плюрализм, наличие реально действующей судебной защиты прав и свобод, ответственность государства за действия своих органов и должностных лиц, признание и гарантирование местного самоуправления, режим законности и правопорядок.

Конечно, характеристика правового государства является более обширной, для этого необходимо проведение отдельных исследований. Развитие и функционирование правового государства немыслимо без соответствующей эволю-

⁸ См.: Захарова М. В. Российская правовая система: проблемы идентификации и развития // *Lex russica*. 2008. № 2. С. 254.

⁹ Краткий словарь по философии / под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина. 3-е изд., доработ. и доп. М. : Политиздат, 1979. С. 180.

ции институтов гражданского общества. Учет принципов и признаков правового государства необходим и потому, что трактовка данного явления в литературе часто носит дескриптивный характер.

Далее необходимо выделить отдельные направления развития идей правового государства. Прежде всего следует отметить германскую научную парадигму, в рамках которой и оформилось данное понятие. Здесь стоит сказать о таких мыслителях, как Иоганн Вильгельм Плацидус, Роберт фон Моль, Иммануил Кант. В дальнейшем в Германии господствовало узкое понимание данного явления, но с середины XX в. началось переосмысление классических теорий с позиций естественного права¹⁰.

Различные варианты понимания сложились и во французской науке. Еще в начале XX в. оно вошло в научный оборот во многом благодаря Леону Дюги, в дальнейшем оно развивалось Раймоном Карре де Мальбергом, предложившим разграничивать правовое и легальное государство¹¹. Данная позиция заслуживает внимания, так как реализация позитивного права имеет место как в правовом, так и в доправовом государстве.

Помимо правового государства можно встретить упоминание о конституционном государстве. Существуют различные подходы к их соотношению, однако очевидно, что данные модели имеют сходное основание и в современной науке часто отождествляются¹².

Модель правового государства получила свое развитие и в английской правовой науке. Здесь необходимо учитывать некоторые политико-правовые особенности развития данного общества. В частности, в Англии еще в эпоху Средневековья стаяли появляться документы, подтверждавшие привилегии и гарантии прав подданных (например, Хартия Генриха I, Великая хартия вольностей). Также следует обратить внимание на возникновение и развитие английского Парламента, сохранившегося во времена английского абсолютизма и продолжившего свое существование в последующие эпохи.

Наконец, для Англии, а в дальнейшем и для Великобритании характерно преимущественно эволюционное государственно-правовое развитие, выразившееся в своевременных и сбалансированных реформах. В силу сложившихся традиций многие отношения регулировались правовыми обычаями, а конституция носит неписаный характер. По мнению британского ученого А. В. Дайси, с ней связаны два переплетающихся друг с другом принципа: верховенство права и верховенство парламента¹³. Все это также отражает модель правового государства.

¹⁰ Подробнее см.: Антонов М. В. Об определении понятия «правовое государство» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. № 3. С. 130—131.

¹¹ Подробнее см.: Антонов М. В. Указ. соч. С. 131.

¹² См.: Кочетков В. В. Власть или право: проблема правового государства в российском конституционализме начала XX в. // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). С. 9—10.

¹³ См.: Доклад о верховенстве права, утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25—26 марта 2011 г.) // URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 10 января 2020 г.).



Развитие представлений о правовом государстве происходило в условиях значительных социальных изменений, имевших место в западных обществах. Среди них сто́ит упомянуть буржуазные революции, развитие экономики, изменение взглядов на идеи прав и свобод и т.д.

Проблематика правового государства нашла свое отражение и в трудах российских исследователей, работавших в дореволюционный период. Например, С. А. Котляревский отмечал важность представительного правления, а к компонентам правового государства помимо прочего относил справедливость и господство права¹⁴. Нетрудно заметить определенное сходство с некоторыми идеями ранее отмечавшихся зарубежных ученых.

Далее необходимо рассмотреть некоторые особенности воздействия правовой культуры на закрепление и реализацию модели правового государства. Очевидно, что нормативное закрепление и складывающаяся практика совпадают далеко не всегда. С точки зрения правовой материи важным фактором является именно правовая культура, способная стимулировать или замедлять воплощение определенных ценностей.

Не может не возникнуть вопрос и об универсальности модели правового государства в рамках различных правовых систем. Некоторые из них воспринимают только отдельные механизмы и процессы, но фрагментарное заимствование снижает или вовсе нивелирует эффективность данной модели.

Наконец, необходимо учитывать общие различия в правовой культуре. В литературе отмечается различие между западными и восточными правовыми традициями. Если западная ценностная парадигма предполагает приоритет индивидуальных ценностей, то восточная подразумевает единство общества и человека¹⁵.

Какова же роль правовой культуры в закреплении модели правового государства?

Если говорить об англо-американской правовой семье, то сто́ит отметить, что именно здесь развивались многие идеи правового государства, получившие в дальнейшем свое отражение в основных документах. Например, в правовой системе США большим значением обладает Декларация независимости, закрепившая в перечне неотчуждаемых прав жизнь, свободу и стремление к счастью¹⁶. Также нельзя не упомянуть Конституцию США. В ней нет описания исследуемого явления, но при этом она отражает принцип разделения властей. Многие поправки к данной Конституции содержат основные права и свободы человека.

Что касается Великобритании, то очевидно, что доктрина «Rule of Law» явилась результатом эволюции данного общества. В силу наличия неписаной конституции она отражена в тех источниках права, которые составляют ее содержание.

Модель правового государства нашла свое отражение и в романо-германской правовой семье. Ранее уже отмечалось наличие данного термина в отдельных

¹⁴ См.: *Кривенцова А. В.* Концепция конституционного государства С. А. Котляревского : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 17.

¹⁵ См.: *Зинковский С. Б.* Типология правовых культур // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки». 2014. № 1. С. 103.

¹⁶ См.: *История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов : в 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 2 : Современная эпоха / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. М. : Норма, 2006. С. 65.*

зарубежных конституциях. В дополнение к этому необходимо добавить следующее.

Окончание Второй мировой войны послужило началом новой эпохи. Многие европейские государства прошли через процессы трансформации, многие из них стали конституционными государствами¹⁷.

Однако с точки зрения правовой культуры можно говорить о некоторых отличиях в понимании исследуемой проблематики, ставших заметными в начале второй половины XX в. Наиболее ярко это проявилось в английской («Rule of Law») и германской (Rechtsstaat) моделях. Существуют различные подходы, предполагающие как отождествление и сближение данных подходов, так и наличие определенных расхождений между ними¹⁸.

Подобный плюрализм точек зрения обусловлен особенностями исторического генезиса данных моделей, однако в условиях усиления процессов взаимодействия различных правовых систем можно говорить о сближении данных подходов. В целом речь идет об одном и том же феномене, описываемом с разных позиций.

Правовое государство — элемент правовой культуры, но здесь необходимо учитывать следующее обстоятельство. Существуют конституции, принятые раньше или примерно в то же время, когда понятие «правовое государство» стало занимать устойчивые позиции в науке. Однако это не означает отсутствия данной модели на нормативном уровне. Она выражена через отдельные принципы и признаки, достаточно давно известные человечеству. Ведь, как отмечается в литературе, господство права традиционно находится в оппозиции произвольному праву отдельных лиц¹⁹.

Не менее важным является роль правовой культуры в реализации модели правового государства. Если говорить о западных правовых системах, то здесь относительно однородные пространства правовых культур в основном обуславливают необходимость обсуждения проблем эффективности процессов правореализации. Конечно, стоит помнить о кочующих правовых семьях, но в данном случае надо учитывать, насколько они влияют на правовое пространство того или иного общества.

Большие расхождения могут наблюдаться в правовых системах, в которых модель правового государства является привнесенной извне. Будучи отраженной в позитивном праве, она не нашла свое полное закрепление в господствующих правовых ценностях. Здесь надо учитывать ранее отмечавшиеся различия между западными и восточными правовыми традициями, также некоторые особенности традиционных обществ, в которых отдельные сферы (в частности, семейные отношения) регулируются не правом, а религией и моралью. Помимо этого, существует проблема конфликта между позитивным правом и традициями в тех странах, где позитивное право перенимается из более развитых обществ²⁰.

¹⁷ См.: Ударцев С. Ф., Темирбеков Ж. Р. Концепции «Rule of Law» («верховенство права») и «Rechtsstaat» («правовое государство»): сравнительный анализ // Государство и право. 2015. № 5. С. 14.

¹⁸ См.: Ударцев С. Ф., Темирбеков Ж. Р. Указ. соч. С. 8—9, 14.

¹⁹ См.: Cheesman N. Law and order as asymmetrical opposite to the rule of law // Hague Journal on the Rule of Law. Vol. 6. Is. 1. 2014. P. 101.

²⁰ Антонов М. В. Указ. соч. С. 138.



Таким образом, традиционная правовая культура в данном случае способна замедлять восприятие и реализацию модели правового государства.

Разрешение данных сложностей видится в гибкости социального и правового развития. Современный мир характеризуется высоким уровнем коммуникации. Общество, заимствовавшее модель правового государства, может постепенно трансформировать свою правовую культуру. С другой стороны, возможно использование модели правового государства с параметрами, максимально близко отвечающими потребностям конкретного социума. Подобные конструкции не являются догмами, они постоянно эволюционируют.

Завершая данное исследование, необходимо подвести итог и сделать выводы.

Категория «правовое государство» нашла свое отражение в конституциях отдельных государств. Вместе с тем нормативное закрепление данного явления также выражается в упоминании принципов и признаков правового государства в законодательстве значительного числа современных стран. Порой это связано с тем, что существуют конституции, принятые раньше или примерно в то же время, когда понятие «правовое государство» стало занимать устойчивые позиции в науке.

Существует плюрализм в понимании правовой культуры. Отчасти он обусловлен множеством подходов в культурологии, являющейся основанием для изучения данного правового явления. Ценностный подход к трактовке правовой культуры является наиболее оптимальным с точки зрения сравнительного правоведения, так как она не смешивается с другими правовыми явлениями, а служит одним из индикаторов развития правовой системы общества. Определение системы правовых ценностей зависит от целей и задач, стоящих перед правовой системой.

Модель правового государства представляет собой определенный образец или идеал, отраженный в принципах и вытекающих из них признаках данного явления.

Необходимо выделять несколько направлений развития идей правового государства, сложившихся в различных правовых системах. В частности, можно говорить о германской, французской, английской научной парадигмах. Различия между ними обусловлены особенностями развития данных обществ, в том числе специфической правовых культур. Так, во Франции вследствие интенсивного конституционного развития стали развиваться идеи конституционного государства. В Англии в силу особенностей политической и правовой систем исторически сложился принцип господства права. В германском обществе имело место введение термина «правовое государство» в научный оборот. Проблематика правового государства также нашла свое отражение в трудах дореволюционных российских исследователей.

Правовая культура способна стимулировать или замедлять восприятие модели правового государства. Последняя изначально развивалась преимущественно в западной политико-правовой мысли и лишь в дальнейшем распространилась за ее пределы.

Нормативное закрепление принципов и признаков правового государства присутствует у самых различных стран. Однако в начале второй половины XX в. стали видны некоторые различия между английской моделью господства права и германской моделью правового государства. Помимо прочего, они были обусловлены особенностями развития политико-правовых культур данных обществ.

Роль правовой культуры в реализации модели правового государства зависит от того, о какой правовой системе идет речь. Если модель правового государства

является привнесенной извне, вероятны расхождения между позитивным правом и складывающейся практикой. Данные сложности могут преодолеваются за счет гибкости социального и правового развития. Общество способно трансформировать свою правовую культуру, используя при этом модель правового государства, максимально отвечающую его потребностям. Большую роль в этих процессах играют правовые ценности, составляющие содержание правовой культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Антонов М. В. Об определении понятия «правовое государство» // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2010. — № 3. — С. 128—143.
2. Доклад о верховенстве права, утвержденный Венецианской комиссией на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25—26 марта 2011 г.) // URL: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003revrus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003revrus) (дата обращения: 10 января 2020 г.).
3. Захарова М. В. Российская правовая система: проблемы идентификации и развития // Lex russica. — 2008. — № 2. — С. 243—259.
4. Зинковский С. Б. Типология правовых культур // Вестник Российского университета дружбы народов. — Серия «Юридические науки». — 2014. — № 1. — С. 102—111.
5. Избранные конституции зарубежных стран : учебное пособие / отв. ред. Б. А. Страшун. — М. : Юрайт, 2011. — 795 с.
6. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов : в 2 т. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2006. — Т. 2 : Современная эпоха / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. — 816 с.
7. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структуры, функции : монография. — Ярославль : ЯрГУ, 2008. — 200 с.
8. Кертман Л. Б. К методологии изучения культуры и критики ее идеологических концепций // Новая и новейшая история. — 1973. — № 3. — С. 32—47.
9. Кочетков В. В. Власть или право: проблема правового государства в российском конституционализме начала XX в. // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 1 (50). — С. 9—17.
10. Краткий словарь по философии / под общ. ред. И. В. Блауберга, И. К. Пантина. — 3-е изд., доработ. и доп. — М. : Политиздат, 1979. — 413 с.
11. Кривенцова А. В. Концепция конституционного государства С. А. Котляревского : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2008. — 26 с.
12. Петручак Л. А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2012. — 53 с.
13. Сонин В. В. Правовая культура и правовая традиция в их соотношении // Известия высших учебных заведений. — Правоведение. — 2014. — № 2 (313). — С. 71—83.
14. Ударцев С. Ф., Темирбеков Ж. Р. Концепции «Rule of Law» («верховенство права») и Rechtsstaat («правовое государство»): сравнительный анализ // Государство и право. — 2015. — № 5. — С. 5—16.
15. Cheesman N. Law and order as asymmetrical opposite to the rule of law // Hague Journal on the Rule of Law. — Vol. 6. — Is. 1. — 2014. — P. 96—114.

Проблемы интеграции и интернационализации права и правовых систем в сфере геномных исследований



**Мария Владимировна
ЗАХАРОВА,**

заведующий НОЦ
сравнительного права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
член-корреспондент
Международной академии
сравнительного права,
доктор публичного права
(Франция), приглашенный
профессор Университета
города Пуатье (Франция)
avis_777@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

«ЭФФЕКТ РОЗИ», ИЛИ ДИАЛЕКТИКА СОЦИАЛЬНОГО И БИОЛОГИЧЕСКОГО В ЭВОЛЮЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА В XXI В.¹

Аннотация. В представленной статье автор анализирует различные юридические эмпирики трансформации юридической карты мира в условиях четвертой промышленной революции. Делается вывод о том, что по аналогии с романом Грэма Симсиона данную эмпирику можно метафорично охарактеризовать как «эффект Розы», при котором наблюдается диалектическое единство социального и биологического через гегелевский закон единства и борьбы противоположностей.
Ключевые слова: право, российский, зарубежный, трансформации, технологии.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.050-056

M. V. ZAKHAROVA,

Associate Member of the International Academy of Comparative Law, Doctor of Public Law, Visiting professor of the University of Poitiers (France), Head of the scientific and educational center of Comparative Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
avis_777@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

THE ROSIE EFFECT OR THE DIALECTICS OF THE SOCIAL AND THE BIOLOGICAL IN THE EVOLUTION OF THE LEGAL MAP OF THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

Abstract. The author of the article analyzes various legal empirical aspects of the transformation of the legal map of the world in the context of the Fourth Industrial Revolution. It is concluded that, by analogy with Graeme Simsion's novel, these empirical aspects might be metaphorically described as the "Rosie effect" which is characterized by a dialectic unity of the social and the biological through Hegel's law of the "unity and struggle of opposites".
Keywords: law, Russian, foreign, transformations, technologies.

Американский физик Стивен Джонс в предисловии к книге нобелевского лауреата Джеймса Уотсона «Двойная спираль» писал, что в отличие от естествоиспытателей прошлого, которые стояли на плечах гигантов, в XX в. многие исследователи (среди которых он называет Дж. Уотсона и Ф. Крика²), стояли на цыпочках своих собственных ног.

Подобный прорыв в естественно-научном знании, свидетелями которого мы стали в XX в. и который, безусловно, стал реальностью и века XXI, порождает и будет порождать дискуссии в общественном пространстве. Как миру и его национальным, международным и транснациональным институтам реагировать на великие и вместе с тем беспрецедентные открытия, «сделанные на цыпочках»? Будет ли в этой реакции социальное доминировать над биологическим³, или наоборот?

Отвечая на поставленный выше головной вопрос, следует отметить, что юридический мир сейчас находится только в стадии становления национальных, международных и транснациональных ответов на него.

Анализируя зарубежную практику, мы можем увидеть многочисленные эмпирики инкорпорации социальных целесообразностей и детерминант в плоскость научной презентации «биологического».

Ярким примером в данном случае выступает антидискриминационный блок юридических норм, связанный с генетическими исследованиями. На интеграционном уровне юриспруденции он, в частности, представлен резолюцией Совета Европы по этическим и правовым проблемам генетических исследований 1989 г., в которой «осуждался отбор работников на генетической основе: кандидаты должны иметь право отказаться от этих тестов без возникновения негативных последствий такого отказа»⁴. На национальном уровне также различные страны мира проводят антидискриминационную политику в области генетических исследований. При этом не всегда судьбу соответствующих законодательных актов можно назвать легкой. Так, как отмечает А. Р. Сахипгареева, в 1995 г. член Конгресса США Луиза Слотер и сенатор Олимпия Сноу представили первый проект федерального закона, запрещающего генетическую дискриминацию, — «О недискриминации генетической информации в медицинском страховании»⁵ (GINA). Закон был принят лишь после 13 лет законодательных усилий и подписан Президентом Джорджем У. Бушем 21 мая 2008 г.⁶

Интересен и опыт Индии в представленном предмете правового регулирования. В соответствии с Актом о техниках предзачаточной и пренатальной диагностики 1994 г. врачам запрещено определять пол будущего ребенка. Данный

² Дж. Уотсон и Ф. Крик в 1953 г. представили научной общественности структуру ДНК.

³ Имеются в виду те грани «биологического», которые стали предметом презентации естественно-научного знания.

⁴ *Рассолов И. М., Чубукова С. Г.* Внутриотраслевые принципы обработки генетической информации // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 104.

⁵ В данном законе представлены блоки юридических наук по защите прав граждан на основе генетической информации в области медицинского страхования и занятости.

⁶ *Сахипгареева А. Р.* Правовое регулирование геномных исследований в Соединенных Штатах Америки // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 148—149.



запрет направлен на сокращение числа случаев селективных аборт, вызванных патриархальным укладом жизни в Индии. Весьма строго выглядят санкции за нарушение этого акта по отношению к врачам: лишение свободы на срок до трех лет в случае первичного нарушения и до пяти лет в случае повторного нарушения, штраф до 10 тыс. рупий (за первое нарушение) или до 50 тыс. рупий (за повторное нарушение), а также лишение права заниматься профессиональной деятельностью на срок до пяти лет в случае первичного нарушения и постоянное лишение такого права в случае повторного нарушения⁷.

Не только генетические исследования в отношении человека входят в предмет правового регулирования современных государств, но и объекты флоры. Так, в соответствии с Директивой ЕС 2015/412/ЕС государства — члены ЕС получили право ограничивать или запрещать выращивание на своей территории ГМО, одобренных в ЕС, по социально-экономическим причинам (например, в соответствии с целями сельскохозяйственной политики)⁸.

Обратную закономерность влияния биологических детерминант, установленных в ходе научных исследований, на социальные практики можно увидеть в практике права Израиля (например, процедура получения гражданства Израиля, когда отсутствуют другие доказательства еврейской крови у потенциального претендента; а также при планировании материнства и отцовства при наличии в семье ребенка с врожденными аномалиями, хромосомными (синдром Дауна) и другими наследственно обусловленными заболеваниями; перед выполнением ЭКО; если у матери по данным акушерского анамнеза как минимум два самопроизвольных выкидыша на ранних сроках беременности⁹).

Конечно, готовых и универсальных решений на поставленный головной вопрос нет. Приемлемой национальной, международной и транснациональной реакцией юридического мира на четвертую промышленную революцию можно метафорически определить как «эффект Розы». В данном случае идет отсылка к роману Грэма Симсона «Эффект Розы», в котором очень выпукло показаны тщетные попытки главного героя — ученого-генетика найти себе спутницу жизни, исключительно руководствуясь генетической совместимостью представителей разных полов.

⁷ Крысенкова Н. Б., Чурсина Т. И. Правовое регулирование генетических исследований в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 5. С. 147.

⁸ Соколов А. Ю., Богатырева Н. В. Административно-правовое регулирование применения геномных технологий в сельском хозяйстве Испании // Гуманитарные и юридические исследования. Северо-Кавказский федеральный университет. 2019. № 1. С. 158.

⁹ См. подробно по данному вопросу: Rosner G., Rosner S., Orr-Urtreger A. Genetic Testing in Israel // An Overview Annual Review of Genomics and Human Genetics. Vol. 10:175—192 (September 2009). First published online as a Review in Advance on May 19, 2009 ; Zakharova M. V., Voronin M. V. Measure of Freedom in the Context of Legal Regulation of Genomic Research: Foreign Experience // Dilemas contemporaneos — educacion politica y valores. URL: https://dilemascontemporaneoseducacionpoliticaayvalores.com/_files/200004128-c6b43c7b2e/EE%2018.12.16%20Medida%20de%20libertad%20en%20el%20contexto%20de%20la%20regulaci3n%20legal%20de.pdf.

Его поиски приводят к счастливой развязке в лице девушки по имени Розы только тогда, когда он «переворачивает карту» с генетической мантрой и начинает видеть и грани социальных практик в химии двух полов. Таким образом, хеппи-энд этого романа лежит в плоскости диалектического единства социального и биологического в решении проблемы выбора через гегелевский закон единства и борьбы противоположностей. Подобная презентативная метафора, на наш взгляд, вполне применима и к правовым реалиям наших дней, проходящим под неотступным влиянием четвертой промышленной революции.

Диалектику социального и биологического в презентации современной юридической карты можно увидеть на примере института биоэтики.

Термин «биоэтика» (этика жизни) был предложен американским врачом Ван Ренсселером Поттером в 1969 г.¹⁰ Его появление связывается с активным развитием медицинских и иных технологий, которые, по справедливому замечанию Т. В. Мещеряковой, позволяет человеку эпохи постмодерна не довольствоваться парадигмами предначертанного бытия, а начать активно творить самого себя¹¹.

Сегодня биоэтика представляет собой синтетическое понятие с рядом ключевых принципов и положений, среди которых в первую очередь называют общегуманитарный принцип уважения достоинства личности, а также ряд предметных принципов: «делай благо» (beneficence), адресованный к медицинскому персоналу, принцип справедливого распределения медицинских ресурсов и принцип автономии воли пациента¹².

Оценка биоэтики как междисциплинарного феномена была дана за последние годы сразу на нескольких уровнях. Так, доктринальный уровень представлен в работах И. В. Понкина и А. А. Понкиной. Исследователи рассматривают биоэтику в двух аспектах — как науку и как систему нормативных установлений, определяющих комплекс деонтологических императивов и подходов в медицине и здравоохранении, в фармацевтике и фармакологии (lex biomedica — по аналогии с lex mercatoria).

В последнем случае биоэтика, по мнению исследователей, выстраивается в систему автономных и самореферентных фундаментальных нравственно-ценностных основ и нормативных установлений, регулирующих отношение к зачатию жизни и вынашиванию плода человека, к рождению, жизни, болезни и терапии, умиранию и смерти человека, к референтным вопросам достоинства личности человека в контексте указанных состояний и условий, к пределам вмешательства человека в человеческую генетику и психику, закладываемых в основу оказания медицинской помощи и медицинских услуг, в целом обращения медицинских работников и медицинских учреждений с пациентами, в основу фармацевтики и фармакологии, а также в основу проведения любых медицинских

¹⁰ Савощикова Е. В. Многогранность биоэтики как понятия, правовые аспекты регулирования // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2015. № 2 (52). С. 256.

¹¹ Мещерякова Т. В. Причины появления биоэтики // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4 (12). С. 97.

¹² Encyclopedia of Bioethics / ed. by W. Th. Reich. N. Y.-L., 1995. Vol. 1 : Basic Writing on the Key Ethical Questions That Surround the Major Modern Biological Possibilities and Problems. С. 109.



и фармацевтических исследований и испытаний (опытов) на людях, обращения с человеческим генетическим материалом, с телами, органами и тканями живых и умерших людей¹³.

Что касается интеграционного уровня оценки проблем биотики, то он представлен в знаменитой Конвенции Овьедо, на организационном — рядом активно функционирующих институтов под эгидой ЮНЕСКО. В последнем случае речь идет, в частности, о реализации масштабного проекта «Глобальная этическая лаборатория». Это многоаспектная база данных, содержащая информацию об этических комитетах национального, регионального и интеграционного уровней; об образовательных программах в данной области, а также о кодексах поведения в разных областях этики и принимаемых в разных странах мира законодательных актах по указанному кругу вопросов.

Национальные взгляды и оценки биоэтических проблем имеют существенные отличия в разных государствах мира. И этот тезис можно в равной мере отнести как к степени разработанности института биоэтики как такового на нормативном уровне, так и к процентному соотношению аверсов и реверсов «запрет — дозволение» в его основании.

В России, в частности, мы можем констатировать, что еще в 90-х гг. прошлого века был создан интеллектуальный центр по разработке проблем биоэтики. Речь идет о Российском национальном комитете по биоэтике (РНКБ) в рамках Российской академии наук. В его задачи входили в том числе экспертные оценки законопроектов, в той или иной мере затрагивающих этико-медицинские проблемы: «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (1992), Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (1993), «О временном запрете на клонирование человека» (2002). Вместе с тем известно, что как такового синтетического закона по биоэтике в России к настоящему времени не принято.

Характерным примером законодательного урегулирования проблем биоэтики стал французский закон «О биоэтике» 1994 г. К основным задачам принятия представленного правового акта законодатель отнес: улучшение жизни, защиту личности и семейных ценностей, а также защиту прав детей. Каждая из названных общегуманитарных ценностей приобрела в представленном законе узконаправленное значение.

Так, улучшение жизни рассматривалось в контексте установления принципов трансплантации органов и тканей; защиты прав личности и семьи — запрета на евгенику, клонирование; установления мер по организации репродуктивной медицины. Защита прав ребенка также имела определенный узконаправленный характер. Законодатель, в частности, определял права и обязанности родителей в случае зачатия посредством искусственного оплодотворения. В Законе устанавливается следующее ключевое правило в данном отношении: «В случае осеменения беременной женщины донором ее партнер, который дал согласие на это осеменение, становится отцом ребенка, не имея возможности уклониться от

¹³ Понкин И. В., Понкина А. А. Особенности этико-правового и институционального регулирования биотехнологий во Франции, Италии, Германии и Австрии // Вестник РУДН. Серия «Юридические науки». 2014. № 4. С. 158—159.

обязанности отцовства по причине того, что ребенок не был зачат посредством его собственной спермы».

Также к ряду ключевых положений закона относят:

- 1) вопросы трансплантации органов и тканей. В частности, в законе подчеркивается, что невозможно забрать органы у умершего без проверки того, что он не зарегистрировал в соответствующем реестре свой отказ на трансплантацию органов и тканей. При этом должны быть подтверждены анонимность и бесплатное пожертвование;
- 2) принципы проведения процедуры донорства спермы: анонимность и бесплатность;
- 3) базовые положения по защите персональных данных пациентов в области эпидемиологии и государственной медицины.

В своей эволюции данный Закон пережил несколько крупных реформ. Так, в частности, в результате ревизии Закона в 2004 г. был расширен блок норм, посвященных донорству органов между живыми людьми, что способствовало улучшению ситуации в трансплантологии. Реформе Закона о биоэтике в 2011 г. предшествовала серьезная работа по анализу действующего законодательства в этом вопросе, предпринятая Государственным советом страны. О каких же изменениях действующего законодательства идет речь?

Во-первых, новеллы коснулись формального упрощения процедур проведения ряда медицинских процедур. Так, в версии Закона 2004 г. было установлено правило, что для проведения процедуры ЭКО в отношении не зарегистрировавшей свой союз пары должно быть соблюдено правило о предоставлении доказательства совместной жизни не менее 2 лет. Согласно версии Закона о биоэтике 2011 г. данные ограничения были сняты. Во-вторых, несколько вопросов подверглись уточненной в Законе. Так, законодатель указал, что возможно использование гамет донора до десяти раз вместо ранее установленных пяти. Некоторые аспекты биоэтики после масштабных парламентских дебатов сохранили варианты формальной регламентации, изложенные в предыдущих версиях Закона. Речь идет, в частности, о вопросах установления принципа анонимности донорства органов и тканей.

Судебный уровень оценки был дан в рамках как интеграционной юриспруденции, так и национального права. Так, во многом продолжением внедрения на европейской почве института «неправомерного оставления в живых», генетические корни которого можно найти в американской судебной практике, стало дело «Maugise против Франции» в Европейском Суде по правам человека. Супругов Maugise в зал суда привели обстоятельства, сходные с теми, что некогда привели туда и родителей Николая Пирюш: медицинская ошибка, в результате которой не была диагностирована потенциальная возможность рождения больного ребенка у обследуемой беременной женщины. ЕСПЧ в данном случае полностью встал на сторону заявителей и присудил значительные суммы компенсации.

Характерным примером взгляда национальной судебной практики на биоэтические проблемы стало дело «Corine Parpaleix». В данном деле заявительница отстаивала свое право использовать для процедуры ЭКО сперму своего умершего мужа. Финальную точку в этом поставил Трибунал большой инстанции. Он разрешил госпоже Corine Parpaleix получить из банка генетических материалов сперму ее умершего мужа. Через некоторое время после данного судебного решения госпожа Corine Parpaleix, воспользовавшись процедурой ЭКО, родила двойняшек.



Итак, как видно из представленных выше юридических эмпирик национального и интеграционного уровней, «эффект Розы» проявляет себя в различных областях. При этом смещение акцентов в сторону детерминант биологических может привести к практике дискриминации и ограничению прав отдельных личностей и их групп.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Захарова М. В.* Ответы сравнительного права на технологические вызовы внешней среды // *Юридическое образование и наука.* — 2019. — № 8.
2. *Калиниченко П. А.* Применение законодательства об обязательной геномной регистрации осужденных лиц в российской судебной практике // *Законность и правопорядок.* — 2019. — № 2. — С. 47—49.
3. *Калиниченко П. А.* Развитие судебной практики по делам в сфере геномики человека: мировой опыт и Россия // *Lex russica.* — 2019. — № 6 (151). — С. 30—36.
4. *Крысенкова Н. Б., Чурсина Т. И.* Правовое регулирование генетических исследований в зарубежных странах // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.* — 2019. — № 5.
5. *Мещерякова Т. В.* Причины появления биоэтики // *Вестник Томского государственного университета.* — *Философия. Социология. Политология.* — 2010. — № 4 (12). — С. 90—100.
6. *Понкин И. В., Понкина А. А.* Особенности этико-правового и институционального регулирования биотехнологий во Франции, Италии, Германии и Австрии // *Вестник РУДН.* — Серия «Юридические науки». — 2014. — № 4.
7. *Рассолов И. М., Чубукова С. Г.* Внутриотраслевые принципы обработки генетической информации // *Актуальные проблемы российского права.* — 2019. — № 5 (102).
8. *Савощикова Е. В.* Многогранность биоэтики как понятия, правовые аспекты регулирования // *Известия Оренбургского государственного аграрного университета.* — 2015. — № 2 (52). — С. 256—258.
9. *Сахипгареева А. Р.* Правовое регулирование геномных исследований в Соединенных Штатах Америки // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).* — 2019. — № 4.
10. *Соколов А. Ю., Богатырева Н. В.* Административно-правовое регулирование применения геномных технологий в сельском хозяйстве Испании // *Гуманитарные и юридические исследования. Северо-Кавказский федеральный университет.* — 2019. — № 1.
11. *Encyclopedia of Bioethics / ed. by W. Th. Reich.* — N. Y.-L., 1995. — Vol. I : Basic Writing on the Key Ethical Questions That Surround the Major Modern Biological Possibilities and Problems. — 484 p.
12. *Mattei J.-F.* La loi de bioéthique: ses sources, ses évolutions, son avenir // *Laennec.* No.°1/2019. P. 6—26.
13. *Rosner G., Rosner S., Orr-Urtreger A.* Genetic Testing in Israel // *An Overview Annual Review of Genomics and Human Genetics.* — Vol. 10:175—192. September 2009.

ЧЕРНЫЕ ДЫРЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И СЕРЫЕ ЗОНЫ ЭТИКИ: ЭТИЧЕСКИЕ КОМИТЕТЫ В СТРУКТУРЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Аннотация. В статье исследуется мировой опыт правового регулирования биомедицинских исследований, участниками которых выступают люди и в ходе которых возникают проблемы этического характера. Анализируется ситуация, возникающая в процессе распространения зарубежных практик в области правовой институционализации биоэтики в Российской Федерации. На материале российского законодательства эксплицируются базовые понятия биоэтики, такие как «серая зона этики», «этический комитет» и др. Рассматривается пример организации биоэтической экспертизы для оценки возможности выполнения генетических исследований, для проведения которой объединяют свои усилия специалисты в области генетики, философы, управленцы, журналисты, а сама экспертиза и ее результаты подробно освещаются в СМИ. Обосновывается необходимость адаптации зарубежного опыта к российским реалиям как в области права, так и в иных сферах социальной жизни.

Ключевые слова: генетические исследования, этический комитет, правовое регулирование, биоэтика, редактирование генома.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.057-067



**Владимир Игоревич
ПРЖИЛЕНСКИЙ,**
профессор кафедры
философии и социологии
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор философских наук,
профессор
vladprnow@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9



**Андрей Александрович
ВЕРГУН,**
заместитель заведующего
кафедрой биохимии,
молекулярной
биологии и генетики
Института биологии
и химии Московского
педагогического
университета,
научный сотрудник
лаборатории организации
генома
Института биологии гена
РАН,
кандидат биологических
наук, доцент
vermand@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

© В. И. Пржиленский,
А. А. Вергун, 2020

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-29-14002.

V. I. PRZHILENSKY,

*Professor of the Department of Philosophy and Sociology
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Philosophy, Professor
vladprnow@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

A. A. VERGUN,

*Deputy Head of Department of Biochemistry, Molecular Biology and Genetics,
MPSU, research scientist,
Laboratory of Genome Organization, IBG RAS,
Ph.D., Associate Professor
vermand@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

BLACK HOLES IN LEGISLATION AND GRAY ZONES OF ETHICS: ETHICAL COMMITTEES IN THE STRUCTURE OF LEGAL REGULATION OF GENETIC STUDIES

Abstract. *The article examines the world experience in the legal regulation of biomedical research, in which people are participants and during which problems of an ethical nature arise. The situation in the process of dissemination of foreign practices in the field of legal institutionalization of bioethics in the Russian Federation is analyzed. Based on the material of Russian legislation, basic concepts of bioethics are explicated, such as the “gray zone of ethics”, “ethics committee”, etc. An example of the organization of bioethical examination to assess the possibility of genetic research is considered, for which geneticists, philosophers, and managers combine their efforts, journalists, and the examination itself and its results are covered in detail in the media. The necessity of adapting foreign experience to Russian realities both in the field of law and in other areas of social life is substantiated.*

Keywords: *genetic research, ethics committee, legal regulation, bioethics, genome editing*

Модернизация правового регулирования генетических исследований — задача, выдвинутая в разряд приоритетных в первую очередь по причине бурного развития науки и технологии, связанной с геномом человека, а также с тем значением, которое приобретает данная область знания в обеспечении национальной безопасности. Сложность данной задачи не в последнюю очередь связана с тем, что решать ее приходится в условиях высокой степени неопределенности этических или философско-антропологических принципов, которые могли бы быть положены в основу правотворческой деятельности.

Конечно же, законодателям необходимо опираться на правовую традицию, учитывать реакцию мировой общественности и не забывать об эффективности. Но еще есть этика, есть моральные запреты, которые значительно легче сфор-

мулировать в общем виде, чем установить их релевантность и действенность в каждом конкретном случае. «Мы никогда не делали то, — заявил Дэвид Балтимор, — что может изменить гены человеческой расы, и мы никогда не делали то, что может иметь последствия для будущих поколений»². Слова биолога и бывшего президента Калифорнийского технологического института как нельзя лучше выражают суть позиции, которую занимают комитеты по этике в США, Европе или России, когда речь идет о том, чтобы разрешить или запретить какие-либо эксперименты в области генетических исследований.

Американский журналист А. Регаладо подчеркивает специфику отношения китайского общества к редактированию генома, где «многие придерживаются мнения о том, что общественное благо важнее этики индивидуума и даже международных директив»³. В этом нет ничего удивительного: как традиции конфуцианской морали, так и ценности легизма позволяют индивиду без раздумий приносить себя в жертву ради нужд общества и государства.

Американский журналист, давая в статье оценку этических и правовых аспектов экспериментов по редактированию генома человека, использует понятие «серая зона этики» (ethical gray zone). Данный термин получил распространение в современной медицинской этике благодаря творчеству итальянского писателя Примо Леви, описывавшего в своих произведениях собственный опыт пребывания в нацистском концлагере. Автор именуется серой зоной социальное пространство, возникающее в процессе взаимодействия узников концлагеря с надсмотрщиками из числа заключенных. «Это серая зона, — пишет Примо Леви, — с размытыми контурами, разделяющая и одновременно объединяющая два мира хозяев и рабов. Она обладает необыкновенно сложной внутренней структурой, тайну которой тщательно оберегает, из-за чего нам трудно о ней судить. Серая зона протекции и коллаборации питается от разных корней, но в первую очередь ее возвращает власть, и чем власть концентрированнее, тем больше она нуждается во внешнем пособничестве»⁴.

Между тем понятие «серая зона» в медицинской этике США применяется для обозначения ситуации, когда установление соответствия действий врача этическим принципам затруднено. Многообразие реальных жизненных ситуаций, их сложность и многоаспектность нередко приводят к противоречиям и дилеммам, решение которых должно быть максимально обоснованным⁵.

Для решения подобных дилемм и противоречий создаются специальные комитеты по этике или этические комитеты, наделенные полномочиями для своевременного разрешения возникающих проблем, — их усилиями и устраняются пресловутые серые зоны этики. Более того, этические комитеты являются важ-

² *Regalado A.* Exclusive: Chinese scientists are creating CRISPR babies // MIT Technology Review. 2018. Nov. 25 ; URL: <https://www.technologyreview.com/s/612458/exclusive-chinese-scientists-are-creating-crispr-babies/?fbclid=IwAR09cDsgV5aVmOml2qI6r26Iir02rEUN8jlfkQHtcRGyujvKCzrlN-F2sE>.

³ *Regalado A.* Op. cit.

⁴ *Леви П.* Канувшие и спасенные. М. : Новое издательство, 2010. С. 33.

⁵ *Henke G.* Ethical Gray Zones // The Hospitalist. 2008. December (12). URL: <https://www.the-hospitalist.org/hospitalist/article/123774/ethical-gray-zones>.



нейшим элементом системы правового регулирования исследовательских и лечебных практик в области медицины. Они создаются при больницах и институтах, управлениях и даже министерствах. Основная функция этических комитетов — сопровождение и этическое регулирование научных исследований, способных оказывать существенное воздействие на человека.

Этические комитеты призваны следить за строгим соблюдением исследователями и лечащими врачами требований или запретов, содержащихся в нормативных правовых актах, как отечественных, так и международных. Они также оказывают содействие укреплению доверия пациентов к медицинским работникам, ибо именно эти структуры способны обеспечить налаживание партнерских отношений между врачом и больным.

Главным средством здесь становится возможность равноправного и открытого обсуждения всех сложных вопросов, ознакомление пациента со всеми доводами pro et contra, а также рациональная и объективная оценка рисков. Коллегиальность обсуждения, участие в нем людей с различными наборами компетенций создают условия для выработки и принятия оптимального решения. Деятельность комитетов обеспечивает соблюдение принципов гуманизма и нравственности, сформулированных в рамках Хельсинкской декларации и Международной хартии прав человека.

В качестве одной из главных функций этического комитета любого уровня является то, что данный институт способствует и всемерно содействует укреплению доверия пациента, его родственников и общества в целом к лечащему врачу, его решениям и назначениям, к избранному курсу лечения и его последствиям. Наряду с консилиумом этический комитет выступает как элемент системы коммуникаций, дополняющий межиндивидуальное взаимодействие «врач — пациент» межсистемными отношениями между системой общества и системой медицины.

Отношения между этими двумя системами являются сложными и высокоинституционализированными: институты, в рамках которых они строятся, относятся к сфере морали, права, управления и т.д. Насколько здесь важен зарубежный опыт? И вообще, насколько наша страна готова к усвоению зарубежного опыта? «Традиционным подходом, — пишет М. В. Захарова, — в русле которого выстроены национальные системы конституционного права (в том числе и России) заключается в отсутствии в конституциях норм по вопросам проведения генетических исследований. Разрешение же конкретных дел, связанных с медико-генетической проблематикой, в органах конституционного контроля, а также в надгосударственных судебных юрисдикциях (в частности, в ЕСПЧ) может строиться в том числе на обращении к реперным нормам и принципам национального и интеграционного права: право на жизнь, право на достоинство личности»⁶.

По своей сути этический комитет выступает как дополнение и расширение консилиума, где традиционно ограничиваются вопросами точности диагноза и эффективности лечения. Этический комитет существенно расширяет круг обсуждаемых вопросов, включая в него проблемы этической приемлемости и правовой допустимости, соотнося предполагаемые действия с нормами морали

⁶ Захарова М. В. Конституции о геномных исследованиях: взгляд России и Швейцарии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4 (56). С. 106.

и закона. Эффективность данного института состоит в том, что он обеспечивает возможность дискуссии, консенсус в которой достигается объективным строем обсуждения любой, самой сложной и противоречивой ситуации с точки зрения морали, права, ценностей.

Принципы гуманизма, сформулированная на их основе биоэтика, а также медицинско-практические ее интерпретации готовят врачей и пациентов к принятию трудного решения. Ни сами эти принципы, ни даже многочисленные их интерпретации не могут рассматриваться как результат развития особой области знания — медицинской биоэтики. Институционализация философских взглядов была бы невозможна без административно-правовой легитимации, осуществить которую должны были международные организации различного типа и профиля. Прежде всего речь идет о ЮНЕСКО и ВОЗ.

Этические комитеты представляют собой институты, функционирование которых гарантирует независимость и объективность экспертизы этической стороны рисков при проведении научных исследований, в том числе и в области генетики. Первые этические комитеты были созданы в Соединенных Штатах Америки как специальные структуры государства, в то время как в европейских странах они формировались в качестве институтов гражданского общества.

Согласно Руководству ЮНЕСКО № 1 по созданию комитетов по биоэтике, следует создавать отдельные структуры органов государственной власти для разработки политики и (или) рекомендаций. Уровнем ниже должны располагаться комитеты при ассоциациях профессиональных медиков, при медицинских учреждениях / больницах, а также при научно-исследовательских центрах и институтах⁷. В их функции входит реализация политики и (или) исполнение рекомендаций применительно к конкретным случаям и ситуациям.

Принципы Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека сконцентрированы вокруг европейской гуманистической традиции и ценностей индивидуализма. Интересы и благосостояние отдельного человека ставятся выше интересов собственно науки или общества. Среди принципов, которые заложены, наряду с понятиями человеческого достоинства и прав человека, самостоятельности и индивидуальной ответственности, согласия и уязвимости, присутствуют понятия блага и вреда. Так, ст. 4 Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, посвященная раскрытию содержания принципа, связывающего два указанных понятия, гласит: «В процессе применения и развития научных знаний, медицинской практики и связанных с ними технологий следует добиваться получения максимальных прямых и косвенных благ для пациентов, участников исследований и других затрагиваемых лиц и сводить к минимуму любой возможный для них вред»⁸.

Необходимым условием участия добровольцев в научных исследованиях является предварительное, свободное, явно выраженное и информированное

⁷ Руководство № 1 по созданию комитетов по биоэтике. Париж : ЮНЕСКО, 2005. С. 19.

⁸ Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Принята резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-ом пленарном заседании 19 октября 2005 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml.



согласие соответствующего лица. Исключение, как это прописано в ст. 27 Декларации, допускается только в случае необходимости применения «законов, принятых в интересах обеспечения общественной безопасности, расследования и выявления уголовных правонарушений и преследования за них, охраны общественного здоровья или защиты прав и свобод других лиц». Но если лицо дает согласие, кто и с помощью каких аргументов может оценить риск и допустить проведение эксперимента? Конечно же, те, кто привлекается в качестве экспертов.

В этом смысле показательна ситуация, возникшая после заявления российского ученого Д. В. Ребрикова о намерении провести эксперимент. Еще не улеглись страсти по поводу сообщения о том, что китайский ученый Хе Цзянькуй впервые произвел редактирование генома близнецов на эмбриональном уровне, как пришла еще одна новость подобного рода. Теперь уже российский биолог Д. В. Ребриков планирует использование CRISPR-технологий для исправления «ошибок природы» и избавления новорожденных от генетически передаваемых болезней. О своих намерениях он сообщил британскому журналу *Nature*, который в ответ опубликовал статью об отсутствии моральных и правовых оснований для подобной практики. Автор статьи Д. Сарански отмечает противоречие заявленных намерений научному консенсусу, согласно которому подобные эксперименты должны быть рассмотрены с точки зрения безопасности их последствий и следует получить соответствующее разрешение от международных структур по биоэтике (International ethical framework)⁹.

Между тем, отмечает автор статьи, Д. В. Ребриков фактически игнорирует международный протест, вызванный действиями китайского коллеги, заявляя о том, что его методика принесет большую пользу, создаст меньший риск и будет более этически оправданной и приемлемой для общественности. Его замысел сводится к отключению гена, кодирующего белок на проникновение ВИЧ в клетки эмбрионов, что важно для предотвращения передачи смертоносного вируса от инфицированных родителей их детям. Возглавляемая Д. В. Ребриковым лаборатория в российской клинике репродуктивной медицины уже готова, по словам Д. Сарански, начать поиски женщин, инфицированных ВИЧ, которые готовы были бы стать добровольными участниками научного эксперимента, результаты которого позволили бы снизить риск заражения их будущего потомства.

В статье приведена позиция редакции журнала *Nature*, суть которой — крайняя обеспокоенность этической стороной данного эксперимента. И в подтверждение данной позиции приводятся мнения нескольких экспертов. Среди них пионер в использовании технологии редактирования генома CRISPR/Cas9, молекулярный биолог из Калифорнийского университета в Беркли Дженнифер Дудна, член комитета ВОЗ, в чью компетенцию входят вопросы права и биоэтики в области генетических исследований, Альта Чаро, генетик Университета Рутгерса в Пискатауэе, Нью-Джерси, и Московского научно-технического института Сколково и генетик Джордж Дейли из Гарвардской медицинской школы в Бостоне, штат Массачусетс.

⁹ *Cyranoski D.* Russian Biologist Plans More CRISPR-Edited Babies // *Nature magazine*. 2019. June 11. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/russian-biologist-plans-more-crispr-edited-babies/>.

Американский журнал Science, не менее именитый и авторитетный, чем британский Nature, также подключился к обсуждению намерений Д. В. Ребрикова¹⁰. К названным экспертам добавились возглавляющий московский Медико-генетический научный центр и являющийся главным советником Министерства здравоохранения по генетике С. И. Куцев, специалист по геномике Е. Б. Прохорчук из Федерального исследовательского центра «Фундаментальные основы биотехнологии» РАН, отоларинголог Ричард Смит, занимающийся научно-исследовательской работой в Университете Айовы, и занимающийся молекулярными основами потери слуха нейробиолог Дэвид Кори, работающий в Бостоне на медицинском факультете Гарвардского университета. Их общее мнение: технология еще не отработана, а ее применение может в будущем нанести непоправимый вред здоровью еще не родившихся детей.

Среди экспертов, привлеченных Science, наряду с биологами и врачами, непосредственно причастными к лабораторно-экспериментальной практике, свое мнение на страницах журнала высказал российский философ, специалист по биоэтике из Института философии РАН П. С. Тищенко. «Его беспокоит то, что регулирующие государственные органы не подвергнут предложение Ребрикова тщательной и критической проверке. На встрече он сказал, что в Министерстве здравоохранения есть компетентный комитет по вопросам этики, но к регулирующим структурам других уровней в России у него гораздо меньше доверия. “У нас много комитетов по этике, которые скажут да любым инновациям”, — заявил Тищенко»¹¹. При этом он сослался на мнение экспертного комитета Всемирной организации здравоохранения, смысл которого заключается в том, что редактировать всю зародышевую линию преждевременно.

Недоверие П. С. Тищенко к регулирующим государственным органам, несомненно, основывается на знании дела. Комитеты по этике создавались по требованию международных конвенций, их наличие проверяется международными организациями, их количество растет и, как отмечал Б. Г. Юдин, именно научно-исследовательские организации наиболее заинтересованы в существовании таких комитетов.

Но стали ли они в массе своей эффективным звеном системы правового регулирования научных исследований, в том числе и генетических? Или же большинство из них существует скорее формально и их коллективы готовы с легкостью принять любое решение, в особенности если у этих решений находятся энергичные лоббисты? Эти вопросы следует признать риторическими.

Правовое регулирование в Российской Федерации явно не соответствует потребностям научного сообщества в нормативном регулировании их деятельности. Долгожданный Закон № 180-ФЗ, вступивший в силу 1 января 2017 г., предназначен для регулирования отношений, возникающих «в связи с разработкой, доклиническими исследованиями, клиническими исследованиями, экспертизой, государственной регистрацией, производством, контролем качества, реализацией,

¹⁰ Cohen J. Embattled Russian scientist sharpens plans to create gene-edited babies // Science magazine. 2019. Oct. 21. URL: <https://www.sciencemag.org/news/2019/10/embattled-russian-scientist-sharpens-plans-create-gene-edited-babies>.

¹¹ Cohen J. Op. cit.



применением, хранением, транспортировкой, ввозом в Российскую Федерацию, вывозом из Российской Федерации, уничтожением биомедицинских клеточных продуктов, предназначенных для профилактики, диагностики и лечения заболеваний или состояний пациента, сохранения беременности и медицинской реабилитации пациента (далее — обращение биомедицинских клеточных продуктов), а также регулирует отношения, возникающие в связи с донорством биологического материала в целях производства биомедицинских клеточных продуктов»¹².

Казалось бы, этот Закон должен ответить на все вопросы ученых относительно того, что можно, а что нельзя делать в лаборатории в ходе научных исследований, неразрывно связанных с лечением, т.е. вмешательством в естественный ход событий. Однако п. 2 ст. 1 данного Закона прямо говорит о том, что «действие настоящего Федерального закона не распространяется на отношения, возникающие при разработке и производстве лекарственных средств и медицинских изделий, донорстве органов и тканей человека в целях их трансплантации (пересадки), донорстве крови и ее компонентов, при использовании половых клеток человека в целях применения вспомогательных репродуктивных технологий, а также на отношения, возникающие при обращении клеток и тканей человека в научных и образовательных целях».

Между тем право в этой области регулирования находится в стадии интенсивных изменений. Другими словами, этот Закон предназначен для тех, кто использует уже апробированные и хорошо себя зарекомендовавшие технологии, а также для правоприменительной практики, прежде всего криминологической. Но создание новых технологий по-прежнему регулируется в лучшем случае подзаконными актами, а во всех остальных случаях — этическими комитетами.

Потребность в снятии многих ограничений осознается и ясно артикулируется исследователями. «Опережающее развитие принципиально новых технологий в медицине, — писал Д. В. Ребриков несколько лет назад, — не позволяет законодателю работать над правовой основой их использования так же, как раньше. В настоящее время назрела смена парадигмы законодательного регулирования выхода новых медицинских технологий из научно-исследовательской лаборатории в клинику. Глобализация привела к тому, что инновации распространяются по миру буквально со скоростью света. Новая перспективная медицинская технология, где бы она ни была создана, неизбежно находит развитие и используется в первую очередь в странах с более гибким или либеральным законодательством»¹³.

Из приведенной цитаты можно сделать вывод о том, что российскому ученому пришлось столкнуться с административными и правовыми препятствиями на пути к получению научно значимых результатов. Действительно, российское законодательство трудно отнести к разряду гибкого и либерального — его жесткий и запретительный уклон давно уже стал уже притчей во языцех. А сложившаяся интеллектуальная, административная и правовая иерархия ставит российских ученых перед дилеммой: или всерьез думать о «передовых рубежах», или по-

¹² Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // URL: <https://rg.ru/2016/06/28/produkti-dok.html>.

¹³ Ребриков Д. В. Редактирование генома человека // Вестник РГМУ. 2016. № 3. С. 10.

слушно довольствоваться ролью периферии, дожидаясь одобрения американских и европейских коллег. Если же выразить эту дилемму в терминах технологий и рынка, то данный выбор предстает как выбор между ролью производителя новейших биомедицинских технологий и ролью их потребителя.

Тем более что в сложившейся ситуации трудно отделаться от подозрения, что зарубежные коллеги не воспринимают российских ученых как конкурентов и не используют свои преимущества для того, чтобы уничтожить саму возможность их самостоятельности. Как отмечает О. Ю. Рыбаков, «законодатель сегодня оказывается между наукой и моралью, словно между Сциллой и Харибдой. Отрыв от господствующей морали сделает нормы права неэффективными. Отрыв от науки ограничит человеческие возможности. Поиск золотой середины должен опираться на гуманизм и примат ценности человека перед любыми политическими целями»¹⁴.

Вот почему, по мнению Д. В. Ребрикова, государства, имеющие более гибкое и либеральное законодательство, «получают “фору” за счет раннего внедрения инновационных подходов даже с учетом рисков, заключенных в нем. Многие законодательные ограничения перехода “наука — медицина” в отдельных странах не имеют смысла, поскольку технологии, созданные в этих странах, рано или поздно попадают в “научные офшоры”, откуда быстро распространяют по остальному миру, а также привлекают на территорию “офшоров” клиентов»¹⁵. В этой же статье далее он даже приводит пример, когда для группы британских ученых, вопреки сложившейся в области нормотворчества практике, было оперативно изменено национальное законодательство и получено разрешение на проведение эксперимента по генетической модификации человеческих эмбрионов с помощью CRISPR/Cas9.

В связи с вышеизложенным необходимо стремительное развитие правовой базы для научных исследований, которые не используются и еще недостаточно апробированы, да и полагаться на решение любого этического комитета небезопасно. Несмотря на популярность системы редактирования CRISPR/Cas9, она имеет и свои ограничения. Два основных риска, которые сопровождают применение данной системы, — не отредактировать ничего и отредактировать не то.

Например, первый эксперимент по редактированию нормальных эмбрионов в Китае оказался не совсем успешным: редактирование произошло не во всех клетках и не каждой из двух клеточных копий ДНК, а также обнаружилось неправильно отредактированные участки ДНК. Другие, более открытые исследования на забракованных эмбрионах показывают успешное редактирование примерно в 20 % случаев¹⁶. Да и наши исследования говорят о том, что удалось получить лишь более половины полностью модифицированных эмбрионов¹⁷.

¹⁴ Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Конвергенция технологий, репродукция человека и естественное право: философия трансгуманизма // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2017. № 2. С. 100—105.

¹⁵ Ребриков Д. В. Редактирование генома человека // Вестник РГМУ. 2016. № 3. С. 10.

¹⁶ Zhuchi Tu, Weili Yang, Shihua Li. CRISPR: Established Editor of Human Embryos? // Cell Stem Cell. 2017. Sep. 7; 21 (3). P. 295—296.

¹⁷ Кодылева Т. А., Кириллова А. О., Тыщук Е. А., Макаров В. В., Хромов А. В., Гуцин В. А., Абубакиров А. Н., Ребриков Д. В., Сухих Г. Т. Эффективность создания делеции



Таким образом, редактирование человеческих эмбрионов с помощью CRISPR/Cas9 требует достаточно полной отработки методики на животных клеточных линиях с публикацией результатов в открытых системах данных.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что в сложных вопросах только мнение экспертов может быть значимым. Но их деятельность также нуждается в правовой регламентации, проработанной гораздо лучше, чем в системе здравоохранения. «К сожалению, — отмечал Б. Г. Юдин, — сегодня никто в России не знает того, сколько таких комитетов существует, как они работают, насколько подготовлены их члены в вопросах этики биомедицинских исследований. Есть основания полагать, что во многих случаях их деятельность ограничивается штамповкой положительных решений по представляемым проектам»¹⁸.

Эта проблема свидетельствует о неготовности России к масштабной и массовой институционализации биоэтики. Для этого процесса должны измениться стандарты и ценности отечественной организационной культуры, а не только законы и подзаконные акты. Законы есть, и они в полной мере соответствуют мировым стандартам¹⁹. Но достаточно ли они соответствуют тем социальным возможностям функционирования медицинских организаций, при которых создаются этические комитеты? И насколько готовы входящие в них люди, будь то врачи, философы или общественные деятели? «Среди стандартов Совета Европы в сфере геномных исследований и внедрения их результатов в повседневную жизнь особое значение для России имеют те, что отразились в практике ЕСПЧ. На сегодняшний день в России формируется свой собственный, самобытный подход к регулированию геномных исследований (“незапретительная практика”), что было констатировано в решениях ЕСПЧ. Стандарты ЕСПЧ влияют не только на развитие российского законодательства, но и на практику российских судов в сфере геномики»²⁰.

Институционализация этических комитетов напрямую связана с автономией личности. Готова ли личность, т.е. рядовой российский гражданин, к признанию его автономии? Готов ли он к свободе и одновременно с этим к ответственности за участие в принятии решения относительно собственного лечения или относительно участия в исследовательском эксперименте? И это при том, что признание автономии личности — один из центральных принципов современной биоэтики. Патерналистский подход в выстраивании системы отношений «врач — больной» не может в современных условиях доминировать, как прежде. Больной становится участником лечения, и законодательство должно обеспечить это.

CCR5DELTA32 методом CRISPR-Cas9 в эмбрионах человека // Вестник РГМУ. 2018. № 4. С. 80—84.

¹⁸ Юдин Б. Г. Этические комитеты в России: проблемы их организации, статуса и функционирования // URL: <https://www.msu.ru/bioetika/doc/sec/judin>.

¹⁹ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 10 июля 2015 г. № 435н «Об Этическом комитете Министерства здравоохранения Российской Федерации» // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/71148664/paragraph/33:4>.

²⁰ Калиниченко П. А., Косилкин С. В. Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4 (56). С. 118.

Но одного законодательства здесь явно недостаточно. Необходима хорошо организованная работа по разъяснению принципов биоэтики всем слоям и группам населения российского общества. Необходимо подключение к этой работе системы среднего и высшего образования, создание специальной системы дополнительного образования, готовящих врачей, юристов, философов и общественных деятелей к работе в этических комитетах или взаимодействию с ними. Необходимо готовить больных к встрече с врачами и взаимодействию с системой здравоохранения. Без этого невозможно рассчитывать на успешную модернизацию правового регулирования биомедицинских исследований, а значит, и на предотвращение угроз современному обществу со стороны неконтролируемого развития науки и техники.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Захарова М. В.* Конституции о геномных исследованиях: взгляд России и Швейцарии // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 4 (56). — С. 101—107.
2. *Калиниченко П. А., Косилкин С. В.* Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 4 (56). — С. 108—118.
3. *Кодылева Т. А., Кириллова А. О., Тыщик Е. А., Макаров В. В., Хромов А. В., Гушин В. А., Абубакиров А. Н., Ребриков Д. В., Сухих Г. Т.* Эффективность создания делеции CCR5DELTA32 методом CRISPR-Cas9 в эмбрионах человека // Вестник РГМУ. — 2018. — № 4. — С. 80—84.
4. *Леви П.* Канувшие и спасенные. — М. : Новое издательство, 2010.
5. *Ребриков Д. В.* Редактирование генома человека // Вестник РГМУ. — 2016. — № 3.
6. *Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В.* Конвергенция технологий, репродукция человека и естественное право: философия трансгуманизма // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки». — 2017. — № 2. — С. 100—105.
7. *Zhuchi Tu, Weili Yang, Shihua Li.* CRISPR: Established Editor of Human Embryos? // Cell Stem Cell. — 2017. Sep. 7. — 21 (3). — 295—296.





Пауль Алексеевич КАЛИНИЧЕНКО,
 профессор кафедры
 интеграционного
 и европейского права
 Университета имени
 О.Е. Кутафина (МГЮА),
 доктор юридических наук
paulkalinichenko@mail.ru
 125993, Россия, г. Москва,
 ул. Садовая-Кудринская, д. 9



Мария Владимировна НЕКОТЕНЕВА,
 доцент кафедры
 интеграционного
 и европейского права
 Университета имени
 О.Е. Кутафина (МГЮА),
 кандидат юридических наук
maria7roman@yandex.ru
 125993, Россия, г. Москва,
 ул. Садовая-Кудринская, д. 9

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ УРОВНЕ¹

Аннотация. Статья посвящена анализу различий в подходах и выборе инструментария на международном (универсальном) и европейском (региональном) уровнях взаимодействия государств в вопросах регулирования отношений, складывающихся в сфере геномных исследований, и внедрения в жизнь их результатов. Анализируются специфика подходов на универсальном и региональном уровне, в том числе связанная с деятельностью международных структур семьи ООН, Совета Европы, Европейского Союза и их деятельностью в сфере защиты прав человека и геномики человека. Специальное внимание уделяется роли международного мягкого права в развитии правового регулирования (саморегулирования) рассматриваемой сферы. Материалы статьи могут быть использованы как в теоретической, так и в практической юриспруденции, а равно могут представлять интерес для других сфер исследований генома человека (биоинформатики, медицины, репродукции человека и т.д.).

Ключевые слова: международное право, геномные исследования, ДНК, геномная информация, европейское право, Совет Европы, международные стандарты, Европейский Союз.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.068-078

P. A. KALINICHENKO,

*Professor of the Integration and European Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Legal Sciences
paulkalinichenko@mail.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

M. V. NEKOTENEVA,

*Associated Professor of the Integration and European Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Ph.D. (Law)
maria7roman@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9*

SPECIFICS OF LEGAL REGULATION IN GENOMIC RESEARCHES AT THE INTERNATIONAL AND EUROPEAN LEVEL

Abstract. *This article is devoted to the analysis of differences in approaches and in choice of tools at the international (universal) and European (regional) levels of interaction between states in the regulation of relations in the field of genomic research and the implementation of their results. The article analyzes specifics of approaches at the universal and regional level, including activities of the UN family bodies, the Council of Europe, the European Union in the field of protecting human rights and human genomics. Special attention is paid to the role of international soft law in the development of legal regulation (self-regulation) in the mentioned field. The materials of the article can be useful both in theoretical and practical jurisprudence, and may also be of interest for other areas of the human genome research (bioinformatics, medicine, human reproduction, etc.).*

Keywords: *international law, genomic research, DNA, genomic information, European law, Council of Europe, international standards, European Union.*

1. Вводные замечания

Несмотря на то, что международное право геномных исследований только формируется, на сегодняшний день очевидны его основные черты и тенденции развития в том, что касается подходов к правовому регулированию, источников и выстраиванию системы регулирования в целом. Начало развитию международно-правовых норм в данной сфере было положено в конце 1990-х гг. и было напрямую связано с практической реализацией проекта «Геном человека»², результатом которого стала полная расшифровка человеческого генома к 2003 г.

² Подробнее об этом см.: Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» (международные документы и аналитические материалы). М., 1998.



Вместе с тем регулирование данного, во многом нового круга отношений различается в зависимости от уровня сотрудничества и регионального преломления. При современной глобализации технологий и знаний уровень технологического развития конкретных стран весьма различен, что требует расстановки акцентов в регулировании, учитывая специфику социально-экономического развития отдельных регионов планеты.

Настоящая статья посвящена анализу различий в подходах и выборе инструментария на международном (универсальном) и европейском (региональном) уровнях взаимодействия государств в вопросах регулирования отношений, складывающихся в сфере геномных исследований и внедрения в жизнь их результатов. В статье анализируется специфика подходов на универсальном и региональном уровне, в том числе связанная с деятельностью международных структур семьи ООН, Совета Европы, Европейского Союза (ЕС) в сфере защиты прав человека и геномики человека. Специальное внимание уделяется роли международного мягкого права в развитии правового регулирования (саморегулирования) рассматриваемой сферы.

2. Международное право геномных исследований

Регулирование вопросов в сфере генома человека на международном уровне не является «догоняющим» в том, что касается развития вновь возникающих отношений, связанных с достижениями научно-технического прогресса, хотя и носит рамочный и координирующий характер. В процессе формирования правового регулирования исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования на международном уровне прослеживаются два генеральных подхода³.

Один подход связан с гарантиями прав человека в сфере человеческой геномики. Он базируется на основополагающих международных конвенциях о правах человека, закладывающих основы регулирования этико-правовых аспектов в геномных исследованиях, связан с универсальными документами в области прав человека. Второй подход касается обеспечения безопасности в сфере генома и характеризуется в настоящее время спорадичностью формирования международных норм.

В современном мире правовое регулирование геномных исследований и внедрения в жизнь их результатов берет свое начало в основополагающих актах о правах человека. Геном — ключевое явление биологической уникальности каждого человеческого существа, своего рода «оцифрованная самой природой изнанка личности».

Соответственно, Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Международные пакты о гражданских и политических правах и об экономических,

³ Калиниченко П. А., Нечаева Е. К. Правовое регулирование исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования: опыт России на основе международных стандартов // Международный правовой курьер. 2019. № 2 (19). С. 25.

социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., несмотря на закрепление общих формул, напрямую касаются вопросов человеческого генома и как биологического, и как социального явления. В частности, это касается общих принципов защиты прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации 1948 г. (право на частную жизнь и семейную жизнь, равенство перед законом и право на восстановление невиновности и справедливое судебное разбирательство и др.).

Конечно, существующие универсальные документы сами по себе не направлены на регулирование геномных исследований или аспектов внедрения их результатов в жизнь. Эти вопросы не должны получать такую конкретизацию в документах данного уровня, но упомянутые акты содержат базовые принципы и гарантии, которые задают направления развития специального регулирования в обозначенной сфере.

В свою очередь, специальные положения универсального характера относительно исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования отражаются в актах международного мягкого права. Выбор данного международного инструментария сотрудничества также представляется неслучайным.

Конечно, концепция мягкого права является полем для дискуссии в теории международного права, своего рода точкой столкновения различных мнений и идей, что свидетельствует о незавершенном характере восприятия данного явления в науке. К мягкому праву традиционно относят предписания, не обладающие обязательной юридической силой, но исходящие от публично-властных институтов и играющие роль регуляторов общественных отношений.

В международном праве концепция мягкого права получила активное теоретическое обоснование во второй половине XX в. в трудах преимущественно зарубежных юристов. Проблема восприятия такого явления, как мягкое право, возникает уже с употреблением самого термина, являющегося во многом условным обозначением некой категории или категорий социальных норм, которые создают некую альтернативу в регулировании общественных отношений.

Таким образом, мягкое право приобретает свое буквальное значение не согласно своей сущности и специфике, а на основе противопоставления жесткому праву. Именно мягкое право обеспечивает механизм формирования жестких норм, зачастую выступает предтечей появления обязательных норм и стандартов.

В этой связи необходимо отметить, что нормы международного мягкого права в современном регулировании сферы человеческого генома содержатся в разнообразных источниках, генерируемых как на межгосударственном, так и на негосударственном уровне. Для развития международного мягкого права геномных исследований особенное значение имеют деятельность ООН и ее специализированных учреждений — Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

В частности, под эгидой ЮНЕСКО были разработаны и приняты такие документы, как Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека 1997 г. (включая Руководящие принципы осуществления Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека от 16 ноября 1999 г.), Международная декларация о геномной информации человека 2003 г., Всеобщая декларация о биоэтике



и правах человека 2005 г., резолюции и решения Экономического и социального совета ООН (о генетической конфиденциальности и недискриминации (2001/39 от 26 июля 2001 г.; 2003/232 от 22 июля 2003 г.; 2004/9 от 16 июля 2004 г.). Несмотря на свой «мягкий» характер, данные документы имеют колоссальное значение в качестве ориентира для развития национального законодательства различных стран мира.

В большинстве случаев эти документы концептуально связаны с принципами, определяемыми международными конвенциями по правам человека. В частности, ст. 9 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека 1997 г. увязывает возможности государства по введению ограничений в отношении согласия и конфиденциальности исключительно при крайне серьезных причинах и в рамках международного права в области прав человека. По своей сути специальные положения универсального характера относительно исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования неразрывны с общими нормами международного права прав человека, несмотря на то что такие специальные нормы закреплены в источниках мягкого права.

Среди актов международного мягкого права, принятых не на государственном уровне, фундаментальное значение имеют положения, заложенные в принятом Нюрнбергским трибуналом после завершения процесса над нацистскими врачами в августе 1947 г. Кодексе по ограничению произвола медицинских экспериментов над людьми. Этот документ впервые заложил принципы проведения медицинских опытов с участием человека, зафиксировал этические нормы в рамках медицинских экспериментов, а также предусмотрел гарантии для пациентов. Сформулированные в Кодексе принципы получили свое развитие в Хельсинской декларации «Этические принципы проведения медицинских исследований с участием человека в качестве субъекта»⁴. Данный документ был принят в 1964 г. специальной медицинской международной неправительственной организацией — Всемирной медицинской ассоциацией (ВМА). Рассматриваемая Декларация провозглашает этические принципы, правила и ориентиры, используемые в проведении геномных исследований⁵.

Подход к регулированию генома человека с точки зрения обеспечения безопасности значительно хуже представлен на международном уровне. Здесь нет соответствующих масштабу проблемы документов в сфере международного мягкого права в форме свода правил или декларации, хотя препятствий для разработки стандартов биобезопасности в области генома человека на международном уровне не существует.

При этом большой вклад в обеспечение вопросов безопасности в данной сфере также принадлежит на универсальном уровне ЮНЕСКО и ВОЗ, а равно на региональном уровне в Европе — ЕС и Совету Европы. В частности, ЮНЕСКО выдвигает подход, в соответствии с которым геном человека отнесен к «общему наследию

⁴ Хельсинкская декларация всемирной медицинской ассоциации. Принята на 18-й Генеральной Ассамблее ВМА. Хельсинки, Финляндия, июнь 1964 г.

⁵ Михайлова С. А., Голышева П. Д. Нужен ли России Этический кодекс в сфере геномных исследований на основе международных стандартов? // Международный правовой курьер. 2019. № 2 (19). С. 6.

человечества». Со своей стороны, ВОЗ проводит регистрацию всех научных экспериментов в рассматриваемой сфере. ЕС и Совет Европы помимо ограничений в области проведения экспериментов развивают меры в области обеспечения безопасности геномной информации⁶. Возможно, в определенной степени связано это с особенностями принципиально новых областей, таких как медицинская генетика.

Активное развитие, появление новых методов и подходов, незавершенность необходимых исследований, с одной стороны, влекут невозможность разработки четко определенных механизмов регулирования, с другой стороны, новые технологии прежде всего получают распространение в государствах, использующих более гибкие механизмы регулирования. Так, например, некоторые государства изначально запрещали применение систем редактирования генома человека, однако риск оказаться в числе отстающих с технической точки зрения предполагает изменение государственных подходов к столь важной проблеме.

Вместе с тем на международном уровне есть яркие примеры успешных шагов в сфере создания стандартов в сферах защиты от радиации и токсичных веществ. Опыт ООН, МАГАТЭ и Международной комиссии по радиационной защите (МКРЗ) мог бы оказаться весьма полезным для решения этих задач. Это касается, в частности, содержащейся в рекомендациях МКРЗ концепции «уровней обеспокоенности» или подходов по определению неблагоприятного биологического эффекта, который может выражаться в неконтролируемых генетических мутациях.

Кроме того, существующий опыт в сфере обеспечения радиационной безопасности на международном уровне может быть использован для формулирования международных принципов оценки рисков, возникающих в ходе геномных исследований, а равно ответственности и компенсации за их негативные последствия. Важен именно принцип принятия мер предосторожности в том понимании, что если какой-либо вид деятельности заключает в себе угрозу или вероятность нанесения ущерба здоровью человека или окружающей среде, меры предосторожности должны приниматься, даже если какая-либо причинно-следственная связь до конца научно не обоснована⁷. Тем не менее вопросы обеспечения безопасности исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования остаются на уровне отдельных государств.

3. Совет Европы и право геномных исследований

На региональном уровне в Европе также происходит комбинация двух подходов к регулированию (права человека и безопасность), однако, помимо Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., устанавливающей главные правозащитные контуры европейских стран, под эгидой Совета Европы

⁶ Дубов А. Б., Дьяков В. Г. Безопасность геномной информации: правовые аспекты международного и национального регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 305—308.

⁷ Например, указанный принцип закреплен в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию от 14 июня 1992 г. 7 (Принцип 15) и Картаженском протоколе о биологическом разнообразии от 29 января 2000 г.



была подписана специальная Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине 1997 г. (Конвенция Овьедо).

Несмотря на то, что положения Конвенции Овьедо являются во многом рамочными, а сама Конвенция устарела и отвечает вызовам технологического уровня цивилизации конца 90-х гг. прошлого века, основным ее положением, по-прежнему вызывающим расхождения в вопросах участия в данной Конвенции со стороны стран — участниц Совета Европы, является ограничение использования эмбрионов в исследовательских целях в соответствии со ст. 18 Конвенции.

Кроме того, в сфере защиты геномной информации значимую роль играют положения Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (вместе с поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ № 108), позволяющими присоединение ЕС).

Наличие специальных обязывающих предписаний на европейском уровне не исключает развития и использования инструментов мягкого права. Среди документов мягкого права, принятых под эгидой Совета Европы в рассматриваемой сфере, следует особо отметить Рекомендацию Совета Европы R(92)1 от 10 февраля 1992 г. об использовании ДНК в рамках производства по уголовным делам. Соответственно, на европейском уровне, на основе усилий Совета Европы, помимо правозащитного подхода, очевидно, генерируется подход к регулированию сферы генома человека с точки зрения обеспечения безопасности.

Также для регулирования проблем, связанных с геномом человека, большое значение имеет практика Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) и национальных судов государств. ЕСПЧ, помимо полномочий по толкованию Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1957 г. (ЕКЧП), наделен компетенцией по толкованию Конвенции Овьедо, согласно ее положениям. При этом последние не будут иметь юридического значения для стран, не участвующих в Конвенции Овьедо, в частности для России. Практика ЕСПЧ, как и любая судебная практика, отражает уровень потребностей регулирования возникающих ситуаций в социуме. Очевидно, что ЕСПЧ подходит к решению проблем в сфере геномики с позиции прав человека, поскольку это заложено в специфике его юрисдикции.

Практика ЕСПЧ в данной сфере весьма разнообразна. Вопросы генетической идентификации родителей в ряде дел вставали перед ЕСПЧ еще в начале 2000-х гг.⁸ Более сложные вопросы стали подниматься с внедрением достижений геномных исследований в практическую жизнь. Так, в решении по делу «Evans v. United Kingdom» от 10 апреля 2007 г.⁹ ЕСПЧ рассматривал вопрос о генетической связи между эмбрионом, созданным на основе ЭКО, и донором. В деле «Costa and Pavan v. Italy» от 28 августа 2012 г.¹⁰ ЕСПЧ впервые коснулся вопросов генетического скрининга и попытки родителей превентивно не допустить передачи генетических заболеваний потомкам.

⁸ См., например: Application no. 58757/00, Jaggi v. Switzerland, ECHR Judgment of 13 July 2006 ; Application no. 11449/02, Tavli v. Turkey, ECHR Judgment of 9 November 2006.

⁹ Application no. 6339/05, Evans v. United Kingdom, ECHR Judgment of 10 April 2007.

¹⁰ Application no. 54270/10, Costa and Pavan v. Italy, ECHR Judgment of 28 August 2012.

Особое значение в практике ЕСПЧ занимает этическая сторона вопроса. В решении ЕСПЧ от 27 августа 2015 г. по делу «Parrillo v. Italy»¹¹ четко прозвучала недвусмысленная констатация принципиальных разногласий, конфликта прав пациентов и интересов государств-членов по вопросу исследований генома человека и использования эмбрионов человека для этих целей. Однако эти расхождения во многом являются следствием не столько утилитарных подходов национальных властей к регулированию исследований, сколько отражением в правовом регулировании геномных исследований этических представлений и норм каждой конкретной европейской нации. Общественная мораль входит в круг вопросов, крепко увязанных с геномным суверенитетом конкретной страны.

4. Европейский Союз и право геномных исследований

В отличие от Совета Европы, Европейский Союз известен нам как объединение государств, строящее свою деятельность на основе ограничения суверенитета участников. ЕС вырастает из целей прежде всего экономической интеграции, что обуславливает его место в Европе и мире. Вопросы исследований и развития как сферы совместной компетенции ЕС и государств-членов, входят в орбиту внимания ЕС сквозь призму их связи с реализацией положений об экономической интеграции, исходя из целей обособленной политики ЕС в области науки и технологического развития.

Учредительные договоры ЕС ничего не говорят о геномных исследованиях. Вместе с тем ст. 2 Договора о Европейском Союзе и Хартия Европейского Союза об основных правах 2000 г. как основополагающий акт ЕС, гарантирующий защиту прав личности, исходят из первичности человеческого достоинства в качестве общей ценности Союза и его государств-членов. Это с неизбежностью задает сходную с позицией ЮНЕСКО и Совета Европы канву в регулировании геномных исследований в национальном праве государств-членов.

Очевидно, что геномные исследования, как и вопросы реализации их достижений на практике, относятся к компетенции государств — членов ЕС. Вместе с тем геномный суверенитет государств-членов не является абсолютным. В праве ЕС существует уже сложившееся регулирование, воздействующее на положения национального права. В том, что касается безопасности геномной информации, ряд актов вторичного права ЕС (законодательства, принимаемого главными органами ЕС на основе положений учредительных договоров) регулирует отношения, связанные с защитой прав личности при сборе, хранении и обработке персональных данных.

В соответствии со ст. 4 (1) Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679¹² от 27 апреля 2016 г. персональные данные пред-

¹¹ Application no. 46470/11, Parrillo v. Italy, ECHR Judgment of 27 August 2015.

¹² Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // OJ L. 119 4.5.2016. P. 1.



ставляют собой любую информацию, относящуюся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу (субъект данных), по которой прямо или косвенно можно его определить. К такой информации относится в том числе фактор генетической идентичности физического лица.

Другим документом является Директива 2016/680/ЕС¹³, определяющая принципы защиты физических лиц в отношении обработки персональных данных компетентными органами в целях предотвращения, расследования уголовных преступлений, ведения розыскных или судебных действий или исполнения уголовных наказаний, а также при свободном перемещении таких данных.

В 2018 г. под эгидой ЕС его государства-члены открыли к подписанию Декларацию о сотрудничестве «На пути к доступу по крайней мере к 1 миллиону секвенированных геномов в ЕС к 2022 г.», которая предусматривает формирование общей геномной коллекции европейских наций. Этот документ представляет собой акт мягкого права и не рассчитан на обязательность. Декларацию подписали 20 государств — членом ЕС, а также Великобритания и Норвегия, документ открыт для подписания другими государствами — членами ЕС и странами Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ).

На основе рассматриваемого документа государства-подписанты намерены создать к 2022 г. механизм сотрудничества в целях улучшения профилактики заболеваний, обеспечения более персонализированного лечения и обеспечения достаточного масштаба для новых клинических исследований. Меры, предусмотренные Декларацией, позволят объединить фрагментированную инфраструктуру в сфере генерации геномной информации, использовать и минимизировать уже сделанные инвестиции в этой сфере, а также достичь большей когорты, которая обеспечит достаточный масштаб для новых клинически значимых исследований.

Генерация и использование big data на основе создаваемого механизма взаимодействия амбициозно представит Европейский Союз в качестве глобального игрока в геномике в ближайшем будущем.

Кроме того, в Европейском Союзе существует собственная судебная практика, затрагивающая вопросы человеческого генома. В 2011 г. Суд ЕС в своем решении по делу «Oliver Brüstle v. Greenpeace eV»¹⁴ заложил основы реализации интеллектуальных прав для исследований в сфере генома человека¹⁵. В другом решении, вынесенном в 2018 г. по делу «Confédération paysanne»¹⁶ Суд ЕС приравнял технологии редактирования генов к практикам геномной инженерии. Несмо-

¹³ Directive (EU) 2016/680 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data by competent authorities for the purposes of the prevention, investigation, detection or prosecution of criminal offences or the execution of criminal penalties, and on the free movement of such data, and repealing Council Framework Decision 2008/977/JHA // OJ L. 119. 4.5.2016. P. 89—131.

¹⁴ Case C-34/10, Oliver Brüstle v. Greenpeace eV // European Court Reports. 2011. I-09821.

¹⁵ Ткачук В. В. Последствия решения Суда ЕС по делу «Оливер Брюстле против Гринпис eV» для регулирования геномных исследований в Европейском Союзе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 138.

¹⁶ Case C-528/16, Confédération paysanne and Others v. Premier ministre and Ministre de l'agriculture, de l'agroalimentaire et de la forêt // ECLI:EU:C:2018:583.

тря на противоречивость выводов, тот факт, что дела в сфере геномики стали попадать в поле зрения Люксембургского суда, говорит о возрастающем интересе к регулированию на уровне ЕС.

Право геномных исследований ЕС формируется как самостоятельное региональное направление регулирования на основе ограничения суверенитета государств — членов ЕС. Потребности внутреннего рынка как краеугольного камня экономического и денежного союза являются ключевым вопросом, определяющим степень законодательной интервенции ЕС в национальные прерогативы в сфере регулирования геномных исследований и внедрения их результатов в практическую жизнь.

5. Заключение

Развитие правового регулирования геномных исследований и внедрение их результатов в практическую жизнь на международном уровне протекает неоднородно. В целом универсальный и региональный уровни регулирования имеют различный «градус» международного нормотворчества. Различия в уровне научно-технического развития государств предопределяют регионализацию проблем регулирования и саморегулирования отношений в сфере человеческого генома. В рассматриваемой сфере существенное влияние на правовое регулирование оказывают нормы международного мягкого права.

Несмотря на усилия ООН и ЮНЕСКО на универсальном уровне, стандарты либо аккумулируются через общие принципы защиты прав человека, либо отражаются в рекомендательных нормах. Правозащитный подход развит в большей степени, чем фокус на проблемах биобезопасности.

Напротив, взаимодействие государств на европейском уровне основывается на устаревшем, но обязательном для государств-участников документе — Конвенции Овьедо. Кроме того, важное значение имеет практика ЕСПЧ в рассматриваемой сфере. В рамках правопорядка Европейского Союза ряд мер урегулирован на основе нормативных правовых актов. Европейские страны, не отказываясь от геномного суверенитета, пытаются сбалансировать меры, принимаемые в сфере обеспечения прав человека и безопасности в том, что касается генома человека.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дубов А. Б., Дьяков В. Г. Безопасность геномной информации: правовые аспекты международного и национального регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 4. — С. 305—308.
2. Калиниченко П. А., Нечаева Е. К. Правовое регулирование исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования: опыт России на основе международных стандартов // Международный правовой курьер. — 2019. — 2 (19). — С. 25—28.
3. Кубышкин А. В., Косилкин С. В., Астрелина Т. А. Международно-правовое регулирование генетических исследований, биобанкинга, биоинформатики



- и репродукции человека: анализ основных международно-правовых актов // Международный правовой курьер. — 2019. — 2 (19). — С. 29—34.
4. Лукашук И. И. Международное «мягкое» право // Государство и право. — 1994. — № 8—9. — С. 159—167.
 5. Михайлова С. А., Голышева П. Д. Нужен ли России Этический кодекс в сфере геномных исследований на основе международных стандартов? // Международный правовой курьер. — 2019. — 2 (19). — С. 5—9.
 6. Ткачук В. В. Последствия решения Суда ЕС по делу «Оливер Брюстле против Гринпис еВ» для регулирования геномных исследований в Европейском Союзе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 4. — С. 138—145.
 7. Establishing best practice for forensic DNA databases : a report by the Forensic Genetics Policy Initiative // Forensic Genetics Policy Initiative. London., September 2017.

ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИОБАНКОВ В ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ И РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Аннотация. В статье анализируется опыт развития законодательства о деятельности биобанков в зарубежных странах и России, выделяются основные подходы к регулированию, ключевые правовые принципы и институты, выдвигаются предложения по направлениям совершенствования российского законодательства в рассматриваемой сфере, исходя из зарубежного опыта.

Ключевые слова: биобанк, правовое регулирование, закон, субъект права, объект права.



**Сергей Вячеславович
КОСИЛКИН,**

руководитель практики
юридической компании
«Эдвансед Лигал
Консалтинг», кандидат
юридических наук
kosilkins@mail.ru
119435, Россия, г. Москва,
ул. Малая Пироговская,
д. 14, стр. 1

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.079-087

S. V. KOSILKIN,

Advanced Legal Consulting LLC Head of practice,

Ph.D. (Law)

kosilkins@mail.ru

119435, Russia, Moscow, ul. M. Pirogovskaya, 14, s. 1

EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION OF BIOBANK ACTIVITIES IN FOREIGN PRACTICE AND THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN LEGISLATION

Abstract. The article analyzes the experience of developing legislation on the activities of biobanks in foreign countries and Russia, highlights the main approaches to regulation, key legal principles and institutions, puts forward suggestions for improving Russian legislation in this area based on foreign experience.

Keywords: biobank, legal regulation, law, subject of law, object of law.

Вступительные замечания

В Российской Федерации вопросы формирования и функционирования биобанков в последние годы приобрели весьма актуальное звучание. Биобанки востребованы в связи с развитием фармакологии и персонализированной медицины, научных исследований в области генетики и др.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-29-14054 мк.

С второго десятилетия XXI в. Российское государство уделяет все больше внимания развитию наукоемких биомедицинских, генетических, клеточных технологий, невозможных без развивающихся биобанков².

Между тем в российском научном сообществе подчас отмечается недостаточность существующего регулирования в рассматриваемой сфере³.

Очевидно, что, с одной стороны, правовое регулирование биобанкинга по сравнению с классическими институтами — сравнительно новая область. Вместе с тем его история в мире уже насчитывает больше полутора десятилетий. В зарубежных странах — и в Европе, и в Азии, и в США уже сформировались определенные подходы к регулированию биобанкинга.

Так, в ряде стран приняты специальные законы, регулирующие вопросы биобанкинга. В частности, такие законы приняты в Бельгии⁴, Венгрии⁵, Израиле⁶, Исландии⁷, Испании⁸, Финляндии⁹, Швеции¹⁰, Эстонии¹¹.

Представляется, что названная группа, в свою очередь, может быть разделена на две подгруппы: к первой относятся страны, в которых приняты узко специализированные законы, посвященные именно вопросам биобанкинга, — это североευропейские страны Финляндия, Швеция, Эстония, Исландия; ко второй — страны, в законах которых специально регулируются как вопросы биобанкинга, так и тесно связанные с ними смежные вопросы, например регулирования генетических исследований. К таким могут быть отнесены Израиль, Испания, Венгрия.

В других странах, как, например, в Великобритании, США, Франции, Китае и России, специальных законов о биобанкинге нет, однако существуют отдельные правовые нормы, касающиеся вопросов биобанкинга, инкорпорированные в более широкие нормативные акты по вопросам здоровья населения, защиты информации, недискриминации и др. В этой группе можно увидеть довольно

² См., например: *Мохов А. А.* Биобанкинг — новое направление экономической деятельности // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2018. № 3. С. 33—40 ; *Резник О. Н., Кузьмин Д. О., Скворцов А. Е., Резник А. О.* Биобанки — неоценимый ресурс трансплантации: история, современное состояние, перспективы // *Вестник трансплантологии и искусственных органов*. 2016. № 4. С. 123—132.

³ URL: <https://conference2018.biobanking.ru> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

⁴ URL: https://www.afmps.be/sites/default/files/content/kb_ar_2018-02-05.pdf (дата обращения: 25 января 2020 г.).

⁵ URL: <https://net.jogtar.hu/getpdf?docid=a0800021.tv> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

⁶ URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/Health/GeneticInformationLaw.pdf> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

⁷ URL: https://www.government.is/media/velferdarraduneyti-media/media/acrobat-enskar_sidur/Biobanks-Act-as-amended-2015.pdf (дата обращения: 25 января 2020 г.).

⁸ URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2007/BOE-A-2007-12945-consolidado.pdf> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

⁹ Закон Финляндии «О биобанках» 688/2012 // URL: www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/2012/en20120688.pdf (дата обращения: 25 января 2020 г.).

¹⁰ URL: <https://biobanksverige.se/wp-content/uploads/Biobanks-in-medical-care-act-2002-297.pdf> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

¹¹ URL: <https://www.riigiteataja.ee/en/eli/531102013003/> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

широкий диапазон подходов по уровню регулирования, на одном условном краю которого страны, в которых регулирование исследуемых вопросов, пусть и фрагментарно, происходит на законодательном уровне, как, например, во Франции¹², на другом — Китай, в котором вопросы, связанные с биобанкингом, сегодня регулируются исключительно на подзаконном уровне, хотя и обсуждаются проекты законодательного регулирования¹³, во многих же странах наблюдается сочетание подходов — отдельные нормы приняты на законодательном уровне и некоторое регулирование осуществляется на подзаконном.

2. Некоторые характеристики правового регулирования биобанкинга в специализированных законах стран Северной Европы

Принятые в странах Северной Европы законы о биобанках в значительной степени унифицированы. Представляется важным обратить внимание на следующие обобщенные характеристики.

Нормы указанных законов восприняли правовые подходы, заложенные в международных актах в сфере регулирования генетических исследований и прав человека, прежде всего в Конвенции о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г.¹⁴

Под биобанком, как правило, понимается специализированная организация, действующая по разрешению (лицензии) и под непосредственным контролем государственных органов, в научных и медицинских целях. Таким образом, биобанки понимаются как субъекты права, что позволяет предъявлять к их организации и функционированию определенные требования, за нарушение которых устанавливается ответственность.

- Биобанки обязаны обеспечивать соблюдение ряда обязательных требований:
- добровольное информированное согласие доноров, которое может быть отозвано;
 - конфиденциальность материалов;
 - этическая экспертиза программы исследований;
 - надлежащие условия хранения коллекций биологических материалов, обеспечивающих как конфиденциальность, так и физическую сохранность коллекции;
 - регулярная публикация отчетов.

Все законы обеспечивают национальный контроль и национальную юрисдикцию биобанков: в Законе Исландии прямо указано, что биобанком может быть

¹² *Rial-Sebbag E., Pigeon A.* Regulation of Biobanks in France // *Journal of Law, Medicine and Ethics*. 2015. № 43 (4). P. 754—765.

¹³ *Chen H. B., Chan B., Joly Y.* Privacy and Biobanking in China: A Case of Policy in Transition // *The Journal of Law Medicine & Ethics*. 2015. № 43 (4). P. 726—742.

¹⁴ О подходах Конвенции см., например: *Калиниченко П. А., Косилкин С. В.* Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // *Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 4. С. 108—118.



только национальная организация (ст. 5)¹⁵, согласно Закону Эстонии главным оператором Генного банка является Тартуский университет (пар. 3), который может делегировать свои права национальным организациям, получившим соответствующее разрешение (пар. 4). Во всех законах требуется получение национальной лицензии или иного разрешения.

В ряде случаев (например, в ст. 10 исландского Закона) указывается, что биобанк не является собственником биологических материалов и может распоряжаться ими только в пределах, указанных в лицензии.

Законы, принятые в начале 2000-х гг., содержат довольно общие требования к созданию и деятельности биобанков (например, шведский Закон 2002 г.). При этом в некоторых случаях потребовалась существенная детализация вопросов управления биобанками, условий передачи информации и т.д., в связи с чем, например, исландский Закон был дополнен неоднократно, весьма существенно — в 2014 г. При этом Рекомендации Совета министров Совета Европы об исследованиях биологических материалов человеческого происхождения в редакции 2016 г. задают как минимум более детализированные стандарты регулирования, чем это можно проследить в национальных законах североевропейских стран¹⁶.

3. Подходы к правовому регулированию вопросов биобанкинга в США

Как отмечено выше, законодательных актов, которые были бы специально и непосредственно посвящены регулированию вопросов формирования и функционирования биобанков, в США не существует. Отдельные вопросы биобанкинга и биоинформатики регулируются в массе американских нормативных источников, которые в целом выглядят следующим образом:

Федеральные законы:

- Закон о национальных исследованиях от 12 июля 1974 г., которым были учреждены Национальная комиссия по защите прав лиц, участвующих в биомедицинских и поведенческих исследованиях человека, и на ее основе — Управление по защите от исследовательских рисков (OHRP — Office for Human Research Protections)¹⁷;
- Закон о расширении исследований в области здравоохранения 1985 г., которым веден статус национального исследовательского института и предусмотрены дискреционные полномочия по разработке и утверждению стандартов Национального института здоровья (NIH). В частности, институт вырабатывает критерии предоставления грантов научным исследованиям¹⁸;

¹⁵ Возможно, это связано с разгоревшимся в конце 90-х гг. XX в. скандалом. См. об этом: *Тищенко П. Р.* Геном Исландии сдан в аренду // НГ-Наука. 09.10.2002. URL: www.ng.ru/ nauka/2002-10-09/12_bygene.html (дата обращения: 25 января 2020 г.).

¹⁶ CM/Rec(2016)6 // URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=090000168064e8ff (дата обращения: 25 января 2020 г.).

¹⁷ PL 93-348 // URL: <https://history.nih.gov/research/downloads/pl93-348.pdf> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

¹⁸ PL 99-158 // URL: <https://history.nih.gov/research/downloads/pl99-158.pdf> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

— Закон о недискриминации на основе генетической информации (Genetic Information Nondiscrimination Act, GINA) 2008 г., которым в американском законодательстве раскрыты принципы конфиденциальности и недискриминации на основе генетической информации. В частности, Закон запрещает использование генетической информации при медицинском страховании и трудоустройстве¹⁹.

Нормативные акты федеральных министерств и ведомств США. Важнейшим документом в рассматриваемой сфере стало принятое совместно 16 ведомствами США так называемое Общее правило — единый свод правил по защите людей, являющихся участниками научных исследований, который действует и сегодня, в редакции от июля 2018 г. (разд. 45, ч. 46 Свода федеральных нормативных актов США (45 CFR 46), подразд. А)²⁰.

Судебные акты США. В силу особенностей формирования и функционирования американской правовой системы судебные акты — прежде всего Верховного суда США, но не только, имеют первостепенное значение. Для рассматриваемых вопросов имеют значение судебные решения по делам: *in re Bilski* (545 F.3d 943, 88 U.S.P.Q.2d 1385 (Fed. Cir. 2008)²¹; «*Mayo v. Prometheus*» (566 U.S. 66 (2012)²²; «*Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, Inc.*» (569 U.S. 576 (2013)²³ — по вопросам допустимости и патентоспособности измененных ДНК; а также «*Jack Lowe, et al v. Atlas Logistics Group Retail*» (S 102 F.Supp.3d 1360 (2015)²⁴ — по вопросам конфиденциальности и запрета дискриминации на основе генетической информации.

В целом принципы регулирования вопросов биобанкинга и биоинформатики в США не принципиально отличаются от таковых, принятых в Европе и в России. Точно так же принципами регулирования являются уважение человеческого достоинства, прав человека и основных свобод; предварительная оценка потенциальных опасностей и преимуществ; предварительное, свободное и ясно выраженное согласие; недискриминация и конфиденциальность.

К особенностям американского регулирования относят большую свободу усмотрения действующего субъекта и использование государством косвенных методов регулирования²⁵. Так, мораторий на исследование эмбриональных стволовых клеток человека в США длительное время обеспечивался запре-

¹⁹ PL 110—233, 122 Stat. 881 // URL: <https://www.congress.gov/bill/110th-congress/house-bill/493/text> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

²⁰ 45 CFR 46 // URL: [9s://www.ecfr.gov/cgi-bin/retrieveECFR?gp=&SID=83cd09e1c0f5c6937cd9d7513160fc3f&pitd=20180719&n=pt45.1.46&r=PART&ty=HTML](https://www.ecfr.gov/cgi-bin/retrieveECFR?gp=&SID=83cd09e1c0f5c6937cd9d7513160fc3f&pitd=20180719&n=pt45.1.46&r=PART&ty=HTML) (дата обращения: 25 января 2020 г.).

²¹ URL: https://www.law.berkeley.edu/files/In_re_Bilski.pdf (дата обращения: 25 января 2020 г.).

²² URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/566/66>.

²³ URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/569/576/> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

²⁴ URL: <https://www.leagle.com/decision/inadvfdo160219000191> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

²⁵ Bioethics and Public Health Law / Mary Anne Bobinski [et al.]. Wolters Kluwer Law & Business, 2018.



том на финансирование соответствующих исследований из государственного бюджета²⁶.

4. Подходы к правовому регулированию вопросов биобанкинга в России

Российское законодательство сегодня довольно лаконично в регулировании вопросов функционирования биобанков. Специального федерального закона об этом в России не принято. Согласно же ст. 37 Федерального закона «О биомедицинских клеточных продуктах»²⁷ (далее — Закон) требования к организации и деятельности биобанков, а также правила хранения биологического материала устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти.

Во исполнение данной нормы приказом Министерства здравоохранения РФ от 20 октября 2017 г. № 842н утверждены требования к организации и деятельности биобанков и правила хранения биологического материала, клеток для приготовления клеточных линий, клеточных линий, предназначенных для производства биомедицинских клеточных продуктов, биомедицинских клеточных продуктов²⁸ (далее — Требования).

Таким образом, в приказе биобанки понимаются как объекты — коллекции, хранилища; свойства субъекта присвоены разработчикам биомедицинских клеточных продуктов, производителям, организациям, осуществляющим организацию проведения и проведение клинического исследования биомедицинского клеточного продукта, реализацию, применение, хранение биомедицинских клеточных продуктов.

По мнению автора, правовая логика приказа несколько ущербна и отличается от предписанной Законом. В Законе четко говорится об установлении требований к организации и деятельности биобанков, а деятельность предполагает субъектность. Вещь (коллекция, хранилище) не может осуществлять деятельность.

В силу своей логики и в отличие от европейского подхода приказ ограничивает требования сугубо техническими вопросами. Так, в п. 3. Требованиям говорится об условиях хранения биологических объектов и биомедицинских клеточных продуктов, позволяющих сохранять биологические свойства биологических объектов и биомедицинских клеточных продуктов и предотвращать их инфицирова-

²⁶ URL: <http://cbio.ru/page/46/id/4754> (дата обращения: 25 января 2020 г.).

²⁷ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах» // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. 1). Ст. 3849.

²⁸ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20 октября 2017 г. № 842н «Об утверждении требований к организации и деятельности биобанков и правил хранения биологического материала, клеток для приготовления клеточных линий, клеточных линий, предназначенных для производства биомедицинских клеточных продуктов, биомедицинских клеточных продуктов» // URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25 января 2020 г.).

ние и загрязнение посредством создания в помещениях (зонах) для хранения биологических объектов и биомедицинских клеточных продуктов температурно-влажностного режима; гигиенического режима; светового режима.

Согласно п. 4. Требований руководитель субъекта обращения биомедицинского клеточного продукта обязан обеспечить утверждение документов, в которых регламентируются в том числе порядок совершения работниками действий при осуществлении хранения биологических объектов и биомедицинских клеточных продуктов в биобанках, порядок обслуживания и поверки измерительных приборов и оборудования в биобанках, ведение записей, отчетов и их хранение, прием, транспортировку, размещение биологических объектов и биомедицинских клеточных продуктов в биобанках.

Согласно п. 5 Требований, система качества должна гарантировать следующее:

- 1) перемещение биологических объектов и биомедицинских клеточных продуктов внутри биобанка обеспечивает их хранение;
- 2) определена ответственность работников субъекта за нарушение требований и стандартных операционных процедур;
- 3) документальное оформление действий по хранению биологических объектов и биомедицинских клеточных продуктов в биобанках и достигнутых результатов осуществляется в ходе выполнения или непосредственно после завершения соответствующих действий;
- 4) в отношении каждого нарушения требований проводится внутренняя проверка и разрабатываются корректирующие действия с целью устранения выявленных нарушений.

Очевидно, что в документе обойдены вниманием вопросы обеспечения конфиденциальности, добровольного информированного отзываемого согласия и прочие, касающиеся правовых, а не сугубо технических аспектов²⁹.

При этом в самом Законе заложены важнейшие требования к функционированию биобанков. Так, согласно ст. 3 Закона принципами осуществления деятельности в сфере обращения биомедицинских клеточных продуктов являются:

- добровольность и безвозмездность донорства биологического материала;
- соблюдение врачебной тайны и иной охраняемой законом тайны;
- недопустимость купли-продажи биологического материала;
- недопустимость создания эмбриона человека в целях производства биомедицинских клеточных продуктов;
- недопустимость использования для разработки, производства и применения биомедицинских клеточных продуктов биологического материала, полученного путем прерывания процесса развития эмбриона или плода человека или нарушения такого процесса;
- соблюдение требований биологической безопасности в целях защиты здоровья доноров биологического материала, работников, занятых на производстве

²⁹ См., например: Предложения по расширению функций российских биобанков с целью защиты геномной информации / С. Х. Сарманаев [и др.] // Lex russica. 2019. № 6 (151). С. 153—160.



биомедицинских клеточных продуктов, медицинских работников, пациентов и окружающей среды.

Еще одним законодательным актом, в котором заложены правовые требования к организации и деятельности биобанков, является Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», согласно которому для проведения эксперимента с участием пациентов необходимо наличие заключений этического комитета и экспертного совета уполномоченного федерального органа исполнительной власти³⁰.

5. Заключение

Почти два десятилетия развивается законодательство о биобанках. За эти годы сформировалось два основных подхода к регулированию: путем издания специальных законов и путем инкорпорации соответствующих норм в акты общего характера и издания подзаконных нормативных актов. Российское законодательство в сфере биобанкинга сейчас развивается по второму пути. К сожалению, отечественные акты пока далеки от совершенства. Принятые в странах Северной Европы законодательные акты также не могут быть взяты за эталон, но их опыт, равно как и рекомендации международных организаций, могут быть весьма полезными для развития российского законодательства. Важно даже не то, на каком уровне осуществляется регулирование. Гораздо важнее изменить подход — от сугубо технического к правовому, наделить биобанки субъектностью, которая подразумевает и лицензирование, и контроль, и ответственность, обеспечить последовательную реализацию правовых принципов, заложенных в российском законодательстве, в целом отвечающих современным международным стандартам, на всех уровнях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Калиниченко П. А., Косилкин С. В.* Геномные исследования: стандарты Совета Европы и правовое регулирование в России // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 4. — С. 108—118.
2. *Мохов А. А.* Биобанкинг — новое направление экономической деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 4. — С. 33—40.
3. Предложения по расширению функций российских биобанков с целью защиты геномной информации / С. Х. Сарманаев [и др.] // Lex russica. — 2019. — № 6 (151). — С. 153—160.
4. *Резник О. Н., Кузьмин Д. О., Скворцов А. Е., Резник А. О.* Биобанки — неоценимый ресурс трансплантации: история, современное состояние, перспективы // Вестник трансплантологии и искусственных органов. — 2016. — № 4. — С. 123—132.

³⁰ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

5. *Тищенко П. Р.* Геном Исландии сдан в аренду // URL: www.ng.ru/nauka/2002-10-09/12_bygene.html (дата обращения: 25 января 2020 г.).
6. *Bioethics and Public Health Law* / Mary Anne Bobinski [et al.]. — Wolters Kluwer Law & Business, 2018.
7. *Chen H., Chan B., Joly Y.* Privacy and Biobanking in China: A Case of Policy in Transition // *The Journal of Law Medicine & Ethics.* — 2015. — № 43(4). — P. 726—742.
8. *Rial-Sebbag E., Pigeon A.* Regulation of Biobanks in France // *Journal of Law, Medicine and Ethics.* — 2015. — № 43 (4). — P. 754—765.





**Максим Валерьевич
ВОРОНИН,**

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
maksim.v.voronin@mail.ru
 119991, Россия,
 г. Москва, Ленинские Горы,
 д. 1, стр. 13

ОБЯЗАННОСТЬ ПУБЛИЧНЫХ ИНСТИТУТОВ ПО ГЕНЕТИЧЕСКОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ: ПРАКТИКА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ¹

Аннотация. Статья посвящена проблеме генетического просвещения как особого, узконаправленного просвещения. Цель статьи: сформировать представление о потребностях просвещения в области генетической информации, с точки зрения сравнительного правоведения взглянуть на возможные варианты регулирования указанной деятельности в разных правовых системах. В работе дается анализ моделей правового просвещения на основе опыта США, Франции и России; исследуются сущностные потребности и содержательные составляющие генетического просвещения; рассматриваются актуальные и свежие примеры просвещения, связанные с правовым регулированием генома, приводится обоснование необходимости создания веб-портала «Генетика и право». Обоснование необходимости и обязательности генетического просвещения ведется на основе концепции обязательственного государства.

Ключевые слова: генетика, геномные исследования, генетическое просвещение, информация, право, публичные институты, сравнительное правоведение.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.088-096

M. V. VORONIN,

Candidate of Legal Sciences,
 Associate Professor of the Department of Theory of State and Law and Politology
 Lomonosov Moscow State University,
maksim.v.voronin@mail.ru
 119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1-13

THE RESPONSIBILITY OF PUBLIC INSTITUTIONS IN GENETICS EDUCATION: INTERNATIONAL EXPERIENCE

Abstract. The article is devoted to the issue of genetics education considered as a narrowly focused education. The goals of the article are: (a) to build an understanding of the necessity of education in the field of genetics; and (b) to examine laws and regulations related to genetics research in different legal systems from the perspective of comparative law. The article presents the analysis of genetics education models based on the cases of the USA, France and Russia. It is also focused on requirements for and essential components of genetics education; modern examples of genetics education and genetics legislation. The article explains the necessity for the development

of a web-portal titled 'Genetics and Law'. The discussion of the necessity for genetics education is based on the concept of liability law.

Keywords: *genetics, genetics research, genetics education, information, law, public institutions, comparative law.*

Постановка проблемы. Теоретическим обоснованием рассмотрения проблемы генетического просвещения молодежи является усложнение общественной жизни, общественных отношений, порождающих необходимость объяснения этих процессов обществу. Составляющими юриспруденции выступают правовое образование и воспитание, которые, как известно, реализуются в рамках как профессионального образования, так и образования в целом практически на любом уровне образовательной системы.

В педагогической науке имеется немало работ, связанных с разграничением понятий «просвещение» и «образование», а также рассматривающих развитие образования в целом. Идея данной статьи заключается прежде всего в том, чтобы показать новую тенденцию в развитии образования — появление специальных достаточно самостоятельных срезов знаний, которые необходимы современному человеку в условиях мира, движимого четвертой технологической революцией.

Актуальные тенденции развития содержания образования на разных уровнях, совершенствование педагогических практик делают упор на обучение hard skills (практические и иные измеряемые знания, умения, навыки, компетенции) и soft skills («мягкие» навыки, иногда отождествляемые с личными качествами человека) во взаимодействии.

Потребности просвещения в условиях четвертой технологической революции сопряжены не просто с повышением грамотности в определенных предметных областях, а с необходимостью для субъектов просвещения владеть достаточно глубокими и сложными с содержательной точки зрения знаниями, но при этом овладевать ими легко и быстро. Важность такого просвещения проявляется не просто в необходимости поддержания знаний в актуальном состоянии, но и в формировании социальной среды — современного цифрового общества.

Как это связано: цифровизация, здоровье, биотехнологии и просвещение? Напрямую. В научной и научно-популярной литературе появляется немало публикаций, посвященных продвижению идей о том, что «стандарты здоровья в эпоху глобальной цифровизации меняются. Старость перестает быть чем-то фатальным, а молодость превращается во вполне реальный параметр, который можно вернуть, воссоздать, поддержать»².

Объявленный Президентом России курс на достижение в нашей стране средней продолжительности жизни к 2030 г. 80 лет³ требует не только общесоциальных, медицинских, правовых, но и важнейших просветительских составляющих.

² Клейменова Л. Вечный, молодой: когда наука победит старость // Журнал РБК. 2020. № 1—2. С. 57.

³ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Российская газета. 09.05.2018. № 97.



Теоретико-правовые обоснования потребности обязательственного начала генетического просвещения для публично-правовых институтов сопряжены прежде всего с доктриной обязательственного государства в целом. В связи с этим развитие «генетического просвещения» как части медицинского просвещения необходимо рассматривать с точки зрения того, что государство и публичные институты в данном случае являются стороной, имеющей соответствующие обязанности. Данные обязанности заложены в самом понимании и сущности правового, демократического государства, выраженном в предоставлении информации ее гражданам, которая необходима им в той или иной мере.

Зачастую граждане занимаются «самолечением» простых заболеваний и вообще не подозревают о генетической природе многих состояний своего организма и возможностях их коррекции. При этом, как отмечают ученые-генетики и медики, сегодня диагностируются более 6 000 заболеваний моногенного/наследственного характера (гемофилия, муковисцидоз, синдром ломкой X-хромосомы и др.), в том числе есть явно заметные, а есть те, которые могут проявиться не сразу. Развитие медицины и введение обязательных скринингов на наличие генетических заболеваний (в России введен обязательный скрининг новорожденных на муковисцидоз) должно сопровождаться просвещением не только родителей, но и в целом общественности с информационной, в том числе общей политической, целью.

Концепцию существования обязательственного государства как системы рассматривал Николай Николаевич Алексеев. Он считал, что «ведущий слой государства проникся бы мыслью, что власть его не есть право, а и обязанность; и если в то же время управляемые не были бы простыми объектами власти, не были бы только носителями обязанностей... но и носителями правомочий. Притом правомочия эти они не считали бы “правами”... но как... соединенные со свободным усмотрением обязанности по участию в государственной власти»⁴.

Думается, что под «участием в государственной власти» Н. Н. Алексеев имел в виду, что каждый, кто считает своим правомочием получение того или иного, что связано с его правами (в конкретно рассматриваемом случае — с информацией, просвещением), имеет право требования этого от государства, так как «ведущий слой», имеющий власть, связан не столько правами, сколько обязанностями⁵. Отсюда вытекает вывод, что потребности, связанные с получением просвещения в условиях четвертой технологической революции, являются неотъемлемым *правом человека вне зависимости от принадлежности к конкретному государству*, так как условия «право — обязанность» и «обязанность — право», в которых обязанность возлагается на государство в связи с наличием корреспондирующего права, — это формулировка для общей мировой концепции.

Эти теоретические размышления неоднозначны и связаны с разным экономическим состоянием обеспеченности вопросов, не сопряженных с самим просвещением. Касаясь генетического просвещения, лечения геномных заболеваний, волей-неволей погружаешься в методики лечения, которые требуют определенной экономической основы. Важно учитывать, что само просвещение в таких узконаправленных вопросах имеет целью не только рассказать о генетических

⁴ Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 159.

⁵ См.: Алексеев Н. Н. Указ. соч.

заболеваниях, но и сделать возможным знание об иных состояниях человека, его особенностях и потребностях, определяемых именно генетическими факторами.

Просвещение, как известно, может осуществляться в самых различных областях. Мировая практика в этих областях за последние 10 лет претерпела сильные изменения, одним из главных среди них является появление узкопрофильного содержательного просвещения. Подобное не было бы возможным без специальных условий, которые ныне проявляются благодаря четвертой технологической революции. Совокупность условий позволяет проявляться новым тенденциям и областям просвещения.

С теоретической точки зрения выделим сущностные потребности генетического просвещения:

- превентивная, предполагающая охрану здоровья, содействующая развитию и реализации Программы предиктивной медицины в Российской Федерации;
- потребности в информатизации с целью сохранения здоровья, а также использования биологической, в том числе и генетической, информации для юрисдикционных целей;
- научные цели, связанные с необходимостью исследования генетических заболеваний и иных состояний человека, имеющих генетическую природу.

Формы и содержание генетического просвещения. Указанные сущностные причины генетического просвещения должны выражаться в практических формах такового. Наиболее распространенными формами фиксации политики генетического просвещения являются:

- 1) публичные доклады и официальные заявления, к примеру в США (в рамках доклада Б. Обамы была анонсирована концепция Precision Medicine Initiative, USA);
- 2) нормативные акты и политико-правовые концепции, например Концепция превентивной и персонализированной медицины в Российской Федерации.

В свете последнего особенно интересен опыт Франции, где 02.12.2011 была принята Политика в области образования, здравоохранения в образовательных центрах⁶, в которой обозначен механизм обеспечения публичных институтов по медицинскому, санитарному просвещению, названы основные приоритеты: «1) политика в области здравоохранения в образовании должна быть интегрирована в академические проекты школ и учреждений. В области санитарного просвещения и профилактики, как и в других областях, необходимо мобилизовать участников на всех уровнях ответственности: национальном, академическом и местном; 2) политика в области здравоохранения в сфере образования должна отвечать национальной политике в области здравоохранения и охватывать все детерминанты здоровья и основные медицинские потребности студентов (диета, физическая активность, сексуальное просвещение и другое); 3) образовательная политика должна основываться на точечном управлении всеми сторонами образовательного процесса... При этом на национальном уровне важно задействовать вспомогательные документы и цифровые ресурсы... а также соглашения с международными организациями; на академическом уровне полити-

⁶ Politique éducative de santé dans les territoires académiques // URL: https://www.education.gouv.fr/pid25535/bulletin_officiel.html (дата обращения: 10.02.2020).



ка в области здравоохранения... является неотъемлемой частью академической политики, проводимой ректором»⁷.

Такая политика является общим рамочным документом в сфере просвещения в области охраны здоровья, фактически это проявление межотраслевого регулирования, содержащего программные компоненты. Четкого обозначения генетического просвещения в данном документе нет, но в нем заложены определенные рамочные начала медицинского просвещения в целом.

Интересна практика в области геномных исследований и просвещения, которая сложилась в Соединенных Штатах Америки. В январе 2015 г. Барак Обама объявил о начале реализации инициативы «точная медицина» (Precision Medicine Initiative), в рамках которой был запущен проект «Все мы» (All of Us). Цель данного лонгитюдного исследования — найти более эффективные методы лечения и предотвращения различных заболеваний.

По мнению Национального института здоровья США (Collins&Varmus, 2015), сбор генетических данных и показателей здоровья людей будет содействовать: «разработке методики количественной оценки риска для ряда заболеваний путем сопоставления воздействия генетических факторов и окружающей среды на человека; определению причин различной реакции людей на одни и те же методы лечения; исследованию биологических маркеров, указывающих на повышенный или пониженный риск развития заболеваний; уменьшению неравенства в сфере здравоохранения; созданию платформы для проведения исследований в области таргетной терапии»⁸. В описываемом случае информационный контент, а также рекрутинг добровольцев для реализации программы осуществлялся через средства массовой информации и не имел четкого зафиксированного алгоритма узконаправленного просвещения.

Думается, что для России вполне можно было бы пойти по пути создания правового акта, регламентирующего общие начала правового просвещения и правового воспитания в целом, при этом важно создать возможность быстрого реагирования на актуальные вызовы времени.

В эпоху «цифрового общества» эффективно срабатывают механизмы просвещения средствами экранной культуры. Достаточно привести такие компоненты мультимедийного контента, как фильмы «Коронавирус. Все, что нужно знать»⁹, «ВИЧ в России — эпидемия, про которую не говорят»¹⁰. Этот мультимедийный контент является примером узконаправленного просвещения, в нем отчасти представлены составляющие в том числе правового знания, но, с нашей точки зрения, основы такого просвещения должны быть концептуально оформлены и систематизированы.

⁷ Politique éducative de santé dans les territoires académiques // URL: https://www.education.gouv.fr/pid25535/bulletin_officiel.html (дата обращения: 10.02.2020).

⁸ Collins F. S., Varmus H. A new initiative on precision medicine // *New England journal of medicine*. 2015. 372 (9). P. 793—795.

⁹ URL: <https://www.1tv.ru/doc/pro-zdorove/koronavirus-vse-chto-nuzhno-znat-dokumentalnyy-film> (дата обращения: 15.02.2020).

¹⁰ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GTRAEpIIgZo> (дата обращения: 15.02.2020).

На данный момент в России нет единой федеральной концепции правового просвещения, принятой на государственном уровне. Однако необходимо отметить, что на региональном уровне неоднократно предпринимались попытки такого обобщения. Например, в Республике Татарстан, где разработан проект Концепции правового просвещения, который находится на утверждении (п. 2.3 Плана правового просвещения граждан в Республике Татарстан в части изучения основных положений Конституции Республики Татарстан, утвержденного решением Организационного комитета по подготовке и проведению празднования 100-летия образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики от 11.08.2017 № 01-7820). В некоторых субъектах Российской Федерации приняты и введены в действие региональные концепции правового просвещения¹¹.

Отметим, что на уровне системы образования помимо федеральных стандартов принят ряд концептуальных актов, среди которых можно выделить Стратегию развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года¹², Концепцию развития дополнительного образования детей¹³; а также Национальные проекты, которые на современном этапе призваны развить систему образования, обеспечить реализацию повышения качества и вхождения в десятку лучших мировых систем образования. Но все-таки эти акты не охватывают всех акторов (действующих лиц) правового просвещения и четко не предусматривают особенности его реализации в узконаправленных областях.

Что касается Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины в России, то «ее целью является обеспечение доступности персонализированной медицинской помощи с целью досимптоматического прогнозирования развития заболеваний и их профилактики, повышения эффективности традиционных методов лечения путем персонализации их применения, а также применения в практическом здравоохранении индивидуально производимых персонализированных продуктов (препаратов) для лечения»¹⁴.

¹¹ См.: Концепция правового просвещения граждан, проживающих в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре // URL: <https://upch.admhmao.ru/pravovoe-prosveshchenie-grazhdan-/1187716/proekt-kontseptsii-razvitiya-pravovogo-prosveshcheniya-grazhdan-v-yugre> (дата обращения: 14.02.2020); Концепция правового просвещения граждан // Общероссийская общественная организация Ассоциация юристов России: Самарское региональное отделение. URL: <https://alrf63.ru/component/content/article?id=99&Itemid=437> (дата обращения: 14.02.2020).

¹² Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р // URL: <http://www.rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 11.01.2020).

¹³ Концепция развития дополнительного образования детей, утв. распоряжением Правительства РФ от 04.09.2014 № 1726-р // URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 11.01.2020).

¹⁴ Приказ Министерства здравоохранения РФ «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины» от 24.04.2018 № 186 // URL: <http://por2030.ru/dokumenty/prikaz-ministerstva-zdravoohraneniya-rf-ot-24-aprelya-2018-g-n-186-ob-utverzhdenii-kontseptsii-prediktivnoj-preventivnoj-i-personalizirovannoj-meditsiny/> (дата обращения: 10.02.2020).



В рамках вопросов, приближенных к генетическому просвещению, Концепция указывает на важность знания о факторах окружающей среды, способствующих реализации генетически обусловленной предрасположенности, так как это является критичным для практической реализации принципов персонализированной профилактической медицины, позволяя сформировать индивидуализированный план профилактических мероприятий, направленный на минимизацию рисков наступления заболевания.

Реализация и проведение генетического просвещения позволят достичь результатов, закрепленных в Концепции, а именно: «снижения заболеваемости по нозологиям, обусловленным наследственными факторами, в том числе полигенными, улучшения качества медицинской помощи при лечении неинфекционных заболеваний, а также снижения затрат на оказание медицинской помощи за счет оптимального выбора схем лечения и применяемых лекарственных препаратов».

В настоящее время в мировой практике существуют две основные модели защиты генетической информации: защита генетической информации как врачебной тайны и защита генетической информации как персональных данных.

Согласно ст. 13 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁵, понятие «врачебная тайна» составляют сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении.

В статье 3 Федерального закона «О персональных данных»¹⁶ под персональными данными понимается «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)».

Исходя из анализа вышеуказанных понятий, а также действующего законодательства, можно сделать вывод, что понятие «персональные данные» шире, чем понятие «врачебная тайна», так как последнее — узконаправленное. Врачебная тайна предполагает, что субъект, получающий помощь (именуемый «пациент»), имеет право на получение информации о состоянии своего здоровья (немаловажно, что подобная информация должна быть предоставлена в понятной и доступной форме), о наличии заболеваний, о результатах анализов, о методах оказания медицинской помощи, о возможном медицинском вмешательстве и его последствиях, а персональные данные связаны практически со всеми сферами общественной жизни, в которой взаимодействует субъект персональных данных. Ответственность же как за разглашение врачебной тайны, так и за передачу информации, имеющей сведения о персональных данных, может быть аналогична: уголовная ответственность, охраняющая тайну частной жизни; административная ответственность, самая строгая мера которой — это дисквалификация, предполагающая запрет на занятие определенных должностей; гражданско-правовая ответственность, связанная с защитой нематери-

¹⁵ Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Российская газета. 23.11.2011. № 263.

¹⁶ Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Российская газета. 29.07.2006. № 165.

альных благ; и, конечно же, дисциплинарная ответственность, наступающая за разглашение врачебной тайны.

Таким образом, в Российской Федерации предусмотрены различные способы защиты генетической информации в зависимости от того, к какому типу будут относиться нематериальные блага — врачебная тайна или персональные данные. Однако и в том, и в другом случае конечная цель — обеспечение конфиденциальности частной жизни.

Указанные аспекты правовой защиты генетической информации крайне важны для содержания генетического просвещения. В зависимости от выбранного механизма защиты указанной информации может меняться содержание материальных и процессуальных норм, что сказывается на акцентах работы публичных институтов в области генетического просвещения (система, органы, подходы и прочее).

Заключение. В эпоху больших данных генетическая информация о конкретном человеке рискует стать общедоступной, а это делает вопрос регулирования и защиты генетических данных еще более острым и актуальным¹⁷. «В науке неоднократно обращалось внимание на особенность генетической информации, заключающуюся в том, что сведения о геноме одного человека в обязательном порядке содержат информацию о геномах членов его семьи»¹⁸.

Наличие генетических отклонений и заболеваний, информация о которых попадает в чужие руки, может привести к дискриминации не только конкретного человека, но и его детей и родителей в разных сферах их жизни. В связи с этим обостряется вопрос разработки концепции и правовой защиты генетического паспорта человека¹⁹. Высокая социальная значимость разъяснения содержания описываемой информации и самого междисциплинарного явления — «генетический паспорт» создает необходимость разработки специального информационного ресурса.

Важно понимать, что в условиях цифровизации как фактора трансформации культуры в целом, а также иных факторов, связанных с получением информации удаленно (большое расстояние от образовательных центров, разница в часовых поясах, построение индивидуального карьерного/образовательного маршрута,

¹⁷ См.: *Захарова М. В., Воронин М. В.* Юридическая наука в вызовах внешней среды: от национального прошлого к столкновению с парадигмами глобализации // *Вестник Пермского университета. Юридические науки.* 2019. Вып. 43. С. 19—45 ; *Zakharova M. V., Voronin M. V.* Measure of Freedom in the Context of Legal Regulation of Genomic Research: Foreign Experience // *Revista Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores.* Year VI. Special Edition. December 2018 ; URL: https://dilemascontemporaneoseducacionpoliticaayvalores.com/_files/200004128c6b43c7b2e/EE%2018.12.16%20Medida%20de%20libertad%20en%20el%20contexto%20de%20la%20regulaci%C3%B3n%20legal%20de.....pdf (дата обращения: 10.02.2020).

¹⁸ *Богданова Е. Е.* Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // *Lex russica.* 2019. № 6. С. 20.

¹⁹ Указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» П. 13, пп. 8 // *СЗ РФ.* 2019. № 11. Ст. 1106.



карантин и проч.), необходимо доносить официальное мнение экспертов и осуществлять иные формы просветительской работы посредством цифровых информационных технологий.

Цель и предназначение постоянного единого, консолидированного ресурса в области генетического просвещения — осуществление информационной, разъяснительной, пропагандистской, превентивной функций через обучение и информирование о правовых и медицинских вопросах геномных исследований, генетической трансформации человека, «генетических паспортов» человека.

Такой ресурс необходим для организации масштабирования просвещения. Удобство постоянного веб-ресурса позволит: консолидировать ведущих экспертов; систематизировать и накапливать информацию конкретно по данной проблеме и иметь возможность ее доработать, скорректировать, дополнить; получать обратную связь в рамках предметной области. Важно, что такой ресурс откроет возможность быстро, а в случае необходимости — адресно информировать определенные группы людей (например, отдельных лиц, имеющих генетическую патологию).

Ресурс с точки зрения социальной площадки позволит более тесно интегрировать научное и образовательное сообщество на основе междисциплинарного подхода — экспертов по этой проблеме, медицинские организации, врачей, генетиков, заинтересованных лиц, людей, страдающих генетическими заболеваниями, и их близких, спонсоров, желающих помочь больным людям. Также он будет полезен всем для первичного информирования о вопросах права и генетики, генетической терапии, геномных исследованиях и смежных знаниях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. — М. : Аграф, 1998. — 640 с.
2. *Богданова Е. Е.* Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация // *Lex russica*. — 2019. — № 6. — С. 18—29.
3. *Захарова М. В., Воронин М. В.* Юридическая наука в вызовах внешней среды: от национального прошлого к столкновению с парадигмами глобализации // *Вестник Пермского университета*. — Юридические науки. — 2019. — Вып. 43. — С. 19—45.
4. *Клейменова Л.* Вечный, молодой: когда наука победит старость // *Журнал РБК*. — 2020. — № 1—2. — С. 54—57.
5. *Collins F. S., Varmus H.* A new initiative on precision medicine // *New England journal of medicine*. — 2015. — 372 (9). — P. 793—795.
6. Politique éducative de santé dans les territoires académiques // URL: https://www.education.gouv.fr/pid25535/bulletin_officiel.html (дата обращения: 10.02.2020).
7. *Zakharova M. V., Voronin M. V.* Measure of Freedom in the Context of Legal Regulation of Genomic Research: Foreign Experience // *Revista Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores*. — Year VI. Special Edition. — December 2018.

БИОЭТИКА И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ОБЛАСТИ ЭМБРИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ основных судебных решений Соединенных Штатов Америки, в которых отражена биоэтическая проблематика, связанная с такой специфической областью медицинского знания, как эмбриология. Установлено, что решениями американских судов сформулирован ряд подходов к определению прав и обязанностей супругов в связи с распоряжением человеческими эмбрионами. Авторами сделан вывод о том, что в отсутствие прямого законодательного регулирования судебная практика для каждого конкретного случая обозначает критерии реализации репродуктивных прав.

Ключевые слова: эмбриология, эмбрион, судебные решения, биоэтика, криоконсервация, правовое регулирование, репродуктивные права, право на передачу эмбрионов на научные исследования.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.097-107

D. V. PONOMAREVA,

deputy head of the chair of practical jurisprudence
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D.

ponomard@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

E. M. SOROKINA,

advocate of the advocate bureau «Reznik, Gagarin and Partners», Ph.D.

Sorokina-liza@yandex.ru

123100, Russia, Moscow, Smitovskiy pr., 3

BIOETHICS AND JUDICIAL PRACTICE OF THE UNITED STATES OF AMERICA IN THE FIELD OF EMBRYOLOGICAL RESEARCH

Abstract. This article presents an analysis of the main judicial decisions of the United States of America, which reflects bioethical issues related to such a specific area of medical knowledge as embryology. It was established that the decisions of the American courts formulated a number of approaches to determining the rights and obligations of spouses in connection with the disposal of human embryos. The authors concluded that in the absence of



**Дарья Владимировна
ПОНОМАРЕВА,**

заместитель заведующего
кафедрой практической
юриспруденции
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
ponomard@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9



**Елизавета Михайловна
СОРОКИНА,**

адвокат адвокатского
бюро «Резник, Гагарин
и партнеры», кандидат
юридических наук
Sorokina-liza@yandex.ru
123100, Россия, г. Москва,
Шмитовский пр., д. 3

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-29-14078 мк.

direct legislative regulation, judicial practice for each specific case will outline the criteria for the implementation of reproductive rights.

Keywords: *embryology, embryo, court decisions, bioethics, cryopreservation, legal regulation, reproductive rights, the right to transfer embryos for scientific research.*

1. Вводные замечания

На протяжении нескольких десятилетий биоэтика, междисциплинарная сфера научных знаний, развивалась на стыке права и философии. Биоэтика и право тесно переплелись с течением времени, взаимно влияя друг на друга. В одном случае биоэтическая проблематика рождает дебаты по правовым вопросам, как в случае с созданием и функционированием Консультативного комитета по рекомбинантной ДНК при Национальном институте здравоохранения США, который заложил основы правового регулирования генной терапии пациента².

В других случаях право порождает споры в рамках биоэтики. Так, благодаря делу «Roe v. Wade»³ было обращено внимание на проблему легализации искусственного прерывания беременности. Однако чаще всего обсуждение проблем на стыке биоэтики и права порождают научные разработки, как это было в случае появления на свет овечки Долли — первого клонированного млекопитающего, что побудило Президента США Билла Клинтона попросить Национальную консультативную комиссию по биоэтике представить специальный доклад о клонировании.

Биоэтический компонент встречается в судебных решениях, тесно связанных с такой областью медицинского знания, как эмбриология. В настоящей статье представлен анализ основных судебных решений Соединенных Штатов Америки, в которых отражена биоэтическая проблематика в области эмбриологических исследований.

2. Обзор законодательства Соединенных Штатов Америки в области эмбриологии

Нормы, регулирующие вопросы, связанные с эмбриологическими исследованиями, закреплены в американском законодательстве и выведены из судебной практики⁴. Так, двенадцать штатов имеют соответствующие законы о донорстве эмбрионов, а в семи штатах вопрос о реализации прав на распоряжение эмбрионами вставал в рамках судебных разбирательств⁵.

² Garrett J. R., Jotterand F., Ralston D. C. The Development of Bioethics in the United States. Springer Science & Business Media, 2012. P. 15.

³ Roe v. Wade, 410 U.S. 113 (1973). No. 70—18.

⁴ Brewer S. Precedents, Statutes, and Analysis of Legal Concepts: Interpretation. Routledge, 2013. P. 28.

⁵ Положения о донорстве эмбрионов закреплено в законодательстве следующих штатов: Дэлавер, Флорида, Луизиана, Нью-Гэмпшир, Северная Дакота, Огайо, Оклахома,

Указанные штаты приняли не просто законы, а специальные кодифицированные акты, которые могут служить моделями для других штатов, не разработавших соответствующие документы. Из двенадцати кодифицированных актов шесть имеют практически идентичные положения. В том числе в них отражен термин «вспомогательная репродукция», под которой понимается «метод оплодотворения, отличный от полового акта. Это метод включает в себя... донорство яйцеклеток и донорство эмбрионов»⁶.

Что касается родительского статуса доноров, то в законодательстве ряда штатов определено, что донор юридически не является родителем ребенка, зачатого с помощью методов вспомогательной репродукции⁷. Таким образом, любой донор яйцеклетки или эмбриона ограничен в реализации родительских прав в отношении ребенка, зачатого с помощью методов вспомогательной репродукции. В то же время в таких случаях донор не несет обязательств по содержанию ребенка и участию в его воспитании.

Упомянутые шесть штатов также смогли создать соответствующее правовое регулирование установления отцовства в отношении детей, рожденных в результате вспомогательной репродукции. Например, в штате Вашингтон действует следующая норма: «Если супруг является донором спермы или дает согласие на применение методов вспомогательной репродукции в отношении супруги, он будет считаться отцом родившегося ребенка»⁸.

Обращаем внимание, что в кодифицированных актах Вашингтона, Техаса и Юты используются термины «супруг» и «супруга» ввиду традиционно консервативного отношения к институту семьи в указанных штатах. Делавэр, Северная Дакота и Вайоминг предусматривают возможность установления отцовства в обозначенном контексте вне брака, установив что «мужчина, предоставляющий сперму для вспомогательной репродукции или дающий согласие на использование методов вспомогательной репродукции в отношении женщины и имеющий намерение стать родителем будущего ребенка, будет считаться отцом этого ребенка»⁹. В обозначенных случаях лицо будет юридически считаться отцом ребенка со всеми вытекающими родительскими правами и обязанностями.

Что же касается правил установления материнства, то в шести штатах действует следующее правило: «Отношение “мать — ребенок” возникает между женщиной и ребенком, которого эта женщина родила». Таким образом, во всех случаях, кроме суррогатного материнства, женщина, которая произвела на свет ребенка, является его матерью. Соответственно, она может реализовывать весь круг родительских прав и выполнять обязанности в отношении своего ребенка.

Техас, Юта, Виргиния, Вашингтон, Вайоминг. Шесть штатов имеют практически почти идентичное регулирование донорства эмбрионов (Дэлавер, Северная Дакота, Техас, Юта, Вашингтон, Вайоминг).

⁶ Utah Code Ann. § 78B-15-102 (West 2008).

⁷ Delaware Code Ann. tit. 13, § 8-702 (Supp. 2006).

⁸ Washington Rev. Code Ann. § 26.26.710 (West 2005).

⁹ Delaware Code Ann. tit. 13, § 8-703 (Supp. 2006) ; North Dakota Cent. Code § 14-20-61 (Supp. 2007) ; Wyoming Stat. Ann. § 14-2-903 (2007) ; Texas Fam. Code. Ann. § 160.7031 (Vernon Supp. 2008).



Остальные шесть штатов, которые с помощью законодательства регулируют различные аспекты донорства эмбрионов, установили, что донорство эмбрионов является законным методом вспомогательной репродукции. В их нормативных актах предусмотрено, что доноры не являются родителями полученных детей и не реализуют в отношении них родительских прав и обязанностей. Кроме того, в данных штатах нормативно закреплено, что выразивший согласие на использование методов вспомогательной репродукции супруг и его супруга, вынашивающая ребенка, реализуют весь спектр родительских прав и обязанностей в отношении ребенка, зачатого с помощью методов вспомогательной репродукции.

Из обозначенных шести штатов именно в Луизиане на законодательном уровне обеспечена защита прав эмбриона, сформулирован его юридический статус. Закон Луизианы предоставляет эмбриону (как физическому лицу) определенные права: эмбрион может быть использован только для «полного развития человека»; он не может быть продан; он имеет право на идентификацию; он может рассматриваться в качестве участника судебного процесса; если предполагаемые родители не идентифицированы, врач-физиолог, осуществляющий процедуру по искусственному оплодотворению, будет считаться его временным опекуном; если эмбрион жизнеспособен, он не может быть преднамеренно уничтожен; в отношении эмбриона не реализуется правомочие владения, к нему необходимо относиться с должным уровнем заботы. Для эмбриона это более чем достаточные гарантии защиты¹⁰.

В целом необходимо отметить, что в контексте донорства эмбрионов во всех упомянутых нормативных актах, действующих на уровне отдельных штатов, определены права и обязанности доноров, супругов и родителей.

3. Ключевые судебные решения США в области эмбриологических исследований

Ряд судебных органов отдельных штатов рассмотрели в рамках разбирательств вопросы, связанные с реализацией репродуктивных прав и донорством эмбрионов. Приведенные ниже судебные решения отражают политику штатов в указанной области, проводимую как при наличии существующего законодательного регулирования, так и в его отсутствие.

3.1. Дело «Del Zio v. Presbyterian Hospital»¹¹

Американский суд в решении по делу «Del Zio v. Presbyterian Hospital» представил свои соображения, касающиеся человеческих эмбрионов. Фабула дела состояла в следующем. Супруги Дель Зио желали иметь совместного ребенка. Вследствие проблем со здоровьем супруга не смогла забеременеть естественным образом, и ей пришлось пережить три операции. Но оперативное вмешательство не смогло решить проблему семьи Дель Зио. Доктор Суинни, врач-физиолог, порекомендо-

¹⁰ Louisiana Rev. Stat. Ann. § 9:124 (2008).

¹¹ Del Zio v. Presbyterian Hospital, No. 74 Civ. 3588, 1978 U. S. Dist. LEXIS 14450 (S.D.N. Y. Nov.9, 1978).

вал супругам инновационную для 70-х гг. XX в. процедуру — экстракорпоральное оплодотворение. После получения согласия супругов и ряда подготовительных процедур искусственное оплодотворение было произведено доктором Суинни и доктором Шеттлес, представлявшим клинику, где наблюдалась семья Дель Зио. Сперматозоиды и яйцеклетку поместили в специальный инкубатор, где они продолжали храниться на протяжении четырех дней.

Спустя сутки после помещения биокультуры в инкубатор сотрудник клиники доктор Ванде Виеле обнаружил генетический материал и, осознав цель, для которой он был собран, посчитал своим этическим долгом уничтожить биокультуру. После консультаций с коллегами ему удалось отменить процедуру и уничтожить генетический материал. Доктор Виеле сообщил об этом докторам Суинни и Шеттлес. Доктору Суинни ничего не оставалось, как сообщить супругам Дель Зио, что клиника уничтожила их генетический материал и что экстракорпоральное оплодотворение, — безусловно, единственный шанс для супругов родить ребенка. Было засвидетельствовано, что в результате действий сотрудников клиники и окончательной потери возможности забеременеть семейство Дель Зио перенесло глубокое эмоциональное потрясение. Супруги обратились с иском в суд о взыскании ущерба вследствие умышленного причинения эмоционального расстройства и неправомерного обращения в отношении клиники и доктора Виеле. Судьи установили причинение эмоционального расстройства супругам, но в части неправомерного обращения иск удовлетворен не был.

Судебная коллегия рассмотрела в пользу Дель Зио исковые требования о взыскании ущерба за умышленное причинение эмоционального расстройства, поскольку посчитала, что созданный в результате процедуры эмбрион — единственный шанс для супругов родить ребенка. Взгляд на эмбрион как на возможность человеческой жизни соотносится с позицией суда в поддержку ответчиков в части отказа в удовлетворении требований в связи с неправомерным обращением, требований, в рамках которых необходимо доказать, что «лицо, не обладающее соответствующими полномочиями, целенаправленно осуществляет контроль за имуществом других лиц и таким образом вмешивается в осуществление ими правомочий собственника». Как представляется, суд рассмотрел эмбрион как человека или возможность человеческой жизни, а не как имущество. Именно поэтому имущественное требование семейства Дель Зио в связи с неправомерным обращением было отклонено.

3.2. Дело «Kass v. Kass»¹²

Двадцать лет спустя Апелляционный суд Нью-Йорка в рамках дела «Kass v. Kass» определил, что эмбрион не может рассматриваться в качестве человека (person) в конституционно-правовом значении этого слова и что распоряжение эмбрионами определяется договорными отношениями сторон. Супруги Касс, выступавшие сторонами по делу, поженились в 1988 г. и практически сразу приняли решение о рождении ребенка. После неудачных попыток зачать ребенка естественным способом супруги приняли решение о проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения.

¹² Kass v. Kass, 696 N.E. 2d 174 (N. Y. 1998).



Поскольку неоднократное проведение ЭКО-процедур не привело к желаемому результату, супруги согласились пройти ее в последний раз, при этом подвергнув часть дополнительных эмбрионов криоконсервации. До проведения процедуры супруги подписали информированное согласие, определяющее порядок распоряжения криоконсервированными эмбрионами. Формами информированного согласия предусматривалось, что яйцеклетки будут оплодотворены и впоследствии подвергнуты криозаморозке. В случае развода право собственности на оплодотворенные эмбрионы будет урегулировано соглашением о разделе имущества. Если же супруги откажутся от намерений родить ребенка или не примут решения о распоряжении эмбрионами, эмбрионы будут пожертвованы на проведение научных исследований. После того, как финальная ЭКО-процедура также оказалась неудачной, пара инициировала расторжение брака.

Супруга составила неоспоримое соглашение о разводе, которое включало положение о том, что жена и муж не будут предъявлять взаимные требования в отношении права распоряжения эмбрионами. Через некоторое время супруга, вопреки соглашению, заявила требование о передаче ей права на распоряжение эмбрионами для возможной последующей их имплантации и рождения ребенка. Супруг с требованиями заявительницы не согласился и подал встречный иск о передаче криоконсервированных эмбрионов на научные исследования.

Говоря о выводах суда, необходимо отметить, что суд сформулировал главный вопрос следующим образом: кто обладает полномочиями в отношении криоконсервированных эмбрионов? Суд постановил, что «поскольку ответ на данный вопрос обозначен в соглашении сторон, для целей рассмотрения апелляционной жалобы у нас нет оснований утверждать, что человеческие эмбрионы требуют особого подхода». Суд отметил, что соблюдение соглашения, как это предусмотрено информированным согласием, наиболее точно отражает намерения сторон. Формы информированного согласия, подписанные обоими супругами, определяют цели и порядок распоряжения эмбрионами. В том числе в формах указано, что неиспользованные эмбрионы в случае их невостребованности могут быть переданы на научно-исследовательские нужды.

Поскольку человеческая жизнь сама по себе не подлежит обмену и изъятию, суд отказался от взгляда на эмбрион как форму или возможность человеческой жизни (human life or potential for human life) и принял концепцию рассмотрения эмбриона как имущества (property). Судом не было предпринято попыток рассмотреть эмбрион как нечто, отличное от имущества и подлежащее особому регулированию и отношению (special respect).

3.3. Дело «York v. Jones»¹³

Знаковым делом, в котором биоэтика и эмбриология получили свое отражение, стало дело «York v. Jones», которое было рассмотрено окружным судом США по восточному округу Вирджинии. Супружеская пара Стивен Йорк и Риса Адлер-Йорк предоставили свои гаметы врачам, создавшим презембрион в рамках процедуры оплодотворения *in vitro* (ЭКО). Пара наблюдалась в Институте репродуктивной медицины Говарда и Джорджины Джонс, Вирджиния. Чета подала в суд на Ин-

¹³ York v. Jones, 717 F. Supp. 421 (E. D.Va.1989).

ститут, когда доктора отказались передать готовый преэмбрион супругам для проведения процедуры ЭКО в другой клинике. Окружной суд Вирджинии отклонил попытку Института прекратить дело по иску семейства и поддержал право Йорков на подачу иска. Решение по делу «York v. Jones» повлияло на будущие споры о криоконсервированных преэмбрионах, поскольку оно рассматривало криоконсервированный преэмбрион пары как законную собственность, в отношении которой супруги сохраняли право принимать решения.

Фактическая сторона дела такова. Супруги поженились в 1983 г. и попытались завести ребенка в следующем году. Риса не смогла забеременеть из-за проблем с маточными трубами, и в 1986 г. пара начала процесс подготовки к ЭКО в Институте Г. и Дж. Джонс в Вирджинии. Врачи использовали процедуру ЭКО, чтобы создать шесть преэмбрионов из генетического материала пары. При этом пять преэмбрионов были перенесены в матку Рисы в 1987 г., а оставшийся преэмбрион был перемещен в криоконсервацию для возможного последующего использования. Риса не забеременела, и пара переехала в Калифорнию во время курса лечения. В начале 1988 г., когда единственный преэмбрион оставался в криоконсервации в Институте Г. и Дж. Джонс, пара решила сделать еще одну попытку оплодотворения *in vitro* с помощью врачей из Института репродуктивных исследований в Лос-Анджелесе. Несмотря на просьбы как Йорков, так и их калифорнийских врачей, доктора из Института Г. и Дж. Джонс отказались перевезти криоконсервированный преэмбрион в новое медицинское учреждение, где наблюдалась пара.

Йорки подали прошение в Восточный окружной суд Вирджинии о временном судебном запрете и предварительном судебном запрете против Института Г. и Дж. Джонс, и в июне 1989 г. было проведено слушание. Судья мог вынести предварительный судебный запрет до или во время судебного разбирательства, чтобы предотвратить нанесение непоправимого вреда запрашивающей стороне в процессе рассмотрения дела. Окружной суд отклонил ходатайство Йорков о предварительном судебном запрете, поскольку они не доказали, что какой-либо непоправимый вред может быть причинен преэмбриону, пока длится судебное разбирательство.

Институт Г. и Дж. Джонс подал ходатайство об отклонении исковых требований, утверждая, что супруги Йорк не представили достаточно фактов в поддержку своих требований. Рассматривая это возражение, суд сосредоточил внимание на форме согласия, которую пара подписала для участия в программе ЭКО в Институте Г. и Дж. Джонс. Эта форма согласия, озаглавленная «Информированное согласие: криоконсервация человека» (Соглашение о криоконсервации), разъясняет суть процесса криоконсервации. Данная форма также регламентировала права супругов. Так, Соглашение о криоконсервации позволяло Йоркам отказаться от участия в программе ЭКО в любое время и признавало, что пара имеет право решать судьбу преэмбрионов, созданных в процессе ЭКО. В Соглашении о криоконсервации также указывалось, что никакие преэмбрионы не могут быть использованы для процедуры ЭКО, если оба супруга не дали письменное согласие.

Среди прочих претензий пара утверждала, что Институт Г. и Дж. Джонс нарушил Соглашение о криоконсервации, поскольку осуществлял правомочия собственника в отношении преэмбриона после того, как Йорки запросили его



передачу в новое медицинское учреждение. В ответ представителями Института Г. и Дж. Джонс было заявлено, что они следовали положению Соглашения о криоконсервации, которое гласило: «Если по какой-либо причине больше не осуществляются попытки инициировать беременность, возможен выбор одного из трех вариантов использования предзигот, которые остались в криохранилище». Перечислялись три варианта: 1) пожертвование бесплодной паре; 2) пожертвование на исследования или 3) уничтожение.

Судья Дж. Кальвитт Кларк-младший в своем мнении в июле 1989 г. разрешил дело в пользу семейной пары. Рассматривая этот вопрос как спор, вытекающий из контрактных обязательств, суд пришел к выводу, что стороны заключили договор о залоге, подписав Соглашение о криоконсервации. Договор о предоставлении под залог может существовать, когда одно лицо, называемое залогодателем, передает другому лицу, называемому залогодержателем, свое имущество во владение. При этом права собственности на имущество залогодателя у залогодержателя не возникает. Когда залоговое обременение заканчивается, залогодержатель обязан вернуть имущество залогодателю. В то время в соответствии с законодательством штата Вирджиния залоговые правоотношения считались возникшими, если одна сторона на законных основаниях владела чужим личным имуществом и несла ответственность за нее. Суд установил, что Институт Г. и Дж. Джонс на законных основаниях осуществлял правомочия владения в отношении презембриона пары и нес за него ответственность. Суд также посчитал некорректной ссылку на положения Соглашения о криоконсервации, где предусматривались три варианта использования презембриона в случае отказа супругов от дальнейших попыток оплодотворения *in vitro*, поскольку пара явно намеревалась использовать оставшийся презембрион при очередной процедуре ЭКО, хотя и в другой клинике.

Кроме того, по смыслу Соглашения о криоконсервации Суд пришел к выводу, что Институт Г. и Дж. Джонс фактически признал право собственности Йорков на презембрион. Так, в тексте упомянутого Соглашения презембрион упоминался как «собственность супругов». В Соглашении также указывалось, что пара несет «основную ответственность» за принятие решений о судьбе презембриона и в случае расторжения брака супруги будут обязаны разрешать любые споры относительно прав собственности по договоренности. Учитывая договорные формулировки и характер отношений между сторонами, Суд принял решение в пользу супружеской пары.

Исходом дела «York v. Jones» стало решение суда о том, что семейная пара как доноры презембриона должны иметь полномочия принимать решения по вопросу его использования и распоряжения. Стоит отметить, что позиция суда была поддержана Американским обществом репродуктивной медицины. Учитывая прецедентную природу решений американской Фемиды, выводы окружного суда Вирджинии по данному делу стали применяться при разрешении судами других штатов споров, связанных с криоконсервированными презембрионами. Необходимо отметить, что в данном деле суд не заострил внимание на этическо-философском статусе презембриона, зачастую определяемом через призму прав человека, а рассмотрел презембрион как объект права собственности. В последующие годы другие суды США будут осуществлять толкование не только их юридического, но и этического статуса.

3.4. Дело «A. Z. v. B. Z.»¹⁴

Примечательным является дело «A. Z. v. B. Z.», рассмотренное судебным органом штата Массачусетс, которое также касалось вопросов распоряжения эмбрионами со стороны супругов, которые впоследствии расторгли свой брак. Поскольку было установлено, что письменные соглашения сторон неисполнимы, суд избрал конституционно-правовые основания и публичные интересы в качестве позиции, в соответствии с которой осуществляется распоряжение эмбрионами. Суд признал необходимость выдачи постоянного запрета супруге использовать криоконсервированные эмбрионы, так как право супруга отказаться от возможности отцовства является в данном случае приоритетным. В целом суд заявил, что «с точки зрения защиты публичных интересов принуждение к родительству не является областью, на которую распространяются правила о принудительном судебном исполнении». Необходимо отметить, что выводы суда во многом соотносятся с еще одним знаковым для американской Фемиды делом «Davis v. Davis»¹⁵.

3.5. Дело «J. B. v. M. B.»¹⁶

Дело «J. B. v. M. B.», рассмотренное в штате Нью-Джерси, во многом напоминает дело «A. Z. v. B. Z.». Спор в деле «J. B.» заключался в разногласиях разведенной пары по поводу распоряжения криоконсервированными эмбрионами. Суд также предпочел сослаться на конституционно-правовые основания и интересы публичного порядка при рассмотрении вопроса о праве распоряжаться эмбрионами. Сопоставив право супруги отказаться от возможности стать матерью и право супруга стать отцом ребенка и учитывая физическую возможность супруга зачать ребенка, суд посчитал, что право жены при данных обстоятельствах в большей степени заслуживает защиты и удовлетворил ее требование об уничтожении криоконсервированных эмбрионов. Суд подчеркнул, что «весы обычно склоняются в пользу права не становиться родителем, если другая сторона может стать отцом или матерью, используя прочие разумные средства».

3.6. Дело «Litowitz v. Litowitz»¹⁷

Перед Верховным Судом штата Вашингтон однажды также встал вопрос о полномочиях разведенной пары распоряжаться криоконсервированными эмбрионами в рамках соглашения о криоконсервации. Речь идет о деле «Litowitz v. Litowitz». Чета Литовиц заключила соглашение о криоконсервации с одной из клиник, которое предусматривало, что в случае сохранения эмбрионов в клинике в течение пяти лет с даты криоконсервации, если супруги не запросят продление срока хранения, эмбрионы будут разморожены и не будут использоваться для целей рождения ребенка. Другими словами, по прошествии пяти лет хранения и отсутствия запроса о продлении срока эмбрионы подлежали уничтожению.

¹⁴ A. Z. v. B. Z., 725 N.E.2d 1051 (Mass.2000).

¹⁵ Об этом деле подробнее см.: Пономарева Д. В. Биоэтика и право в судебной практике Соединенных Штатов Америки: дело Davis v. Davis // Международный правовой курьер. 2019. № 2 (19). С. 39—43.

¹⁶ J. B. v. M. B., 783 A. 2d 707 (N. J. 2001).

¹⁷ Litowitz v. Litowitz, 48 P. 3d 261 (Wash. 2002).



В процессе расторжения брака супруги Литовиц не смогли договориться относительно правомочия распоряжения криоконсервированными эмбрионами. Господин Литовиц намеревался предоставить эмбрионы для последующего усыновления. Госпожа Литовиц планировала использовать эмбрионы для имплантации суррогатной матери, чтобы в дальнейшем воспитывать собственного ребенка самостоятельно. Суд основал свое решение исключительно на «правах сторон, следующих из положений соглашения о криоконсервации». Судом было установлено, что пятилетний период хранения эмбрионов истек, и если генетический материал еще не уничтожен клиникой, разморозка и отказ от эмбрионов являются приемлемыми при условии соблюдения положений соглашения о криоконсервации. В отсутствие какой-либо фактической определенности, существовали ли эмбрионы вообще, суд отказался нарушать обозначенные в соглашении правомочия клиники в отношении эмбрионов, несмотря на противоположные желания обоих предполагаемых родителей.

4. Заключение

Рассмотренные судебные решения смогли сформулировать подходы к определению прав и обязанностей сторон в связи с распоряжением человеческими эмбрионами. Данные подходы включают следующие возможные ситуации: 1) когда соглашение отсутствует либо оно неисполнимо как противоречащее публичному порядку, а конституционно-правовые интересы сторон балансируют в пользу той, которая намеревается отказаться от права на возможность стать родителем; 2) когда наличествует письменное соглашение, предусматривающее, что первоначальное намерение сторон определяет впоследствии их репродуктивные права. Ввиду значимости проанализированных судебных решений стороны, рассматривающие возможность донорства или передачи эмбрионов на проведение научных исследований, требуют недвусмысленных и единообразных правил, которые формулируются не только и не столько судебным прецедентом, сколько с помощью законодательства. Судебные решения становятся «первым шагом» на пути разработки нормативного акта, который бы предусмотрел правовой статус эмбриона, а также права и обязанности сторон, передающих эмбрион на научные исследования или становящихся донорами¹⁸.

Регулирование столь чувствительных вопросов законодательными инструментами сможет помочь разрешить зачастую возникающую дихотомию между законом и требованиями морали¹⁹. Не стоит забывать, что биоэтические стандарты демонстрируют достаточно требовательный подход с точки зрения того, что должно и не должно быть в определении прав и обязанностей участников отношений

¹⁸ *Peters C. J.* Precedent in the United States Supreme Court. Springer Science & Business Media, 2014. P. 56.

¹⁹ Подробнее об этом см.: *Кубышкин А. В.* Геномные исследования в сфере репродукции человека — формулирование подходов к правовому регулированию: сравнительно-правовой анализ // *Право и современные технологии в медицине* / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2019. С. 133—136.

в области медицинских исследований. Вместе с тем, учитывая универсальность правовых предписаний для различных областей применения медицинского знания, принципиально, чтобы правовые требования, предусматривающие «минимум морали», соотносились с более высокими требованиями биоэтики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кубышкин А. В.* Геномные исследования в сфере репродукции человека — формулирование подходов к правовому регулированию: сравнительно-правовой анализ // *Право и современные технологии в медицине* / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова — М. : Проспект, 2019. — С. 133—136.
2. *Пономарева Д. В.* Биоэтика и право в судебной практике Соединенных Штатов Америки: дело *Davis v. Davis* // *Международный правовой курьер*. — 2019. — № 2 (19). — С. 39—43.
3. *Brewer S.* *Precedents, Statutes, and Analysis of Legal Concepts: Interpretation*. — Routledge, 2013. — 400 p.
4. *Garrett J. R., Jotterand F., Ralston D. C.* *The Development of Bioethics in the United States*. — Springer Science & Business Media, 2012. — 280 p.
5. *Jasanoff S.* *Science at the Bar: Law, Science, and Technology in America*. — Harvard University Press, 2009. — 304 p.
6. *Peters C. J.* *Precedent in the United States Supreme Court*. — Springer Science & Business Media, 2014. — 231 p.





**Владимир Геннадьевич
ДЬЯКОВ,**

научный сотрудник
Национальной школы
интеграционных
исследований

Djakoff@mail.ru

117519, Россия, г. Москва,
ул. Кировоградская, д. 24,
корп. 3, кв. 5

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОСТГЕНОМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

Аннотация. Современный уровень научного познания и представления о геноме, а также уровень вычислительных возможностей человека формируют новые, так называемые постгеномные технологии исследования генома. Результаты таких исследований можно использовать в разных сферах жизнедеятельности человека и общества, например в криминалистике, при раскрытии преступлений. В этой связи могут возникать как положительные, так и отрицательные правовые последствия. Все еще совершенно неясно, в какой степени правоохранительные органы должны иметь возможность получать генетические данные, хранящиеся в государственных и частных базах данных, и как это может отразиться на правах человека в дальнейшем.

Ключевые слова: право, геномные исследования, ДНК, постгеномные технологии, судебная практика, геномная информация, биобанкинг, судебно-медицинская экспертиза, международные стандарты.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.108-113

V. G DYAKOV,

National school of integration researches, research assistant

Djakoff@mail.ru

117519, Russia, Moscow, ul. Kirovogradskaya, 24-3, kv. 5

SOME LEGAL ASPECTS OF REGULATING OF RELATIONS ARISING IN THE USE OF POST-GENOMIC TECHNOLOGIES

Abstract. The current level of scientific knowledge and understanding of the genome, as well as the level of human computational capabilities, form new, so-called «post-genomic technologies» for genome research. The results of such studies can be used in different areas of human life and society, for example in criminology, including solving crimes. And there may be both positive and negative legal consequences. Genetic research is an extremely useful tool for crime investigation. But it is still unclear to what extent law enforcement agencies should be able to obtain genetic data stored in public and private databases, and how this may affect human rights in the future.

Keywords: law, genomic research, DNA, post-genomic technologies, judicial practice, genomic information, biobanking, forensic medical examination, international standards.

Вводные замечания

Уже более 20 лет генетическая экспертиза является чуть ли не «царицей» доказательств в ходе судебного разбирательства. В то же время проведению такой экспертизы сопутствует ряд сенситивных проблем, связанных с генетической идентификацией личности, массовым скринингом, обязательной геномной регистрацией, биобанкингом образцов². Без всякого сомнения, проведение такой экспертизы и связанные с ними процессы секвенирования и биобанкинга знаменуют собой новую эпоху практического применения постгеномных технологий.

Позволит ли единая база данных геномного материала ограничить нарушения прав человека или сбор и хранение данных может осуществляться различными организациями? Варианты ответов на этот вопрос могут существенно различаться в зависимости от источника данных. Например, такие страны, как Великобритания, Кувейт и Саудовская Аравия, уже пытались создать «универсальную» базу данных ДНК, заполненную данными каждого жителя, избавляя от необходимости в каком-либо другом источнике ДНК³.

Хотя этот шаг был бы спорным, он может быть не таким драматичным, как можно подумать. В Соединенных Штатах Америки, например, сочетание государственных и федеральных баз данных (содержащих генетические профили более 16,5 млн арестованных и осужденных) и государственных и частных баз данных (содержащих генетические данные десятков миллионов пациентов и участников исследований) уже обеспечивает правительству потенциальный доступ к генетической информации, которая может быть связана с огромным количеством граждан страны либо напрямую, либо через родственников.

Проблемы и угрозы, связанные с обращением геномной информации касаются всех стран, в том числе и Российской Федерации⁴. Существующие в настоящее время правоохранные методы генетического расследования являются как бессистемными, так и недостаточно регламентированными. Так, например, в начале 2018 г. сотрудники правоохранительных органов США, расследующие дело Golden State Killer (Голден Стейт), смогли найти подозреваемого после запроса в GEDmatch (общедоступная база данных), которая поощряет потребителей загружать генетические данные в сочетании с личными идентификаторами. Без разрешения суда правоохранные органы просто предоставили генетический материал с места преступления. Благодаря этой уловке офицеры нашли совпадение с человеком в базе данных, который был отдаленно связан с Джозефом Ди Анджело, человеком, в конечном счете арестованным за преступления.

² *Калиниченко П. А., Нечаева Е. К.* Правовое регулирование исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования: опыт России на основе международных стандартов // *Международный правовой курьер*. 2019. 2 (19). С. 25—28.

³ *Establishing best practice for forensic DNA databases : a report by the Forensic Genetics Policy Initiative // Forensic Genetics Policy Initiative. London. September 2017. P. 6.*

⁴ *Дубов А. Б., Дьяков В. Г.* Безопасность геномной информации: правовые аспекты международного и национального регулирования // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. 2019. № 4. С. 305—308.



С тех пор как это разоблачение стало известно, некоторые правоохранительные органы использовали аналогичные методы для раскрытия многих дел, включая несколько убийств⁵.

В случае с Голден Стэйт правительство могло бы оправдать свои действия, указав на то, что GEDmatch позиционируется как общедоступная база данных, которая не запрещает такие методы работы полиции. Но, если доступ к такой базе данных не дает полезного результата, правоохранительные органы могут прибегнуть к частным базам данных. Во многих странах мира достаточно одной судебной повестки, чтобы полиция могла заставить соответствующие компании определить, соответствует ли предоставленный геном данным с места преступления. Но есть и другие базы данных, в которые можно обращаться за геномными исследованиями, но по разным причинам это делать сложно, к тому же такие запросы не регламентированы законом.

Вероятно, подобные конфиденциальные, не совсем прозрачные, с юридической точки зрения, запросы станут гораздо более частыми в будущем, учитывая растущую ценность генетических данных для правоохранительных органов и низкий уровень обоснованности запроса.

Такую непрозрачность могла бы снизить универсальная единая база данных. Первое очевидное преимущество универсальной базы данных — ее потенциал для раскрытия или пресечения таких серьезных преступлений, как убийство, изнасилование, грабеж или кража. Как показывают исследования, совпадения ДНК часто играют решающую роль в поиске преступников, совершивших такие преступления, и идентификации тел и останков.

Но когда правоохранительные органы обращаются в одну из каких-нибудь баз данных, совпадение не гарантируется и поиски не эффективны, если поиск совпадения требует консультаций с разными компаниями, и тем более, когда требуется повторное проведение исследования генома.

Не менее важно и то, что универсальная база данных позволила бы ускорить поиск семейной ДНК, которая была найдена в единой базе при расследовании дела убийцы Голден Стэйт. Кроме того, это значительно облегчило бы положение невинных людей, которые связаны с преступниками и которых полиция, скорее всего, будет рассматривать в качестве подозреваемых⁶.

Единая база данных

Создание универсальной базы данных исключило бы соблазн со стороны правоохранительных органов «нечестно» использовать публичные и научно ориентированные базы данных. Это, в свою очередь, могло бы усилить исследования в области болезней, лечения и в других социально полезных направлениях, по-

⁵ *Regalado A.* Hundreds of crimes will soon be solved using DNA databases, genealogist predicts // *MIT Technol. Rev.* 13 September 2018.

⁶ *Дьяков В. Г., Некотенева М. В.* Основные принципы регулирования защиты прав человека при сборе, хранении и использовании геномной информации // *Международный правовой курьер.* 2019. 2 (19). С. 10—14.

скольку обеспечило бы безопасность для людей, предоставляющих геномный материал. Кроме того, универсальная база данных могла бы быть менее дискриминационной, чем применяемая в настоящее время, где практикуется принудительный отбор генетических образцов.

Ситуация усугубляется тем, что в настоящее время создаются «теневые» базы данных не только о людях, арестованных за любое преступление, но и о людях, которых просто только подозревают в совершении преступления.

Несмотря на эти преимущества универсальной базы данных, было высказано много опасений по поводу последствий для конфиденциальности и связанного с этим неправильного использования генетической информации.

В результате в некоторых странах универсальная база данных запрещена. В деле *S. and Marper v. United Kingdom*⁷ Европейский Суд по правам человека пришел к выводу, что бессрочное хранение биологических образцов и профилей является нарушением права на неприкосновенность частной жизни, защищаемого Европейской конвенцией о правах человека. Это не только обрекает на гибель универсальные генетические базы данных, но и запрещает долгосрочные базы данных, состоящие из профилей людей, которые арестованы, но не осуждены.

В результате дела Марпера, например, Соединенное Королевство, которое хранило образцы ДНК практически всех арестованных, теперь немедленно уничтожает такие образцы, если они взяты у лиц, обвиняемых в совершении мелких преступлений, и через 3 года у лиц, арестованных за тяжкие преступления. Хотя прецедент дела Марпера применяется только в 47 странах — членах Совета Европы, многие другие страны следуют его указаниям.

Способы снижения рисков единой базы данных

В какой-то степени решение в деле Марпера основано на опасении, что те, кто находится в базе данных, будут связаны с реальными преступниками. Но этот недостаток специфичен для баз данных, которые сосредоточены на данных арестованных, при этом преступное клеймо пребывания в базе данных устраняется, если база содержит ДНК каждого, а не только преступников. Более уместно говорить на основании дела Марпера о том, что широкий сбор генетического материала может увеличить «риск злоупотреблений и произвола». Эти проблемы, несомненно, будут подняты в связи с созданием универсальной базы данных, но их можно устранить несколькими способами.

Наиболее важно признать, что судебно-медицинская база данных будет требовать только подмножество генетических маркеров, практически не имеющих отношения к медицине. Профили будут состоять из нескольких десятков коротких tandemных повторов. В результате эти профили будут раскрывать правоохранительным органам значительно менее чувствительную информацию о людях.

Кроме того, законодательство может потребовать, чтобы генетические данные не только не были связаны с любыми личными идентификаторами, но и устанав-

⁷ Applications no. 30562/04 and 30566/04, *S. and Marper v. the United Kingdom* // ECHR Judgment, December 2008.



ливали более надежный процесс идентификации, который ограничивает доступ правоохранительных органов к любой личной информации до тех пор, пока не будет создана и подтверждена ассоциация (процедура, лучше контролируемая через одну центральную систему).

Законодательство об универсальных базах данных должно также требовать, чтобы база данных ДНК была размещена в независимом агентстве и чтобы доступ к ней был разрешен ордером (а не просто судебной повесткой) на основании веских доказательств. Самое главное, закон должен требовать, чтобы физические образцы, проанализированные для создания базы данных, были уничтожены после получения соответствующей генетической информации, чтобы уменьшить риск того, что образец будет подвергнут дальнейшему анализу или использован для целей, отличных от заполнения базы данных.

Одним из наиболее проблемных вопросов права в контексте хранения и обработки генетического материала является вопрос о сохранении конфиденциальности⁸. Дополнительная защита конфиденциальности может быть реализована с помощью новых криптографических протоколов, которые контролируют доступ к геномным данным с помощью нескольких ключей. В тех случаях, когда для расшифровки любой записи требуется «повернуть ключ» более чем одной организации, риск того, что мошенник — физическое лицо или агентство — злоупотребит этим ресурсом, существенно снижается. В то же время, поскольку потребности правоохранительных органов будут полностью удовлетворены, необходимо будет серьезно ограничить возможности правоохранительных органов по поиску в других базах данных.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что современный уровень научного познания и представления о геноме, а также уровень вычислительных возможностей человека формируют новые, так называемые постгеномные, технологии исследования. Результаты таких исследований можно использовать в разных сферах жизнедеятельности человека и общества, например в криминалистике, при раскрытии преступлений. Универсальная база данных представляется следующим шагом развития использования геномных данных на основе технологий постгенома. Данная система имеет как отрицательные, так и положительные стороны, кроме того, надежность единой базы данных вызывает много вопросов.

Но с точки зрения раскрытия правонарушений пользы все-таки больше. Более того, может улучшиться их профилактика. Зная о таких возможностях экспертизы, кто-то, возможно, и откажется от преступных планов. Генетическая экспертиза — не панацея от преступности, но еще один шаг в борьбе с ней.

Кроме того, появление идеи создания универсальной базы геномных данных спровоцировало бы назревшие дебаты о недостатках и преимуществах действу-

⁸ *Московкина Е. К.* Право собственности на генетический материал в процессе его хранения и обработки: анализ зарубежной судебной практики // *Право и современные технологии в медицине* / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2019. С. 135—141.

ющей системы использования геномных данных в более широком смысле: о приверженности общества к неприкосновенности частной жизни, справедливости и равной защите в рамках закона.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дубов А. Б., Дьяков В. Г. Безопасность геномной информации: правовые аспекты международного и национального регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 4. — С. 305—308.
2. Калиниченко П. А., Голышева П. Д. Государственная геномная регистрация: законодательство и практика применения // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 3 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 1. — С. 296—299.
3. Калиниченко П. А., Нечаева Е. К. Правовое регулирование исследований и разработок в области человеческого генома и их практического использования: опыт России на основе международных стандартов // Международный правовой курьер. — 2019. — 2 (19). — С. 25—28.
4. Кубышкин А. В., Косилкин С. В., Астрелина Т. А. Международно-правовое регулирование генетических исследований, биобанкинга, биоинформатики и репродукции человека: анализ основных международно-правовых актов // Международный правовой курьер. — 2019. — 2 (19). — С. 29—34.
5. Московкина Е. К. Право собственности на генетический материал в процессе его хранения и обработки: анализ зарубежной судебной практики // Право и современные технологии в медицине / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. — М. : Проспект, 2019. — С. 135—141.
6. Некотенева М. В., Дубов А. В. Некоторые проблемы регулирования геномных исследований в России и за рубежом // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) : материалы конференции : в 3 ч. — М. : РГ-Пресс, 2019. — Ч. 1. — С. 299—302.
7. Establishing best practice for forensic DNA databases : a report by the Forensic Genetics Policy Initiative // Forensic Genetics Policy Initiative. — London. — September 2017.

Проблемы интеграции и интернационализации права и правовых систем в сфере цифровых технологий



**Армен Жоресович
СТЕПАНЯН,**

доцент кафедры
интеграционного
и европейского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
armen@stepanyan.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИЛИ ГУМАНИЗАЦИЯ?¹

Аннотация. Рассматриваются аспекты применения цифровых технологий, в частности их влияние на права человека. Анализируется текущее содержание права цифровых технологий в части реальной возможности реализации прав и свобод человека и гражданина, в том числе в сложных информационных системах. Делается вывод о необходимости анализа применения технологии на предмет достижения баланса возможных благ для общества и потенциальных нарушений прав человека, а также принятия мер по регулированию такого применения, в частности документирования. Таким образом, создается возможность реальной реализации прав человека.

Ключевые слова: цифровые технологии, диджитализация, права человека.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.114-120

A. G. STEPANIAN,

Associate Professor of Integrational and European Law Department of the Kutafin
Moscow State Law University (MSAL), PhD in Law
armen@stepanyan.com
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

DIGITAL REGULATION: DIGITALIZATION OR HUMANIZATION?

Abstract. Aspects of the application of digital technologies are examined, in particular, their impact on human rights. The current content of digital technology law is analyzed in terms of the real possibility of realizing the rights and freedoms of man and citizen, including in complex information systems. The conclusion is drawn on the need to analyze the application of technology with a view to achieving a balance of possible benefits for society and potential violations of human rights, as well as taking measures to regulate such use, in particular, documentation. Thus, it is possible to leave the possibility of real realization of human rights.

Keywords: digital technologies, digitalization, human rights.

Оборот персональных данных необратимо проник в нашу жизнь, а многочисленные сервисы и даже простые покупки все больше и больше направлены на персонализацию, использование личных предпочтений, особенностей, все больше используют категории того, что обычно люди называют личным пространством. Кто-то честно публикует условия, по сути, предлагая скидку или иное материальное благо в обмен на сами данные, ну а кто-то прячет мелкий текст в дебрях сайта, найти на котором информацию часто очень сложно или практически невозможно для среднего обывателя.

Все это обычно законно, т.е. соответствует положениям закона. При этом очевидно, что потребитель (гражданин) всегда является более слабой стороной, чем оператор персональных данных, ведь если у последнего есть ресурсы организовать обработку данных, то у гражданина контролировать такую обработку обычно нет возможностей. И если говорить о все том же обороте персональных данных, то перед анализом возможного будущего регулирования стоит рассмотреть вопрос о том, всегда ли возможно реализовывать те права, которые уже и так закреплены законодательством.

В частности, как указано в п. 7 ст. 5 Федерального закона «О персональных данных»², обрабатываемые персональные данные подлежат уничтожению либо обезличиванию по достижении целей обработки или в случае утраты необходимости в достижении этих целей, если иное не предусмотрено федеральным законом. А в пункте 5 ст. 21 определено, что в случае отзыва гражданином согласия на обработку его персональных данных оператор обязан прекратить их обработку и, если сохранение персональных данных более не требуется для целей обработки персональных данных, уничтожить персональные данные или обеспечить их уничтожение, если иное не предусмотрено договором. Альтернативой является упомянутая в п. 6 ст. 21 Закона возможность блокирования таких данных в течение 6 месяцев и их уничтожение.

Однако автору несколько раз встречались в Интернете³ вопросы работников тех или иных организаций (финансовых, интернет-магазинов) о том, как обеспечить реальное выполнение уничтожения данных, так как интерфейс информационной системы, обеспечивающей работоспособность организации, не позволял удалить данные самого клиента, а также его действия в системе или по отношению к организации. На запросы в технический отдел давались от не знакомых с требованиями законодательства специалистов ответы о невозможности совершения такого рода операции, так как при проектировании системы не было запроса на ее реализацию.

В действительности такое удаление возможно провести, однако оно, в зависимости от реализации информационной системы и структуры базы данных, использующейся в этой системе, вероятно, будет трудозатратным. Возможно даже, что техническими специалистами, не понимающими положений закона, такое

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Российская газета. 29.07.2006. № 165.

³ См.: URL: <https://www.sql.ru/forum/796094/udalenie-personalnyh-dannyh> ; URL: <https://www.sql.ru/forum/827801/polnoe-udalenie-dannyh-iz-bazy-postgresql> (дата обращения: 20.01.2020).



уничтожение фактически не будет выполнено, а может быть, будет выполнено путем анонимизации или замены данных субъекта данными другого субъекта, в том числе вымышленного.

Налицо нарушение законодательства. Следует поставить вопрос: кто виноват — заказчики системы, не давшие задание реализовать возможность блокирования и (или) удаления данных, или разработчики, не знающие законодательства? Ответ на него не так очевиден. Конечно, программисты не должны проектировать действие самих информационных систем, однако можно сказать, что непосредственно с самими данными они должны проектировать и возможности как их ведения, так и их удаления.

Принятый в 2016 г. и вступивший в силу в 2018 г. Общий регламент по охране персональных данных⁴ (GDPR) сделал ситуацию для подобных организаций более сложной. Так, в ст. 25 GDPR указано, что, «принимая во внимание состояние развития науки и техники, расходы на внедрение, характер, объем, особенности и цели обработки, а также вероятностное возникновение рисков и опасности для прав и свобод физических лиц в результате обработки, контролер должен как во время определения средств обработки, так и во время самой обработки внедрить соответствующие технические и организационные меры, например, псевдонимизацию, которые предназначены для эффективной реализации принципов защиты данных, например минимизации данных, и для интегрирования необходимых гарантий в обработку в целях выполнения требований настоящего Регламента и защиты прав субъектов данных».

Как видно, установлены требования организационных мер, в том числе не только простых с логической точки зрения (архитектуры информационной системы), таких как уничтожение, но и достаточно непростых — таких как псевдонимизация и минимизация (которые, в свою очередь, прямо поименованы, т.е., по сути, внесены в обязательный список).

Так, GDPR установил и большие штрафы за несоответствие этому регламенту: ст. 83 говорит о максимальных 20 млн евро, или 4 % общемирового оборота за последний год. И практика — тому подтверждение: штрафы за нарушение в том числе ст. 25 за 2019 г. колеблются от 1 300 евро до 14,5 млн евро⁵. Самый большой штраф за год (более 70 % от максимальной суммы) был получен риэлторской компанией Deutsche Wohnen SE из Берлина из-за невозможности удалять уже ненужные данные⁶ (хранился весь архив их клиентов — арендаторов недвижимости). При этом хранились все сведения, полученные от клиентов, включая данные

⁴ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ L. 119. 04.05.2016. С. 1—88.

⁵ Данные штрафов по GDPR можно отследить на сайте URL: <https://enforcementtracker.com/> (дата обращения: 20.01.2020).

⁶ Пресс-релиз Berliner Datenschutzbeauftragter verhängt Bußgeld gegen Immobiliengesellschaft надзорного органа Берлина в сфере персональных данных // URL: https://www.datenschutz-berlin.de/fileadmin/user_upload/pdf/pressemitteilungen/2019/20191105-PM-Bussgeld_DW.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

о личном и финансовом положении арендаторов, о заработной плате, налогах, медицинском страховании, социальном обеспечении, банковских счетах, а также выписки к ним, самостоятельно заявленные данные и т.д. Как видно, такой объем данных был действительно не нужен, однако хранился. Стоит отметить, что в отношении этой же компании орган выписал еще 15 штрафов от 6 до 17 тыс. евро каждый за конкретные случаи недолжного хранения данных клиентов.

Как видно, принципы обработки данных должны быть рассмотрены еще при проектировании информационной системы, при выстраивании ее архитектуры и дизайна (конечно, не графического, не интерфейса между машиной и человеком). Указанный подход имел место среди специалистов отрасли⁷ и в научной литературе на протяжении достаточного количества времени⁸. В отношении персональных данных он получил обобщенное название Privacy by Design (англ. дословно — частная жизнь (конфиденциальность) по замыслу)⁹. Европейский совет по персональным данным даже выпустил проект рекомендаций по соблюдению ст. 25 GDPR¹⁰, т.е. принципов проектирования систем. И реальностью стало то, что в Европейском Союзе компании сурово наказывают за несоблюдение такого подхода.

В поддержку своей позиции законодатель выпустил два акта: Регламент о свободном движении данных и Директиву об открытых данных и повторном использовании информации публичного сектора, которые не касаются персональных данных и призваны улучшить обработку таких данных. Таким образом, что касается обработки информации, не затрагивающей непосредственно и прямо права граждан, то ее оборот был облегчен. Это касается в том числе и анонимной информации.

Подобный подход, который ставит во главу угла интересы граждан как слабой стороны, а не компаний, продемонстрировала Европейская комиссия в подходе

⁷ *Cavoukian A.* [комиссар по информации и частной жизни в Онтарио, Канада]. Privacy by Design. The 7 Foundational Principles, в ред. янв. 2011 г. // URL: <https://www.ipc.on.ca/wp-content/uploads/resources/7foundationalprinciples.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).

⁸ *Edwards L., Veale M.* Slave to the Algorithm? Why a 'Right to an Explanation' Is Probably Not the Remedy You Are Looking For (May 23, 2017). 16 Duke // Law & Technology Review. 2017. 18 ; *Spiekermann S., Cranor L. F.* Engineering Privacy. Jänner/Februar 2009 // IEEE Transactions on Software Engineering. Vol. 35. 2009. No. 1 ; *Richards Neil M., Smart W. D.* How Should the Law Think About Robots? May 10, 2013 ; *Rubinstein I., Good N.* Privacy by Design: A Counterfactual Analysis of Google and Facebook Privacy Incidents. August 11, 2012. 28 Berkeley // Technology Law Journal. 2013. 1333 ; NYU School of Law, Public Law Research Paper. No. 12—43 ; *Singh J., Walden I., Crowcroft J., Bacon J.* Responsibility & Machine Learning: Part of a Process. October 27, 2016.

⁹ Встречаются и другие названия, например Privacy-by-architecture (конфиденциальность-по-архитектуре).

¹⁰ Guidelines 4/2019 on Article 25 Data Protection by Design and by Default. В феврале — марте 2020 г. ожидается дополненная и измененная редакция после публичных консультаций // URL: https://edpb.europa.eu/sites/edpb/files/consultation/edpb_guidelines_201904_dataprotection_by_design_and_by_default.pdf (дата обращения: 20.01.2020).



к регулированию такой цифровой технологии, как искусственный интеллект (ИИ). «Утекший» к СМИ проект¹¹ позиции¹² законодателя указывает на риски из-за таких характеристик ИИ, как автономия, непрозрачность и способность увеличения производительности с помощью обучения.

Так, в частности, существующее в Европейском Союзе законодательство уже покрывает риски, связанные с использованием ИИ, в отношении фундаментальных прав человека (охрана данных, недискриминация, равенство полов, убежище, авторское право), защиты прав потребителя, безопасности товаров и ответственности за их несоблюдение. Одним из рисков также называется отсутствие регуляторных инструментов, чтобы убедиться в соответствии ИИ нормам текущего законодательства. Предлагается основывать регулирование на ценностях, и стоит вспомнить, что одним из учредительных документов Союза является Хартия ЕС об основных правах, по сути, первый документ, основанный на ценностном подходе.

Справедливо замечено: несмотря на то, что предвзятость может быть элементом решений и человека, и ИИ, в случае с ИИ это может затронуть большее количество людей, чем в случае с человеком, над которым существует множество социальных элементов контроля. Более того, ИИ может нарушить и другие основные права человека: свободу выражения, свободу собрания, человеческое достоинство. Эта же позиция выражена в одном из исследований¹³ Совета Европы. Причем эти риски могут реализовываться как из-за ущербной архитектуры системы (или непосредственных настроек системы), так и из-за предвзятых данных, загруженных в систему. Но такие же риски могут быть реализованы и из-за практических примеров данных, их корреляций. Технология ИИ также может использоваться во вред и праву на охрану персональных данных: системы могут следить за пользователями, деанонимизировать (персонализировать) их, на основе больших массивов неперсонализированных данных вычислять конкретных людей.

Выделяются также риск безопасности для людей, которые используют товары или услуги со встроенным ИИ. Следует отметить, что выделяется и риск потери связи ИИ со связанным товаром или услугой (или наоборот). Это увеличивает проблемы при наложении ответственности согласно законодательству ЕС или национальному законодательству, так как непрозрачность, автономность и сложность могут затруднить доступ компетентных органов к информации о том, как решение ИИ было принято, на основании чего, были ли соблюдены установленные правила? А разные подходы государств к решению проблем этих рисков могут фрагментировать единый рынок ЕС.

¹¹ Structure on the White Paper on Artificial Intelligence — European Approach // URL: <https://www.euractiv.com/wp-content/uploads/sites/2/2020/01/AI-white-paper-EURACTIV.pdf> (дата обращения: 20.01.2020).

¹² Выражен в форме white paper (англ. — белая книга) — детального документа, в котором отражены позиции всех субъектов отношений.

¹³ Algorithms and human rights. Study on the human rights dimensions of automated data processing techniques and possible regulatory implications. Council of Europe // URL: <https://rm.coe.int/algorithms-and-human-rights-en-rev/16807956b5> (дата обращения: 20.01.2020).

Европейская комиссия четко выделяет акты о традиционных основных правах человека в качестве основы для законодательства ЕС в области ИИ: Хартия ЕС об основных правах, Директива о равенстве рас, Директива о равенстве при найме на работу, GDPR и др. Такое же значение придается и Общему регламенту о безопасности товаров¹⁴.

Выделяются слабости текущего регулирования. Так, обращается внимание на ограничения сферы применения актов об основных правах человека, которые не всегда применяются в частном секторе. Ограничено и законодательство о безопасности товаров на рынке ЕС: услуги не подпадают под его сферу действия. Действие законодательства о безопасности товаров не распространяется на разработчика системы ИИ, только если он не производитель такой системы (как видно, ответственность разработчиков, т.е. фактически технических инженеров, возможно, близится). Внедрение ИИ изменяет сущность и функции товаров: новые риски безопасности возникают уже после продажи товара. Упоминается опять и сложность расследования инцидентов, возможной дискриминации.

Предполагается, что стоит различать роль операторов в цепочке создания товара с системой ИИ: разработчику действительно легче заложить что-то изначально, но на этапе использования он не всегда может воздействовать, а вот продавец или производитель, наоборот, может делать это гораздо чаще. Представляется, что выяснение этой роли в определенный момент времени для наложения ответственности или же какого-либо обязательства выглядит логично и обоснованно, однако может столкнуться, во-первых, в начальный период с трудностями у разработчиков, а во-вторых, с длительностью выяснения обстоятельств с целью вынесения справедливого решения.

Предлагается также налагать обязательства как до, так и после выпуска системы в оборот (например, как и должное проектирование, так и устранение ошибок), что выглядит разумным предложением.

Конкретные предложения мер регулирования состоят из 5 инициатив. Добровольная маркировка предполагает, что разработчики (производители) систем ИИ будут использовать такую, самостоятельно выполнив требования по этике или комплаенсу ИИ. Секторальные требования для государственной администрации (и здесь Европейская комиссия использует ссылку на недавно принятый подобный акт в Канаде — Директиву об автоматическом принятии решений¹⁵) и распознавания лиц предполагают исследование всех рисков и их влияние на жизни людей и соответствующий запрет на использование технологии распознавания лиц на 3—5 лет.

Обязательные дополнительные требования к высокорисковым приложениям ИИ предполагаются в таких областях, как здравоохранение, транспорт, полиция, судебная система; и для эффектов в виде ранения, смерти или существенного материального вреда предусматривают также самооценку рисков и их уровня. Безопасность и ответственность — два принципа, которые остаются незыбле-

¹⁴ Directive 2001/95/EC of the European Parliament and of the Council of 3 December 2001 on general product safety // *OJ L. 11. 15.01.2002*. P. 4—17.

¹⁵ Directive on Automated Decision-Making // URL: <https://www.tbs-sct.gc.ca/pol/doc-eng.aspx?id=32592> (дата обращения: 20.01.2020).



мыми и должны быть оценены на предмет расширения по секторам, продуктам и системам. Управление предполагает прозрачность, а также активную позицию национальных органов, а органам ЕС будет поручено множество задач по изучению влияния систем ИИ на жизни людей и рисков в связи с таким влиянием.

Как видно, ответ на вопрос об ответственности разработчиков систем все еще не очевиден, но точно стал яснее в том, что в Европейском Союзе скоро разработчики должны будут учитывать требования законодательства как минимум при проектировании систем искусственного интеллекта.

Сделано это для главного — не забывать о правах человека, сохранить возможность их реализации, не нарушив функционирование в новом типе общества хрупкого послевоенного мира, базирующегося на фундаментальных актах в области прав человека. Поэтому цифровизация немислима без гуманизации. Невозможно оцифровывать жизнь человека без того, чтобы его самого не ставить во главу угла, не давать ему возможность управлять цифровыми технологиями, не считаться с ним самим и его правами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Edwards L., Veale M.* Slave to the Algorithm? Why a 'Right to an Explanation' Is Probably Not the Remedy You Are Looking For. — May 23, 2017. — 16 Duke // Law & Technology Abstract. — 2017. — 18.
2. *Richards Neil M., Smart W. D.* How Should the Law Think About Robots? — May 10, 2013.
3. *Rubinstein I., Good N.* Privacy by Design: A Counterfactual Analysis of Google and Facebook Privacy Incidents. — August 11, 2012. — 28 Berkeley // Technology Law Journal. — 2013. — 1333 ; NYU School of Law, Public Law Research Paper. — No. 12—43.
4. *Singh J., Walden I., Crowcroft J., Bacon J.* Responsibility & Machine Learning: Part of a Process. — October 27, 2016.
5. *Spiekermann S., Cranor L. F.* Engineering Privacy. — Jänner/Februar 2009 // IEEE Transactions on Software Engineering. — Vol. 35. — 2009. — No. 1.

ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И РОБОТОВ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И ЕГО ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ¹

Аннотация. В статье рассматриваются правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта в Европейском Союзе и его государствах-членах. Анализ нормативных актов Европейского Союза, Австрии, Франции и Германии показал, что в настоящий момент не существует единого подхода к правовой регламентации искусственного интеллекта и роботов. Так, традиционные правила не в полной мере применимы в области договорной ответственности, что создает необходимость принятия новых, более эффективных стандартов, соответствующих современным технологическим достижениям и инновациям. Немаловажную роль играют также эτικο-правовые проблемы, связанные в первую очередь с рисками в сфере прав человека и основных свобод, разработка этических принципов в алгоритмах искусственного интеллекта. Единый европейский подход позволит избежать фрагментации законодательства государств — членов Европейского Союза, расширит возможности взаимного признания при трансграничном использовании роботов и роботизированных систем.
Ключевые слова: искусственный интеллект, роботы, Европейский Союз.



Татьяна Сергеевна ЗАПЛАТИНА,
преподаватель кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук
tatianazaplatina@yandex
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.121-128

T. S. ZAPLATINA,

lecturer of integrational and European law chair
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), PhD in Law
tatianazaplatina@yandex
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

LEGAL APPROACHES TO THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND ROBOTS REGULATION IN THE EUROPEAN UNION AND ITS MEMBER STATES

Abstract. This article is devoted to the analyses of legal approaches to the regulation of artificial intelligence in the European Union and its member states. The European Union, Austria, France and Germany legal regulation analysis shows that at that moment there is no single approach regarding the legal regulation of artificial intelligence and robots. So, current legal rules are not fully applicable in the scope of contractual liability, that creates need

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16150.

for the adoption of new effective standards meeting modern technological achievements and innovations. There is important role of ethical and legal issues associating with risks in the field of human rights and fundamental freedoms, issues developing ethical principles in artificial intelligence algorithms. The single legal European approach will help to avoid fragmentation of the EU Member States legislation and will expand the possibilities of mutual recognition in the cross-border use of robots and robotic systems.

Keywords: artificial intelligence, robots, European Union.

В настоящее время человечество стоит на пороге нового этапа инновационного развития: роботы, боты, андроиды и другие формы искусственного интеллекта готовят общество к новой промышленной революции. Благодаря впечатляющим технологическим достижениям последнего десятилетия, роботы могут не только выполнять действия, которые ранее были типичными исключительно для человека, но и развивать определенные когнитивные и автономные черты, такие как способность учиться, принимать решения, что делает роботов все более похожими на людей. Поскольку автономия робота можно определить как способность принимать решения независимо от какого-либо внешнего контроля или влияния², крайне важно, чтобы законодатель следил за новыми тенденциями технического развития, определил роль и место искусственного интеллекта (ИИ) и роботов в общественных отношениях, во взаимодействии ИИ, роботов и человека.

Чем более автономны роботы, тем сложнее будет рассматривать их как простые инструменты в руках людей (производителей, операторов, владельцев, пользователей и т. д.), что поднимает вопрос о конкретизации правового положения ИИ и роботов, об определении правовых подходов к его пониманию. Иными словами, какова природа роботов и ИИ и относятся ли они к одной из существующих правовых категорий или же должна быть создана новая категория, с ее собственными правовыми характеристиками?

В Сообщении Европейской комиссии об ИИ отмечается: «Искусственный интеллект относится к системам, которые демонстрируют интеллектуальное поведение, анализируя их среду и предпринимая действия с некоторой степенью автономии для достижения конкретных целей. Системы на основе ИИ могут быть чисто программными, действующими в виртуальном мире (например, голосовые помощники, программное обеспечение для анализа изображений, поисковые системы, системы распознавания речи и лица), или встроенными в аппаратные устройства (например, усовершенствованные роботы, автономные машины или беспилотники)³. Таким образом, термин «искусственный интеллект» напрямую отсылает к понятию интеллекта, и хотя интеллект (как в машинах, так и у людей) является расплывчатым понятием (он подробно изучался психологами, биологами и нейробиологами), исследователи ИИ используют для его определения термин «рациональность». Это включает воз-

² Resolución del Parlamento Europeo, de 16 de febrero de 2017, con recomendaciones destinadas a la Comisión sobre normas de Derecho civil sobre robótica (2015/2103(INL)) // URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_ES.html (дата обращения: 14.01.2020).

³ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on Artificial Intelligence for Europe, Brussels, 25.4.2018 COM(2018) 237 final.

возможность выбора наилучшего действия для достижения определенной цели с учетом определенных критериев и доступных ресурсов, которые необходимо оптимизировать. Рациональность не единственная составляющая концепции интеллекта, но она является ее значительной частью.

Важно отметить, что достижение рациональности происходит через восприятие среды, в которую система ИИ погружается через некоторые датчики. Собирая и интерпретируя данные, рассуждая о том, что воспринимается, обрабатывая информацию, полученную из этих данных, решая, какое действие лучше, действуя, ИИ изменяет окружающую среду, взаимодействует с ней. Системы ИИ могут использовать символические правила или изучать числовую модель, а также могут адаптировать свое поведение, анализируя влияние на окружающую среду предыдущих действий.

Робототехника, в свою очередь, определяется Европейской комиссией как «ИИ в действии в физическом мире» (воплощенный ИИ). Робот — это физическая машина, которая должна справляться с динамикой, неопределенностью и сложностью физического мира. Восприятие, рассуждение, действие, обучение, а также возможность взаимодействия с другими системами обычно интегрированы в архитектуру управления роботизированной системой. Примеры роботов — роботы-манипуляторы, автономные транспортные средства (например, автомобили, беспилотники, летающие такси), роботы-гуманоиды, роботы-пылесосы и т. д., робототехника опирается на методы, которые выходят за пределы пространства ИИ⁴.

Итак, в актах Европейской комиссии ИИ определен как программная (и, возможно, также аппаратная) система, разработанная людьми, которая, учитывая сложность цели, действует в физическом или цифровом измерении путем восприятия своей среды с помощью сбора данных, интерпретации собранных структурированных или неструктурированных данных, обработки информации, полученной из этих данных, и принимает решения о лучших действиях, которые необходимо предпринять для достижения этой цели. Современные системы искусственного интеллекта ориентированы на достижение цели, они получают спецификацию цели от человека и используют некоторые методы для достижения этой цели, они не определяют свои собственные цели. Тем не менее некоторые системы искусственного интеллекта (например, основанные на определенных методах машинного обучения) могут иметь больше свободы для выбора пути достижения поставленной цели.

Продолжая анализ нормативного подхода Европейского Союза к проблеме ИИ и роботов, следует отметить, что Европейский парламент в резолюции «О рекомендациях Комиссии по стандартам гражданского права в области робототехники» от 16 февраля 2017 г.⁵ указывает на то, что в случае, когда робот может принимать автономные решения, традиционных норм будет недостаточно для того, чтобы решить вопросы юридической ответственности за ущерб, причиненный роботом. В резолюции отмечается, что Директивы Совета 85/374/ЕЭС от 25 июля 1985 г. о сближении законов, правил и административных положений государств-членов в отношении ответственности за ущерб, причиненный дефектной продукцией⁶, охватывающей

⁴ The European Commission. A definition of AI: Main capabilities and scientific disciplines High-Level Expert Group on Artificial Intelligence, June 2018 // URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 12.01.2020).

⁵ Resolución del Parlamento Europeo, de 16 de febrero de 2017, con recomendaciones destinadas a la Comisión sobre normas de Derecho civil sobre robótica (2015/2103(INL)) // URL: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0051_ES.html (дата обращения: 12.01.2020).

⁶ Directiva 85/374/CEE del Consejo, de 25 de julio de 1985, relativa a la aproximación de las disposiciones legales, reglamentarias y administrativas de los Estados Miembros en materia



только ущерб, вызванный производственными дефектами робота, может быть недостаточно в случае недоговорной ответственности при условии, что потерпевшая сторона может доказать фактический ущерб, дефект продукта и причинно-следственную связь между дефектом и повреждением (объективная ответственность или ответственность без вины).

Несмотря на сферу действия Директивы 85/374/ЕЭС, существующая правовая база не будет достаточной для покрытия ущерба, нанесенного роботами нового поколения, в той степени, в которой они могут быть обеспечены адаптивными и обучающимися возможностями. Это влечет за собой определенную степень непредсказуемости в их поведении, поскольку робот может автономно учиться на своем конкретном опыте и непредсказуемым и надлежащим образом взаимодействовать со своей средой. Европейский парламент отмечает, что в действующей правовой базе роботы не могут нести ответственность за действия или бездействие, которые наносят ущерб третьим лицам, нормы в области ответственности предусматривают случаи, в которых за действие или бездействие робота ответственность наступает у конкретного человека (производителя, оператора, владельца или пользователя), он может считаться объективно ответственным за действия или бездействие робота.

Поскольку в соответствии с действующей нормативно-правовой базой ответственность за ущерб, причиненный дефектными продуктами, несет производитель продукта, а за ущерб, вызванный поведением, ответственность несет пользователь продукта, поведение которого привело к ущербу, то те же нормы об ответственности относятся и к ущербу, причиненному роботами или искусственным интеллектом. В этой связи в рассмотренной резолюции Европейский парламент призывает Европейскую комиссию принять проект по совершению законодательства, предусматривающего нормы гражданской ответственности роботов и ИИ, установить критерии для классификации роботов, создать специальное агентство ЕС по робототехнике и искусственному интеллекту и разработать кодекс поведения для инженеров-робототехников. Парламент также отмечает необходимость «закрепления специального правового статуса роботов, с тем чтобы по крайней мере самые совершенные автономные роботы могли иметь статус электронных лиц, ответственных за ущерб, который они могут причинить». Применение статуса электронной личности возможно в случаях, когда роботы принимают автономные решения или иным образом независимо взаимодействуют с третьими сторонами.

В апреле 2018 г. Европейская комиссия опубликовала сообщение «Искусственный интеллект для Европы» (Communication), в котором изложила подход ЕС к использованию возможностей, предоставляемых ИИ, и решению стоящих перед ним задач⁷. В сообщении подчеркивается, что ЕС должен обеспечить, чтобы никто не остался в стороне от цифровой трансформации и чтобы ИИ разрабатывался и применялся на основе ценностей права ЕС. В этой связи 18 декабря 2018 г. Группа экспертов высокого уровня по искусственному интеллекту (AI HLEG)⁸ выпустила проект руководящих принципов по этике ИИ, в котором изложены рамки проектирования на-

de responsabilidad por los daños causados por productos defectuosos // OJ L 210. 07.08.1985. Pp. 29—33.

⁷ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Artificial Intelligence for Europe, COM (2018) 237 final (Apr. 25, 2018).

⁸ High-Level Expert Group on Artificial Intelligence, European Commission // URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/high-level-expert-group-artificial-intelligence> (last updated Oct. 29, 2018).

дежного ИИ⁹. В соответствии с руководящими принципами заслуживающий доверия ИИ должен «уважать основные права, принципы и ценности, обеспечивая этическую цель, быть технически устойчивым и надежным, поскольку даже при наличии благих намерений отсутствие технологического мастерства может привести к непреднамеренному вреду».

10 апреля 2018 г. двадцать четыре государства — члена ЕС и Норвегия подписали Декларацию о сотрудничестве в области искусственного интеллекта для разработки европейского подхода к искусственному интеллекту¹⁰. Румыния, Греция и Кипр присоединились к этой инициативе в мае 2018 г., а Хорватия — в июле 2018 г.¹¹ В Декларации подписавшие стороны согласились сотрудничать:

- в стимулировании европейского технологического и промышленного потенциала в области ИИ, его использовании, включая доступ к данным государственного сектора;
- решении социально-экономических проблем, таких как трансформация рынков труда и модернизация европейских систем образования и профессиональной подготовки;
- обеспечении адекватной правовой и этической основы, включающей ценности ЕС, в том числе конфиденциальность и защиту личных данных, а также такие принципы, как прозрачность и подотчетность.

Остановившись подробнее на анализе правовых подходов к регулированию ИИ и роботов в государствах — членах ЕС, целесообразно рассмотреть нормы отдельных государств. Так, правительство Австрии в своей правительственной программе на 2017—2022 г. заявило, что «новые цифровые технологии, такие как ИИ, робототехника и блокчейн, будут иметь непредсказуемые последствия для общества»¹². В 2017 г. Министерство транспорта, инноваций и технологий Австрии учредило Австрийский совет по робототехнике и искусственному интеллекту (Österreichischer Rat für Robotik und künstliche Intelligenz)¹³. Его основная задача — помочь Министерству транспорта в разработке стратегии искусственного интеллекта и робототехники, совет также уполномочен самостоятельно решать важные технологические, экономические, социальные и юридические вопросы в этой области и принимать соответствующие рекомендации. Полная стратегия будет основана на Белой книге, опубликованной Австрийским советом по робототехнике и искусственному интеллекту и Миссией по искусственному интеллекту в Австрии в 2030 г.

⁹ High-Level Expert Group on Artificial Intelligence [AI HLEG], Draft Ethics Guidelines For Trustworthy AI (Dec. 18, 2018) // URL: <http://perma.cc/DYK4-7E5S> (дата обращения: 14.01.2020).

¹⁰ Declaration: Cooperation on AI, Apr. 10, 2018 // URL: <http://perma.cc/F6U4-NV4C> (дата обращения: 14.01.2020).

¹¹ EU Member States Sign Up to Cooperate on Artificial Intelligence, European Commission (Apr. 10, 2018) // URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/eu-member-states-sign-cooperate-artificial-intelligence> (дата обращения: 14.01.2020).

¹² Zusammen. Für unser Österreich. Regierungsprogramm 2017—2022 [Together. For Our Austria. Government Program 2017—2022] // URL: <https://www.bundeskanzleramt.gv.at> (дата обращения: 14.01.2020).

¹³ Österreichischer Rat für Robotik und künstliche Intelligenz [Austrian Council for Robotics and Artificial Intelligence], Bundesministeriums für Verkehr, Innovation und Technologie [BMVIT] [Austrian Federal Ministry for Transport, Innovation, and Technology] // URL: <https://www.bmvit.gv.at/innovation/forschungspolitik/robotikrat.html> (дата обращения: 14.01.2020).



В 2016 г. Австрия внесла поправки в свой Закон об автомобилях, чтобы разрешить использование автоматизированных транспортных средств¹⁴. Эти системы могут использоваться, если они либо разрешены, либо соответствуют определенным условиям, установленным регламентом для целей испытаний. Тем не менее закон предусматривает, что водитель должен нести ответственность за выполнение функций вождения. Автономные транспортные средства могут быть протестированы на дороге только в том случае, если они имеют страховку автомобиля и передают определенные данные в Министерство транспорта. Пробные поездки по дорогам общего пользования могут проводиться только после того, как транспортные средства были предварительно протестированы. Результаты испытаний должны быть переданы в Министерство транспорта после окончания испытательного периода. Информация о критических ситуациях, авариях и их причинах должна сообщаться без неоправданной задержки. Кроме того, все испытательные автомобили с автоматизированными или сетевыми системами должны быть оснащены регистратором данных об авариях, который должен быть активирован во время всех тестовых поездок.

Французская стратегия по ИИ¹⁵ устанавливает необходимость принятия социальной приемлемости ИИ в качестве одного из основных принципов. С этой целью в стратегии рассмотрена необходимость принятия политики прозрачности и аудита, включающей этику по подготовке инженеров и исследователей искусственного интеллекта, а также отмечена необходимость применения принципа ответственности человека. Кроме того, французское правительство экспериментирует с использованием ИИ для определенных аспектов управления. В частности, Апелляционные суды Ренна и Дуэ проверяли программное обеспечение для предиктивного правосудия по различным апелляционным делам в 2017 г.¹⁶ В этой связи французское правительство прилагает некоторые усилия, чтобы предвидеть проблемы правового регулирования ИИ. Так, Национальная комиссия по компьютерным технологиям и гражданским свободам (CNIL) подготовила отчет об «этических алгоритмах искусственного интеллекта» в декабре 2017 г.¹⁷ Этот отчет указывает на ряд общих этических проблем, связанных с ИИ:

1. Будет ли подорвана свободная воля и ответственность человека, если принятие решений будет все больше делегироваться машинам и программному обеспечению?
2. Как сбалансировать преимущества больших данных с необходимостью защиты индивидуальной конфиденциальности?
3. Как выбрать данные, используемые для обеспечения машинного обучения ИИ, найти баланс между соответствием необходимости определенного количества данных определенной цели?

¹⁴ Bundesgesetz über das Kraftfahrwesen [Kraftfahrgesetz 1967] [KFG 1967] [Motor Vehicles Act 1967], June 23, 1967, Bundesgesetzblatt [BGBl.] [Federal Law Gazette] 1968, no. 267, as amended // URL: <http://www.ris.bka.gv> (дата обращения: 14.01.2020); Verordnung des Bundesministers für Verkehr, Innovation und Technologie über Rahmenbedingungen für automatisiertes Fahren [Automatisiertes Fahren Verordnung] [AutomatFahrV] [Regulation on Automated Driving], BGBl. II 2016, No. 402, as amended // URL: <https://www.ris.bka.gv> (дата обращения: 14.01.2020).

¹⁵ Strategy in the field of artificial intelligence (AI), 29 March 2018 // URL: <https://uk.ambafrance.org/France-s-AI-strategy> (дата обращения: 14.01.2020).

¹⁶ CEPEJ, European Ethical Charter on the use of Artificial Intelligence in judicial systems and their environment 34 // CEPEJ (2018) 14, Dec. 3, 2018.

¹⁷ Commission Nationale De L'informatique Et Des Libertés (CNIL), Comment Permettre À L'homme De Garder La Main? [How to keep mankind in control?], Dec. 2017 // URL: <https://perma.cc/B3KD-63B5> (дата обращения: 14.01.2020).

4. Ставит ли развитие автономного ИИ под сомнение сам смысл человеческой идентичности, приводит ли к размытию границ между людьми и машинами?

Для решения этих проблем в докладе CNIL предлагаются два общих принципа и шесть конкретных рекомендаций. Первый принцип (принцип лояльности) содержит идею того, что алгоритмы ИИ не должны предавать интересы своих пользователей, не только как потребителей, но и более широко — как граждан и членов общества, лиц, чьи интересы могут быть затронуты алгоритмом. Второй принцип (рефлексивности) относится к идее, что постоянное развитие и непредсказуемость ИИ требуют методической, совещательной и регулярной проверки всеми заинтересованными сторонами. Рекомендации CNIL включают:

- этическое воспитание всех вовлеченных в разработку и использование ИИ;
- понятность алгоритмов ИИ их пользователям;
- разработку алгоритмов, служащих свободе человека и противодействующих эффекту неизвестности;
- создание национальных органов по алгоритмам аудита ИИ и роботов;
- стимулирование исследований этического ИИ;
- укрепление органов по соблюдению этики в корпорациях.

В Германии первоначально дебаты, связанные с этикой, были в основном обусловлены отраслевыми интересами, в результате в июне 2017 г. Комиссия по этике Министерства транспорта приняла ряд этических правил¹⁸ для автоматизированного и связанного автомобильного движения. В ноябре 2018 г. была запущена национальная стратегия¹⁹ в области искусственного интеллекта, предусматривающая ряд мер по этике. Например, в документе предлагается использовать этический подход для всех этапов разработки и использования ИИ, отмечается необходимость содействия исследованиям новых способов псевдонимирования и анонимизации данных, а также дифференциальной конфиденциальности. Кроме того, федеральное правительство рассматривает вопрос о том, охватывает ли правовая база Германии все аспекты, связанные с услугами и продуктами на основе алгоритма ИИ и его адаптации, чтобы можно было проверить, есть ли какая-либо дискриминация или предвзятость.

Правительство Германии опубликовало повестку 2014—2017 гг., цифровую стратегию 2025 г., где излагаются руководящие принципы цифровой политики и выделяется ряд ключевых областей деятельности²⁰. Помимо прочего, были созданы два центра компетенции в области больших данных. В отчете о внедрении правительство указывает, что искусственный интеллект и машинное обучение предоставляют необходимые инструменты для работы с большими данными²¹.

¹⁸ Ethics Commission: Automated and Connected Driving, Appointed by the Federal Minister of Transport and Digital Infrastructure. Report (extract) June 2017 // URL: https://www.bmvi.de/SharedDocs/EN/publications/report-ethics-commission-automated-and-connected-driving.pdf?__blob=publicationFile (дата обращения: 14.01.2020).

¹⁹ Germany: Artificial Intelligence Strategy // URL: https://ec.europa.eu/knowledge4policy/publication/germany-artificial-intelligence-strategy_en (дата обращения: 14.01.2020).

²⁰ Bundesregierung [Federal Government], Digitale Agenda 2014—2017 [Digital Agenda 2014—2017], Aug. 2014 // URL: <http://perma.cc/6ZAA-DDM3> (дата обращения: 14.01.2020) ; Federal Ministry for Economic Affairs and Energy, Digital Strategy 2025, Apr. 2016 // URL: <http://perma.cc/93XR-GZJJ> (дата обращения: 14.01.2020).

²¹ Bundesregierung [Federal Government], Legislaturbericht. Digitale Agenda 2014—2017 [Legislative Report. Digital Agenda 2014—2017], May 2017 // URL: <http://perma.cc/EQD9-XLJW> (дата обращения: 14.01.2020).



В июле 2018 г. правительство Германии опубликовало ключевые положения для Стратегии искусственного интеллекта (AI Strategy) (Strategie Künstliche Intelligenz)²². Полная стратегия ИИ была опубликована в конце ноября 2018 г.²³, она гласит, что технология ИИ должна строиться «на европейских ценностях, таких как неприкосновенность человеческого достоинства, уважение частной жизни и принцип равенства». Стратегия также указывает на необходимость дальнейшей разработки нормативно-правовой базы для обеспечения высокого уровня правовой определенности.

В июне 2016 г. в Германии были внесены поправки в Закон о дорожном движении, чтобы позволить водителям передавать управление транспортным средством автоматизированным системам вождения для транспортных средств, которые будут использоваться на дорогах общего пользования²⁴. Кроме того, Министерством транспорта и цифровой инфраструктуры Германии была создана Комиссия по этике автоматизированного и подконтрольного вождения. В августе 2017 г. она опубликовала отчет, в котором изложены 20 этических принципов программирования автоматизированных систем вождения с акцентом на безопасность, человеческое достоинство, личную свободу и автономность данных²⁵.

Подводя итог произведенному анализу правовых подходов к регулированию искусственного интеллекта и роботов в Европейском Союзе и государствах — членах ЕС, следует отметить, что в настоящий момент не существует единого подхода в части правовой регламентации ИИ. Очевидно, что традиционные правила не в полной мере применимы в области договорной ответственности, в этой связи необходимо принять новые эффективные стандарты в соответствии с технологическими достижениями и инновациями, недавно появившимися и используемыми на рынке. Немаловажную роль играют также этико-правовые проблемы, связанные в первую очередь с рисками в области прав человека и основных свобод, вопрос разработки этических принципов в алгоритмах ИИ, безопасность обработки больших объемов данных. Особое внимание следует уделить возможному развитию эмоциональной связи между людьми и роботами.

Следует отметить, что создание комплексной системы регистрации роботов на внутреннем рынке ЕС, установление критериев их классификации, предложенные Европейским парламентом и Европейской комиссией, помогут снять часть указанных выше недостатков, однако данные изменения не формируют единой концепции правового регулирования ИИ и роботов на территории ЕС. Единый подход на уровне ЕС позволит избежать фрагментации внутреннего рынка, обеспечит взаимное признание при трансграничном использовании роботов и роботизированных систем, сертификации и надзоре.

²² Key Points for a Federal Government Strategy on Artificial Intelligence, *supra* note 143.

²³ Bundesregierung [Federal Government], Strategie Künstliche Intelligenz der Bundesregierung [AI Strategy of the Federal Government], Nov. 2018 // URL: <http://perma.cc/4WVT-U652> (дата обращения: 14.01.2020).

²⁴ Ahtes Gesetz zur Änderung des Straßenverkehrsgesetzes [Eighth Act to Amend the Road Traffic Act], June 16, 2017, BGBl // URL: <http://perma.cc/25XG-7BYQ> (дата обращения: 14.01.2020).

²⁵ Press Release, Federal Ministry of Transport and Digital Infrastructure [BMVI], Ethics Commission on Automated Driving Presents Report, Aug. 28, 2017 // URL: <http://perma.cc/RLQ8-EWLL> (дата обращения: 14.01.2020).

МАЙНИНГ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИИ И В МИРЕ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ¹

Аннотация. В статье выявляются определение и правовая природа майнинга криптовалют, ставится вопрос о том, является ли майнинг предпринимательской деятельностью и в каких случаях он становится объектом правового регулирования. Понятие майнинга сравнивается со сходными явлениями — банковской деятельностью, эмиссией ценных бумаг, выпуском денег центральными банками, на базе чего делается вывод об особенностях данного направления бизнеса.

Ключевые слова: государственное регулирование майнинга, майнер, предпринимательская деятельность, банковская деятельность, криптовалюта, цифровая экономика, баланс частных и публичных интересов.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.129-136

M. A. YEGOROVA,

Head of the Department of international cooperation,
Professor of the Department of competition law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Chairman of the Commission on improving antitrust legislation,
Moscow regional branch of the AUR,
co-President of the international Union of lawyers and economists (France),
doctor of legal Sciences, Professor
egorova-ma-mos@yandex.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

A. V. BELITSKAYA,

Associate Professor of the Department of business law
faculty of law of Lomonosov Moscow state University, Doctor of law
belankav@gmail.com
119234, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1-14

CRYPTOCURRENCY MINING IN RUSSIA AND AROUND THE WORLD: CONCEPT AND LEGAL REGULATION

Abstract. The article identifies the definition and legal nature of cryptocurrency mining, raises the question of whether mining is a business activity and in which cases it becomes the object of legal regulation. The concept



**Мария Александровна
ЕГОРОВА,**

начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), председатель Комиссии по совершенствованию антимонопольного законодательства Московского регионального отделения АЮР, сопresident Международного союза юристов и экономистов (Франция), доктор юридических наук, профессор
egorova-ma-mos@yandex.ru
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9



**Анна Викторовна
БЕЛИЦКАЯ,**

доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук
belankav@gmail.com
119234, Россия, г. Москва, м-р Ленинские Горы, 1, стр. 14

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-29-16056 «Криптовалюта как средство платежа частноправовой и налоговый аспекты». Статья подготовлена с использованием материалов СПС «КонсультантПлюс».

of mining is compared with similar phenomena — banking, securities issuance, money issuance by Central banks, on the basis of which a conclusion is made about the features of this business line.

Keywords: *state regulation of mining, miner, business, banking, cryptocurrency, digital economy, balance of private and public interests.*

В настоящее время криптовалюты являются желанным объектом для инвестирования, в связи с чем создание и «добыча» криптовалют, которая получила название «майнинг», становится новым направлением осуществления предпринимательской деятельности. Выявление правовой природы майнинга, в том числе на основании его сравнения со сходными явлениями — банковской деятельностью, эмиссией ценных бумаг, эмиссией денег центральными банками, позволит установить особенности данного вида деятельности в качестве объекта правового регулирования.

В отечественной научной литературе майнинг признается видом деятельности по формированию новых элементов обеспечения функционирования криптовалютных платформ², т.е. *майнинг напрямую связывается с созданием криптовалют*, хотя криптовалюты могут создаваться и вне рамок майнинга.

Попытки законодательно определить майнинг вряд ли можно признать успешными. Так, в Декрете Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики»³ дается понятие майнинга как отличной от создания собственных цифровых знаков (токенов) деятельности, направленной на обеспечение функционирования реестра блоков транзакций (блокчейна) посредством создания в таком реестре новых блоков с информацией о совершенных операциях. В проекте федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» майнинг определяется как деятельность, направленная на создание криптовалюты и (или) валидацию с целью получения вознаграждения в виде криптовалюты. Майнинг признается предпринимательской деятельностью в случае, когда лицо, которое его осуществляет, в течение трех месяцев подряд превышает лимиты энергопотребления, установленные Правительством РФ.

Майнинг обеспечивает децентрализацию процесса выпуска криптовалюты как средства платежа, в отличие от национальной валюты, которую выпускают центральные банки государств. Майнинг осуществляется через цепочки отдельных майнеров и узлы, в которых хранятся копии «публичной книги» майнинга⁴. Каждый узел цепи проводит независимую проверку любых новых данных транзакций для поддержания стабильности сети. Все транзакции являются общедо-

² См.: Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / А. В. Белицкая, В. С. Белых, О. А. Беляева [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2019. 376 с.

³ Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» // URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716 (дата обращения: 24.04.2018).

⁴ *Vigna P., Casey M. J. The Age of Cryptocurrency: How Bitcoin and Digital Money are Challenging the Global Economic Order, 2015. P. 120—137.*

ступными и складываются в распределенной базе данных (блокчейн), которая используется для подтверждения транзакций и предотвращения возникновения проблемы двойных расходов⁵. То есть теоретически *любое лицо может стать майнером и осуществить эмиссию криптовалюты*, тогда как эмиссия денег имеет строго централизованный характер и делегирована государством единому институту, ответственному за кредитно-денежную политику, — центральному банку.

В Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 23.07.2013 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков»⁶ (далее — Закон о мегарегуляторе) под контролем Центрального банка РФ были сосредоточены почти все сегменты финансового рынка, за исключением движения инвестиций и криптовалют. Согласно пояснительной записке к Закону, идея такой концентрации контроля заключается в обеспечении и повышении стабильности деятельности на финансовом рынке. Создав мегарегулятор, законодатель очертил некие границы финансового рынка, поглотившего рынок ценных бумаг, банковский и страховой сегменты, но оставив за рамками криптовалюты и инвестиции.

Таким образом, майнинг криптовалют позволил создать еще один источник формирования капитала на финансовом рынке. А. В. Турбанов отмечает, что становление и развитие финансовых рынков имеет различные характеристики в разных государствах: в некоторых доминирующую роль играют банки (например, в России), в других большая доля финансового рынка принадлежит небанковским финансовым институтам⁷. В настоящее время в нашей стране говорить о сформированном едином финансовом рынке вряд ли возможно. В частности, в настоящее время в России не существует общего документа, который регулировал бы финансовый рынок в целом, финансовый рынок во многом трансформируется в условиях цифровой экономики, в том числе в направлении его децентрализации.

Как справедливо указывается в научной литературе, *децентрализации майнинга* в той форме, которая существует в настоящее время, делает эмиссию криптовалют неподконтрольной административному регулированию и создает привлекательность для потенциальных майнеров и инвесторов⁸. Привлекательность создает также тот факт, что криптовалюты не привязаны к какой-либо стране, в связи с чем система предполагает перемещение денег в международных экономических отношениях с минимальными затратами⁹. Трансграничный

⁵ Cocco L., Marchesi M. Modeling and Simulation of the Economics of Mining in the Bitcoin Market // URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0164603>.

⁶ СЗ РФ. 2013. № 30 (ч. I). Ст. 4084.

⁷ См.: Турбанов А. В. Мегарегулятор финансового рынка и проблемы правовой неопределенности // Банковское право. 2013. № 5. С. 3—9.

⁸ См.: Перов В. А. Об особенностях правового регулирования правоотношений в сфере оборота криптовалют на территории Российской Федерации // Российская юстиция. 2018. № 3. С. 58—60.

⁹ См.: Олиндер Н. В. Криминалистическая характеристика электронных платежных средств и систем // Lex russica. 2015. № 10. С. 128—138.



характер майнинга отмечается многими учеными¹⁰. Как указывается в научной литературе, суть майнинга, в результате которого возникают криптовалюты, заключается в том, что компьютеры, находящиеся в разных точках Земли, решают математические задачи, в результате которых создаются криптовалюты¹¹.

Криптовалюты генерируются в рамках майнинга в качестве платы за проверку любой транзакции, что обеспечивает стабильное и безопасное движение средств платежа от плательщика к получателю¹². Поскольку существует много майнеров, пытающихся найти следующий действительный блок с интервалом в каждые 10 минут, вознаграждение за блок, по сути, становится платежом майнеру в обмен на услугу создания блока в согласованной цепочке¹³. Безопасность обеспечивается за счет защищенности, содержащейся в самой сущности заложенного в ней математического алгоритма¹⁴, так как майнинг — это процесс, включающий в себя решение сложных математических и криптографических алгоритмов, который предполагает использование высокотехнологического оборудования и определенных мощностей компьютеров¹⁵.

Чтобы создать свободно оцениваемую рынком цифровую валюту (не привязанную к доллару, золоту или иной мере стоимости), необходимо обеспечить дефицит такой валюты, что в цифровой среде означает необходимость проектировки системы ее накопления таким образом, чтобы майнинг криптовалют стал сложной «головоломкой», требующей трудоемкого и длительного процесса поиска решения¹⁶. Каждому майнеру, который успешно решает «головоломку», разрешается записывать набор транзакций и получать вознаграждение в виде криптовалюты, и чем больше ресурсов и усилий потратит майнер для получения данного вознаграждения, тем больше у него шансов решить «головоломку» быстрее конкурентов, что стимулирует майнеров осуществлять инвестиции в процесс майнинга и имеет важное значение для децентрализованного характера выпуска криптовалюты¹⁷. Таким образом, *майнинг осуществляется в конкурентной среде*.

¹⁰ См.: *Роббек А. Е.* Bitcoin как явление в мировой экономике // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2014. № 6. С. 114.

¹¹ См.: *Макарчук Н. В.* Публично-правовые ограничения как основание для определения криптовалют // Право и экономика. 2018. № 1. С. 22—25.

¹² *Krishnan H., Saketh S., Vaibhav V. T.* Cryptocurrency Mining — Transition to Cloud // International Journal of Advanced Computer Science and Applications (IJACSA). 2015. Vol. 6. No. 9. P. 115.

¹³ *Frebowitz R. L.* Cryptocurrency and state sovereignty // URL: <https://www.amazon.fr/Cryptocurrency-State-Sovereignty-Comprehensive-Regulations-ebook/dp/B07H4JQX59>.

¹⁴ См.: Финансовое право в условиях развития цифровой экономики : монография / К. Т. Анисина, Б. Г. Бадмаев, И. В. Бит-Шабо [и др.] ; под ред. И. А. Цинделиани. М. : Проспект, 2019. 320 с.

¹⁵ *Segura J.* A look into the global 'drive-by cryptocurrency mining' phenomenon // URL: https://go.malwarebytes.com/rs/805-USG-300/images/Drive-by_Mining_FINAL.pdf.

¹⁶ *Narayanan A., Bonneau J., Felten E., Miller A., Goldfeder S.* Bitcoin and Cryptocurrency Technologies // URL: https://www.lopp.net/pdf/princeton_bitcoin_book.pdf.

¹⁷ *Eyal I., Gu'n Sirer E.* Majority is not Enough: Bitcoin Mining is Vulnerable // URL: <https://www.cs.cornell.edu/~ie53/publications/btcProcFC.pdf>.

Майнеры конкурируют в процессе производства и трансляции блоков, стремясь к получению своих блоков в основной цепи с извлечением последующей прибыли за каждый такой блок¹⁸. При этом анонимность лиц, осуществляющих передачу криптовалюты, способствует высоким рискам как недобросовестной конкуренции, так и мошенничества¹⁹.

В связи с этим было предложено изменить протокол криптовалют, в частности биткойна, для его защиты от концентрации вычислительной мощности в «майнинг-пулах», чтобы злоумышленник, обладающий большей вычислительной мощностью, чем все честные майнеры в совокупности, не смог создавать и подтверждать фиктивные сделки, несмотря на то, что его версия блокчейна будет расти быстрее²⁰. В описанной выше ситуации состоят риски майнеров, которые должны проявить изобретательность в защите своего «продукта». Стоит отметить, что, если бы майнинг был доступен для осуществления неограниченному кругу лиц, не имеющих специальных знаний и опыта, не содержал бы в себе предпринимательских рисков, не требовал бы инновационных решений, криптовалюты не были бы оценены рынком столь высоко.

Высокая стоимость криптовалюты обеспечивается также необходимостью вложения инвестиций в оборудование и использования большого количества электроэнергии. Интересно отметить, что инвестиции в майнинг криптовалют может вложить не только сам майнер, но и третье лицо, которое осуществляет куплю-продажу будущей прибыли — в данном случае от реализации криптовалюты на бирже²¹. В иных случаях обладание единицей криптовалюты не порождает каких-либо относительных (обязательственных) правоотношений, так как в них отсутствуют кредитор и должник²².

При этом, как указывается в научной литературе, майнинг на устройствах, принадлежащих на праве собственности другому лицу, без его согласия можно признать незаконным использованием чужого имущества, что приводит к неосновательному обогащению лица, осуществившего майнинг на таком устройстве, а значит, криптовалюта, полученная в результате его осуществления, подлежит возвращению собственнику устройства, на котором осуществлялся майнинг²³. В любом случае собственнику оборудованию будет возмещен реальный ущерб, так как процесс майнинга будет связан с расходом дополнительной элек-

¹⁸ Zhang R., Preneel B. Publish or Perish: A Backward-Compatible Defense against Selfish Mining in Bitcoin // URL: <https://www.esat.kuleuven.be/cosic/publications/article-2746.pdf>.

¹⁹ См.: *Нагородская В. Б.* Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права : научно-методическое пособие / под ред. Л. А. Новоселовой. М. : Проспект, 2019. 128 с.

²⁰ Mandjee T. Bitcoin, its Legal Classification and its Regulatory Framework.

²¹ Zhong M. Cryptocurrency mining industry quarterly report // URL: <https://tokeninsight.com/api/upload/dashboardPdf/TI-2019Q1%20Cryptocurrency%20mining%20industry%20Quarterly%20Report-2019.04.25.pdf>.

²² См.: *Савельев А. И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. 2017. № 8. С. 136—153.

²³ См.: *Гурко А.* Пиратство и майнинг // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 11. С. 17—26.



троэнергии, т.е. причинением собственнику имущественного ущерба в виде дополнительной оплаты электроэнергии, затраченной непосредственно на процесс майнинга²⁴.

Важен вопрос о том, можно ли осуществлять майнинг на чужом оборудовании. Если обратиться к трудовому законодательству, то следует учесть, что трудовая деятельность, в рамках которой проводится майнинг криптовалют, сегодня не запрещена и, надеемся, не будет запрещена в будущем, однако вполне возможно, что такого рода деятельность (майнинг) будет признана разновидностью предпринимательской деятельности и при ее надлежащем оформлении (и ведении) также будет относиться к разрешенным разновидностям человеческой активности. То есть майнер-работодатель — вполне правомерное поведение. Соответственно, вполне возможен наем работников для майнинга криптовалют, в том числе на условиях дистанционной работы, фриланса и т.п., по общим правилам трудового законодательства²⁵.

Цена криптовалюты, как было отмечено выше, формируется рынком, т.е. у нее отсутствует нарицательная стоимость, так как она сама выступает товаром особого рода²⁶, что подтверждает ее инвестиционную привлекательность. Так как криптовалюту можно признать товаром, ее производство — майнинг можно признать *видом предпринимательской деятельности*²⁷, хотя в научной литературе существует точка зрения, что сам по себе подход, направленный на признание майнинга предпринимательской деятельностью, противоречит его экономической природе и вытесняет этот вид активности с территории России²⁸.

Согласно ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг. В случае майнинга все признаки присутствуют — его осуществляет майнер как физическое или юридическое лицо самостоятельно, с риском не разгадать «головоломку» и не добавить блок в цепь, потратив при этом электроэнергию и мощность, а также вложив денежные средства в необходимое оборудование. Майнер стремится к созданию криптовалюты именно для получения прибыли, причем если он торгует ею на биржах, можно сказать что его деятельность носит направленность именно на систематическое получение прибыли. Что же касается источника получения прибыли, то здесь речь идет о продаже товара особого рода — криптовалюты.

²⁴ См.: *Перов В. А.* Уголовно-правовые аспекты «недобросовестного» майнинга криптовалют // *Безопасность бизнеса.* 2018. № 2. С. 25—29.

²⁵ См.: *Максуров А. А.* Криптовалюта в гражданском, семейном и трудовом праве России // *Имущественные отношения в Российской Федерации.* 2018. № 8. С. 96—101.

²⁶ См.: *Рожкова М. А.* Право в сфере Интернета : сборник статей / М. З. Али, Д. В. Афанасьев, В. А. Белов [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М. : Статут, 2018. 528 с.

²⁷ См.: *Тобольский суд признал законным запрет на ввоз оборудования для майнинга криптовалюты* // URL: <http://www.vsluh.ru/news/incident/330783>.

²⁸ См.: *Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л., Авакян Е., Савельев А., Судец И., Чубурков А., Соколов А., Янковский Р., Сарбаш С.* Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // *Закон.* 2018. № 5. С. 16—30.

В некоторых зарубежных странах, в частности в Великобритании и Австралии, владельцы криптовалют облагаются налогом с получаемого дохода до 25 %, в США инвесторы платят налог не только при обмене криптовалюты, но даже за владение ею²⁹. Представляется, что майнинг должен быть признан видом предпринимательской деятельности в Российской Федерации для целей налогообложения, что требует внести изменения в действующее законодательство, например в налоговое законодательство в части, касающейся НДС³⁰. Интересно отметить, что при подготовке проекта указанного Закона было отмечено, что майнинг считается бизнесом, если майнер и (или) валидатор в течение трех месяцев подряд превышает лимиты энергопотребления, которые установит Правительство, при том что изначально законодатель относил любой майнинг к предпринимательской деятельности³¹.

Определяя майнинг как вид предпринимательской деятельности, стоит подчеркнуть, что *деятельность по майнингу* криптовалюты нельзя считать *банковской деятельностью*³², которая представляет собой исключительный вид деятельности, заключающейся в осуществлении кредитными организациями банковских операций и банковских сделок. Представляется, что в отличие от банковской деятельности, которая подпадает под строгое регулирование со стороны Центрального банка РФ в связи с необходимостью сохранения баланса между частными и публичными интересами, майнинг не должен становиться регулируемым.

Майнинг, с точки зрения некоторых ученых, *близок к понятию эмиссии ценных бумаг*. В научной литературе высказывается позиция о том, что криптовалюты предлагается признать разновидностью бездокументарных ценных бумаг, которые по своей правовой природе наиболее сходны с векселем, поскольку отражают ничем не обусловленное денежное обязательство³³. Сходство с ценными бумагами также позволяет признать указание на потенциал криптовалют как объектов инвестирования³⁴. Однако эмиссия ценных бумаг, согласно ст. 19 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»³⁵, состоит из конкретных этапов, которые в случае майнинга отсутствуют. Представляется, что в отличие от профессиональных участников рынка ценных бумаг, к которым предъявляются

²⁹ См.: *Бондарчук Д.* Криптовалюту, майнинг и смарт-контракты легализуют. Как это отразится на юридической работе? // ЭЖ-Юрист. 2018. № 6. С. 1—2.

³⁰ См.: *Хаменушко И. В.* Операции с криптовалютами: возможные модели налогообложения // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 42—44.

³¹ Законопроект о криптовалютах, токенах и смарт-контракте внесен в Госдуму // СПС «КонсультантПлюс».

³² См.: *Селюков А. Д.* Цифровая экономика как объект финансово-правового обеспечения в Российской Федерации (концептуальные аспекты) // Финансовое право. 2018. № 10. С. 19—24.

³³ См.: *Саурин А. А.* Право собственности на деньги (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 51—56.

³⁴ См.: *Савельев А. И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016. 640 с.

³⁵ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.



требования по лицензированию и наличию членства в саморегулируемых организациях, майнеры не должны попадать в орбиту такого регулирования.

Таким образом, понятие майнинга криптовалют в настоящее время является нерегулируемым видом предпринимательской деятельности, содержащим в себе элементы инвестирования. Майнинг должен стать объектом правового регулирования для целей налогообложения, однако установление по отношению к нему лицензионных требований или требования в соответствии со стандартами саморегулируемых организаций нецелесообразно.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / А. В. Белицкая, В. С. Белых, О. А. Беляева [и др.] ; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2019. — 376 с.
2. Рожкова М. А. Право в сфере Интернета : сборник статей / М. З. Али, Д. В. Афанасьев, В. А. Белов [и др.] ; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2018. — 528 с.
3. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. — 2017. — № 8. — С. 136—153.
4. Саурин А. А. Право собственности на деньги (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 5. — С. 51—56.
5. Хаменушко И. В. Операции с криптовалютами: возможные модели налогообложения // Предпринимательское право. — Приложение «Право и Бизнес». — 2018. — № 1. — С. 42—44.

СТАТУС ЕВРОПЕЙСКОГО КОМИССАРА ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ, ИННОВАЦИЯМ И НАУКЕ¹

Аннотация. Инновации рассматриваются в качестве основного источника конкурентоспособности в Европейском Союзе.

Непосредственную роль в обеспечении гармоничного устойчивого развития науки и технологии играет европейский комиссар по инновациям, исследованиям, культуре, образованию и молодежи, чей правовой статус, а также компетенция являются предметом анализа данной статьи.

Ключевые слова: Европейская комиссия, европейский комиссар по инновациям, исследованиям, культуре, образованию и молодежи, право ЕС, Горизонт 2020.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.137-144

V. Yu. SLEPAK,

Vice-professor of Integration and EU Law Chair
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
vitaliy.slepak@gmail.com

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

A. A. ARIANTC,

Postgraduate student of Integration and EU Law Chair
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
anna.ariyants@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

STATUS OF EUROPEAN COMMISSIONER FOR RESEARCH, INNOVATION AND SCIENCE

Abstract. Innovation is seen as the main source of competitiveness in the European Union. The European Commissioner for Research, Innovation and Science, whose legal status and competence are the subject of analysis of this article, plays a direct role in ensuring the harmonious sustainable development of science and technology.

Keywords: European Commission European Commissioner for Innovation, Research, Culture, Education and Youth, EU law, Horizon 2020.



**Виталий Юрьевич
СЛЕПАК,**

доцент кафедры
интеграционного
и европейского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
vitaliy.slepak@gmail.com
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9



**Анна Ашотовна
АРИЯНЦ,**

аспирантка кафедры
интеграционного
и европейского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
anna.ariyants@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-29-1502818 «Сравнительный анализ лучших практик нормативно-правового регулирования грантового (проектного) финансирования научных исследований и разработок на национальном и международном уровнях».

Правовой статус европейского комиссара по инновациям, исследованиям, культуре, образованию и молодежи

Европейская комиссия заявляет: «...наука образование может способствовать более широкому участию в инновациях, основанных на знаниях, которые отвечают самым высоким этическим стандартам и помогают обеспечить устойчивое общество в будущем»². Нет сомнений в том, что наука и инновации играют все более важную роль в формировании не только будущего Европейского Союза, но и всего мира в целом.

Инновационная политика направлена на то, чтобы воздействовать на инновационную деятельность с общей целью увеличения экономического роста и, следовательно, повышения конкурентоспособности и создания рабочих мест. Он также охватывает так называемые «ориентированные на миссию» цели, которые направлены на решение более конкретных социальных проблем (например, загрязнение окружающей среды, социальное отчуждение, здоровье и благосостояние и нехватка энергии)³.

Жозе Мануэл Баррозу отмечал, что европейские исследования на современном этапе претерпевают существенные изменения, вызванные комплексом кризисных ситуаций, с которыми столкнулась Европа в последнее десятилетие, среди них политико-правовые и экономические трудности. По его мнению, большие надежды на разработку практических рекомендаций в решении этих трудностей деятели ЕС возлагают на представителей научной общественности⁴.

Политика Европейского Союза в области исследований, инноваций и науки существует на протяжении всей истории существования самого Союза. Потребность в развитии европейских исследований, науки и инноваций возникла давно. К примеру, с возникновением Европейского объединения угля и стали и Евратома было сформировано сотрудничество в разных областях промышленности, а именно железорудной, каменноугольной, металлургической, а также в области ядерной энергетики. С развитием интеграции Европейского Союза развивалось и научно-технологическое сотрудничество.

В рамках Договора о функционировании Европейского Союза Союз наделен компетенциями в области развития и поддержки науки и технологий. Союз поддерживает предприятия, научно-исследовательские центры и университеты в их усилиях по проведению высококачественных исследований и достижению высокого уровня технологического развития; Союз непосредственно оказывает поддержку их усилиям по осуществлению сотрудничества, стремясь, в частно-

² Laherto A., Kampschulte L., Vocht M. de, Blonder R., Akaygun S., Apotheker J. Contextualizing the EU's "Responsible Research and Innovation" Policy in Science Education: A Conceptual Comparison with the Nature of Science Concept and Practical Examples // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2018 (16).

³ Dosso M., Martin B. R., Moncada-Paternò-Castello P. Towards evidence-based industrial research and innovation policy // Science and Public Policy 2018 (2). URL: <https://academic.oup.com/spp/article/45/2/143/4992967> (дата обращения: 20.12.2019).

⁴ Сушкова Ю. Н. Европейские исследования: современное состояние, проблемы и перспективы // Интеграция образования. 2014. № 4.

сти, обеспечить возможность исследователям свободно сотрудничать «через границы», а предприятиям — в полной мере использовать потенциал внутреннего рынка, особенно при помощи установления открытости национальных публичных сделок, определения общих стандартов и устранения юридических и налоговых препятствий этому сотрудничеству⁵.

Функции и полномочия в области исследований, инноваций и науки Европейский Союз осуществляет через Европейскую комиссию, которая осуществляет координационную, исполнительную и управленческую функции, в том числе в области осуществления скоординированного взаимодействия в области науки, технологий и инноваций⁶.

Члены Комиссии не являются официальными представителями государств — членов Европейского Союза, также ни одно государство — член Союза не имеет права посягать на независимость своего гражданина, являющегося членом Комиссии. Согласно Договору о Европейском Союзе комиссары должны действовать только в интересах Союза: «Члены Комиссии не запрашивают и не принимают инструкции ни от какого правительства, института, органа или учреждения. Они воздерживаются от любых действий, не совместимых с их функциями или с исполнением их задач».

В целях установления должного применения обязательств независимости и добросовестности комиссаров Комиссия издала Кодекс поведения для членов Европейской комиссии. Так, в ст. 8 сказано, что члены Комиссии не должны осуществлять какую-либо профессиональную деятельность, приносящую доход, или публичные функции любого характера, кроме тех, которые вытекают из выполнения их обязанностей⁷.

Рекомендация Европейской комиссии в отношении Кодекса поведения рассматривает государства — члены Европейского Союза в качестве ответственных субъектов и предлагает им использовать Кодекс в качестве инструмента для поощрения диалога между «политиками, исследователями, представителями промышленности, комитетами по этике, организациями гражданского общества и обществом»⁸.

Можно сделать вывод о том, что в Кодексе поведения предусмотрено содействие и стимулирование развивающегося управления.

Комиссар, являющийся правомочным членом Европейской комиссии, обладает на ее заседаниях правом голоса; он осуществляет общее руководство либо конкретной отраслью управления, либо группой отраслей. В работе европейского комиссара по инновациям, исследованиям, культуре, образованию и вопросам

⁵ *Кашкин С. Ю.* Право Европейского Союза. М. : Юрайт, 2019.

⁶ Договор о Европейском Союзе // URL: <https://eulaw.ru/treaties/teu/> (дата обращения: 20.12.2019).

⁷ Commission decision of 31.1.2018 on a Code of Conduct for the Members of the European Commission // URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/code-of-conduct-for-commissioners-2018_en_0.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

⁸ *Schomberg R. von.* A vision of Responsible Research and Innovation // URL: <http://www.pacitaproject.eu/wp-content/uploads/2014/04/von-Schomberg-RRI-owenbookChapter.pdf> (дата обращения: 20.12.2019).



молодежи можно отметить следующие цели, на реализации которых должна быть сосредоточена вся деятельность данного чиновника:

- обеспечение достижения быстрого согласия по вопросам реализации будущей программы «Horizon Europe»⁹— новой рамочной программы ЕС, призванной продолжить достижения действующей на текущий момент Восьмой рамочной программы, более известной как «Горизонт 2020»;
- обеспечение инвестиционных потоков для прорывных исследований и прорывных инноваций, в том числе через Европейский совет по инновациям;
- развитие европейского исследовательского пространства в сотрудничестве с государствами-членами;
- обеспечение интеграции между исследованиями, политикой и экономическими приоритетами;
- руководство работой Комиссии по созданию европейского образовательного пространства к 2025 г.: устранение барьеров, улучшение доступа и облегчение перемещения между странами;
- содействие совершенствованию и налаживанию связей между европейскими университетами и реализации Европейской университетской инициативы.
- укрепление международного сотрудничества в области образования, исследований, инноваций и культуры и т.д.¹⁰

В своей работе комиссары подотчетны Европейской комиссии и председателю лично. Каждый комиссар имеет свой личный аппарат. Данный аппарат обозначается термином «кабинет» и включает помощников, советников и иных сотрудников комиссара. Руководитель этого аппарата — глава кабинета — рассматривается как ближайшее доверенное лицо комиссара и может заменять его на заседаниях Комиссии. Глава кабинета, как правило, должен быть гражданином иного государства-члена, чем комиссар.

С недавнего времени Европейский Союз поставил цель принять стратегический подход к развитию инноваций, а именно подход, в соответствии с которым инновации являются главной целью политики Союза.

В настоящее время к функциям инновационной политики Европейского Союза можно отнести:

- укрепление связей в национальной инновационной системе;
- создание благоприятных условий для внедрения новых решений (инноваций);
- содействие структурным изменениям в отрасли (например, изменения в технологии, улучшение качества);
- предоставление компаниям возможности воспользоваться преимуществами глобализации и международного сотрудничества.

⁹ EU budget for 2021—2027: Commission welcomes provisional agreement on Horizon Europe, the future EU research and innovation programme // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_1676 (дата обращения: 20.12.2019).

¹⁰ President von der Leyen's mission letter to Mariya Gabriel. Brussels, 1 December 2019. // URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/sites/comm-cwt2019/files/commissioner_mission_letters/mission-letter-mariya-gabriel-2019_en.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

Немаловажным является ключевой документ, который заложил основу для инновационной политики в ЕС, — «Зеленая книга по инновациям». Она была выпущена Европейской комиссией в декабре 1995 г. с целью стимулирования дебатов и прокладывания пути к подлинной европейской стратегии продвижения инноваций. Документ определил основные проблемы инноваций в Европе, в частности, отметил, что «одна из главных слабостей Европы заключается в ее неполноценности в плане преобразования результатов технологических исследований и навыков в инновации и конкурентные преимущества»¹¹.

Должность Комиссара по инновациям, исследованиям, культуре, образованию и молодежи в зависимости от видения председателя Европейской комиссии имела различные наименования. Так, при председательстве Жана-Клода Юнкера Карлос Маедос занимал пост европейского комиссара по исследованиям, науке и инновациям, в то время как на текущий момент должность недавно назначенного комиссара Марии Габриэль имеет более распространенное наименование¹². Как правило, такие изменения связаны с распределением обязательств и установлением приоритетных направлений самой Комиссии, что, в частности, подтверждается заявлениями самого комиссара в данной области¹³. Мария Габриэль подчеркнула, что Европейский Союз оказывает поддержку исследованиям в том, что они открывают новые возможности и расширяют границы наших знаний. Доказано, что финансирование передовой науки является ключевым способом создания основ для инновационной экономики и общества¹⁴.

Роль комиссара по инновациям, исследованиям, культуре, образованию и вопросам молодежи представляется весьма значимой. Полномочиями в данной области являются: воплощение универсального подхода к инновациям; развитие и совершенствование единого европейского исследовательского пространства; организация научных исследований как на европейском, так и на национальном уровнях; усиление поддержки научным исследованиям, предоставляемой Европейским Союзом.

Под непосредственным руководством комиссара по инновациям, исследованиям, культуре, образованию и вопросам молодежи при Европейской комиссии действуют генеральные директораты и агентства, помогающие ему в выполнении своих обязанностей. К ним в настоящий момент можно отнести:

Генеральный директорат по научным исследованиям и инновациям, отвечающий за разработку и реализацию политики Европейского Союза в области ис-

¹¹ Green Paper on Innovation // URL: http://europa.eu/documents/comm/green_papers/pdf/com95_688_en.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

¹² European Council Decision (EU) 2019/1989 of 28 November 2019 appointing the European Commission ST/34/2019/INIT // OJ L. 308. 29.11.2019. P. 100—102.

¹³ Mariya Gabriel's answers to the European Parliament questionnaire // URL: https://ec.europa.eu/commission/commissioners/sites/comm-cwt2019/files/commissioner_ep_hearings/answers-ep-questionnaire-gabriel.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

¹⁴ EU grants €11.4 million to top researchers to bring science findings closer to market // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/mex_20_25 (дата обращения: 15.01.2020).



следований и инноваций¹⁵. В задачи директората входят: разработка политики Европейского Союза в области исследований и технологических инноваций с особым акцентом на повышение конкурентоспособности европейских предприятий; координация европейской исследовательской деятельности в государствах-членах; управление исследовательскими программами ЕС. Также в число задач директората входит проведение политики, направленной на улучшение понимания роли науки в современном обществе и стимулирование общественных дебатов по этим вопросам на европейском уровне¹⁶.

Генеральный директорат по образованию, молодежи, спорту и культуре.

Объединенный исследовательский центр, являющийся научной службой Европейской комиссии. Он поддерживает формирование политики ЕС с помощью независимых, научно обоснованных рекомендаций. В рамках исследований и инноваций в обязанности центра входят: решение ключевых социальных проблем, разработка новых методов и инструментов; обмен знаниями с государствами — членами Союза, а также с международными партнерами; поддержание инвестиций в рамках программы «Горизонт 2020»; исследования в области ядерной безопасности и защите.

Исполнительное агентство Европейского исследовательского совета, управляющее программами Европейского Союза по исследованиям. Обязанностями агентства являются: выполнение годовой рабочей программы; управление грантовыми соглашениями; управление программой «Горизонт 2020»;

Исполнительное агентство научных исследований является агентством для управления конкретными мероприятиями Европейского Союза в области исследований и инноваций, а именно управляет исследовательскими грантами Союза. Агентство финансирует исследовательские и инновационные центры, оказывает поддержку независимым экспертам в оценке проектных предложений, конкурирующих за исследовательские фонды Европейского Союза, и помогает с юридической и финансовой проверкой участников программы. Агентство непосредственно оказывать поддержку финансирующим заявителям, бенефициарам и независимым экспертам, помогает в управлении программой «Горизонт 2020»¹⁷.

13 мая 2019 г. Европейская комиссия призвала к подаче заявок на членство в консультативных советах новых исследовательских миссий, которые должны быть созданы в рамках программы «Horizon Europe», предлагаемой исследовательской программы стоимостью 94,1 млрд евро.

¹⁵ Strategic Plan 2016-2020. Directorate-General for Research and Innovation. URL: // URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/strategic-plan-2016-2020-dg-rtd_march2016_en.pdf (дата обращения 20.12.2019).

¹⁶ Акульшина А. А., Пилиева Е. О. Европейская политика в области науки и инноваций // Современная Европа. 2013. № 2.

¹⁷ Memorandum of Understanding between the Research Executive Agency and DG Research and Innovation, DG Education and Culture, DG Communication Networks, Content and Technology, DG Agriculture and Rural Development, DG Internal Market, Industry, Entrepreneurship and SMEs, DG Migration and Home Affairs Modalities and Procedures of Interaction // URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/mou_20160208.pdf (дата обращения 20.12.2019).

Стоит согласиться с мнением, что, ориентируясь на социальные нужды и вызовы общества, программа «Horizon Europe» опирается на социальную значимость европейских исследований и подчеркивает их приверженность. Благодаря предыдущим рамочным программам были созданы прочная база знаний и сообщество практиков для вовлечения и взаимодействия с гражданами и общественными деятелями. Не следует забывать о том, что необходимо развивать и укреплять использование исследований в области науки в обществе, поддерживаемых последовательными рамочными программами¹⁸.

Заметим, что новая рамочная программа «Horizon Europe» удвоит бюджет на мероприятия по обмену опытом и поможет учреждениям и исследователям подняться по лестнице совершенства.

В подчинение нового комиссара входят: Генеральный директорат по исследованиям и инновациям и соответствующие задачи в Исполнительном агентстве Европейского исследовательского совета, Исполнительном агентстве по малым и средним предприятиям, Исполнительном агентстве по инновациям и сетям и Исполнительное агентство исследований.

Стоит согласиться с мнением предыдущего комиссара Карлоса Моедаса о том, что прогресс в науке требует широкомасштабного сотрудничества через границы и что ученые, которые могут перемещаться и работать на международном уровне, часто достигают наилучших результатов. Сотрудничество — это то, что Европейский Союз делает хорошо, и в этом есть амбиции для следующей исследовательской программы Союза. «Путь вперед становится ясным. Следующая рамочная программа должна быть более интернациональной, мы должны обеспечить большую международную мобильность ученых, больше совместных проектов с неевропейскими партнерами»¹⁹. И непосредственная и основная задача комиссара по инновациям, исследованиям, культуре, образованию и вопросам молодежи состоит в осуществлении контроля и содействия в реализации как текущих программ Европейского Союза в области науки и технологий, так и грядущих.

Относительно недавно, 13 января 2020 г., Европейская комиссия объявила о том, что выделяет 8,5 млн евро на два пилотных проекта, связанных с Африкой, и один проект, связанный с Западными Балканами, в секторе профессионального образования и обучения. Как отметила Мария Габриэль, «Африка и Западные Балканы являются политическим и стратегическим приоритетом для Европейского Союза. Поэтому мы должны обеспечить полное использование всех наших существующих инструментов и предоставить реальные возможности нашим партнерам»²⁰.

¹⁸ *Bedsted B., Bitsch L., Klüver L., Øjvind Nielsen R., Jørgensen M. L.* Towards an inclusive European innovation policy // JCOM. 2018. 03. URL: https://jcom.sissa.it/archive/17/03/JCOM_1703_2018_C01/JCOM_1703_2018_C03 (дата обращения: 20.12.2019).

¹⁹ The Royal Society of Edinburgh // URL: <https://www.rse.org.uk/european-commissioner-addresses-rse-future-eu-research-innovation-2/> (дата обращения: 20.12.2019).

²⁰ EU Commission provides €8.5 million to VET pilot projects in Africa and the Western Balkans // URL: <https://www.neweurope.eu/article/eu-commission-provides-e8-5-million-to-vet-pilot-projects-in-africa-and-the-western-balkans/> (дата обращения: 15.01.2020).



БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Акульшина А. А., Пилиева Е. О.* Европейская политика в области науки и инноваций // Современная Европа. — 2013. — № 2.
2. *Кашкин С. Ю.* Право Европейского Союза. — М. : Юрайт, 2019.
3. *Сушкова Ю. Н.* Европейские исследования: современное состояние, проблемы и перспективы // Интеграция образования. — 2014. — № 4.
4. *Laherto A., Kampschulte L, Vocht M. de, Blonder R., Akaygun S., Apotheker J.* Contextualizing the EU's "Responsible Research and Innovation" Policy in Science Education: A Conceptual Comparison with the Nature of Science Concept and Practical Examples // Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education. — 2018. — 16.
5. *Bedsted B., Bitsch L., Klüver L., Øjvind Nielsen, R., Jørgensen M. L.* Towards an inclusive European innovation policy // JCOM. — 2018. — 03.
6. *Dosso M., Martin B. R., Moncada-Paternò-Castello P.* Towards evidence-based industrial research and innovation policy // Science and Public Policy. — 2018. — 2.

Сравнительное конституционное и муниципальное право

ИТОГИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Аннотация. Европейский Союз, нацеленный на ускоренную интеграцию, совершил множество стратегических и тактических ошибок. Наиболее серьезные из них это либеральная интеграционная политика и экспансионистское вынесение судебных решений Европейским Судом справедливости.

Евразийский экономический союз имеет шанс избежать пагубных ошибок Европейского Союза. Важно ограничить властные амбиции исполнительных органов и Суда.

Необходимо сдерживать космополитический либерализм и культивировать идеологию национального самоуважения.

Ключевые слова: Европейский Союз, Европейская интеграция, либеральный экспансионизм, иммиграционная политика Евросоюза, Европейский Суд справедливости, Евразийский экономический союз, политика сбалансированной неэкспансионистской интеграции.



**Александр
Дмитриевич ГУЛЯКОВ,**
профессор кафедры
теории государства
и права и политологии,
ректор Пензенского
государственного
университета,
кандидат юридических наук
**comp-federalism@
yandex.ru**
440026, Россия, г. Пенза,
ул. Красная, д. 40

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.145-154

A. D. GULYAKOV,

*Professor of the Department of Theory of state and law and political science, rector
of Penza state University Ph. D.,
comp-federalism@yandex.ru
440026, Russia, Penza, ul. Krasnaya, 40*

RESULTS OF EUROPEAN INTEGRATION AND ITS SIGNIFICANCE FOR EURASIAN STATE AND LEGAL SPACE (COMPARATIVE STATE STUDYING ANALYSIS)

Abstract. European Union aiming at accelerated integration has done a lot of strategic and tactical mistakes. The most serious among them are liberal immigration policy and expansive judge-making of the European Court of Justice. Eurasian Economic Union has a chance to avoid pernicious mis-

© А. Д. Гуляков, 2020

takes of the EU. It's important to limit the power ambitions of the executive organs and its Court. Cosmopolitan liberalism must be curbed and ideology of national self-esteem is necessary to cultivate.

Keywords: *European Union; European Integration; Liberal Expansionism; Integration Policy of EU; European Court of Justice; Eurasian Economic Union; Policy of Balanced Non-Expansive Integration.*

Евросоюз является старейшим межгосударственным интеграционным объединением, которое за более чем шесть десятилетий своего существования попыталось опробовать практически все возможные формы сотрудничества, испытало реальные успехи и катастрофические провалы, создало вокруг себя систему идеологических конструкций, правовых норм и пропагандистских мифов.

Европейское экономическое сообщество возникло в 1957 г. с приоритетными целями экономической интеграции и преобразовало себя в Евросоюз в 1992 г. с более широким набором интеграционных задач, продемонстрировав как реальные достижения, так и не состоявшиеся амбиции. Эта организация совершила множество стратегических и тактических ошибок. Тактические ошибки во многом ситуативны, привязаны к ограниченному по продолжительности периоду. Их легче преодолеть. Стратегические ошибки имеют более серьезные последствия. Порой их трудней заметить и предсказать, во что они могут вылиться. Беда еще в том, что некоторые тактические ошибки могут перерасти в стратегические. Обратного же, к сожалению, не бывает.

Нельзя сказать, что Евросоюз изначально развивался бесконфликтно. В середине 1960-х гг. он был вынужден в вопросах сельскохозяйственной политики пойти навстречу Франции, которая высказала недовольство принципом большинства при голосовании. В 1970-е гг. вообще возникла некоторая «европауза» во взаимоотношениях в условия циклических и структурных кризисов, знаменовавших собой переход от модернизации к постмодернизации¹. Однако все это были трудности роста, и в целом организация развивалась успешно.

Первые по-настоящему проблемные управленческие решения были сделаны в 1980-е гг.² С тех пор в деятельности Евросоюза просматривается череда тактических и стратегических ошибок, что, впрочем, и не удивительно: организация задумывалась в одну историческую эпоху, а ей по ходу дела методом эксперимента пришлось подстраиваться под другую.

Теоретические и стратегические ошибки, совершенные руководством Евросоюза в 1980—2010 гг.

Тактические ошибки:

Прием в Евросоюза в 1980-е гг. новых членов (Греция, Испания, Португалия), сильно отличающихся от других членов по уровню своего социально-экономиче-

¹ Саломатин А. Ю. Всемирная история государства и государственного управления. М., 2013.

² Арбатова Н. Кризис и Европейский Союз: политические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 11. С. 36.

ского развития. Как следствие — необходимость серьезной коррекции аграрной политики Евросоюза. В итоге — негативные последствия на настоящий момент преодолены.

Принятие Единого Европейского Акта в 1986 г., ускорившего евроинтеграцию и распространившего его на новые области, не готовые к интегрированию. Акт привел к заключению Маастрихтского договора в 1992 г. и конституированию Евросоюза, что форсировало интеграцию.

Евросоюз, соблазнившись выгодами приобретения новых рынков, взял курс на интеграцию стран Восточной Европы, выработав на саммите в Копенгагене в 1994 г. некие критерии для новых членов. Со временем эта тактическая ошибка по неоправданному расширению организации стала стратегической «ловушкой».

Движение к созданию единого европейского паспорта и гражданства вызвало энтузиазм среди европейцев, но создало известное неудобство для властей.

Учреждение единой европейской валюты вело к снижению транзакционных издержек в периоды экономического процветания, но порождало опасные последствия в периоды экономических кризисов.

Амстердамский (1997 г.) и Ниццкий (2002 г.) договоры обозначили стремление евробюрократов неоправданно расширять компетенцию Евросоюза, что создало прецеденты для властной экспансии и дополнительно стимулировало форсированную интеграцию.

Провал Конституции Евросоюза продемонстрировал, что подобные планы на федерализацию были тактической ошибкой. Она была со временем купирована Лиссабонским договором 2007, более гибко сформулировавшим интеграционные задачи.

Экспансия Европейского Суда справедливости является раздражающим фактором для властей государств-членов. Лучшим решением было бы ее добровольное самоограничение. Эта ошибка в последнее время трансформируется из тактической в стратегическую.

Стратегические ошибки:

Прием в мае 2004 г. в состав Евросоюза большинства стран Восточной Европы с последующим дополнительным приемом стран с еще более низким уровнем социально-экономического развития резко усилил неоднородность организации и затруднил ее управляемость. В будущем это порождает массовое недовольство населения «старых» стран-членов и фракционность.

Иммиграционная политика Евросоюза изначально была серьезной тактической ошибкой, которая начиная с 2015 г. превратилась в гигантскую суперпроблему, инспирирующую внутривластную нестабильность в государствах-членах и конфликты между ними.

Евроатлантическая солидарность, первоначально мало влиявшая на судьбу Евросоюза, в настоящее время становится для него обременительной по мере того, как растут противоречия в правящих элитах США и усиливается внешнее давление на Евросоюз со стороны США. Это давление может в итоге изменить конфигурацию Евросоюза или даже негативно сказаться на его судьбе.

Бескомпромиссно активная пропаганда европейских ценностей и пренебрежительное отношение к точке зрения европессимистов со стороны СМИ, академиче-



ской общины и евробюрократов закрывает путь к диалогу и стимулирует раскол в Евросоюзе, способствуя дальнейшему росту консервативно-патриотических, изоляционистских настроений.

Ошибки 1980-х гг. были еще не критичны. Евросоюз действовал тогда вполне самостоятельно, не давая себя опутать сетями атлантической солидарности. Однако в 1990-е гг., когда исчезли СССР и мировая система социализма, Евросоюз не смог противостоять искушениям беспрецедентного расширения на восток, на что его подталкивали собственные эгоистические экономические амбиции и геополитические интересы США оторвать страны Восточной Европы от России.

Сам по себе Маастрихтский договор 1992 г., встретившийся с известными трудностями при его разработке и ратификации³, был, возможно, преждевременным, но не критичным предприятием: все зависело от того, как дальше поведет себя конституировавшийся Евросоюз. К сожалению, был выбран самый проблемный, хотя и внешне привлекательный сценарий — сценарий безудержного роста, нацеленный на одновременное развитие интеграции «вглубь и вишь»⁴. Так, Амстердамский договор 1997 г. не только выступил с защитой фундаментальных прав личности, упомянув о санкциях против государств-нарушителей, но и ввел «совместное управление социальной политикой, под которой следовало понимать соблюдение внутренних и внешних границ, общую визовую политику, реализацию права убежища и иммиграции, а также сотрудничество в области судебного права по гражданским делам»⁵. Следующей модификацией Маастрихтского договора стал Ниццкий договор 2002 г., который предусмотрел новые квоты для действующих и будущих членов Евросоюза в Совете ЕС и Европарламенте. Голосование квалифицированным большинством должно было упираться в двойное большинство стран-членов и население, что было призвано блокировать контрпродуктивное поведение небольших государств.

С мая 2004 г. новыми членами Евросоюза стали Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения, Эстония, Латвия, Литва, Кипр и Мальта. Вступление Болгарии и Румынии было отложено до 2007 г. ввиду того, что эти страны не выполнили копенгагенские критерии. Однако расширение Евросоюза на восток воспринималось общественным мнением не без опасений (44 % опрошенных относились к нему негативно, 37 % — позитивно). Особое неприятие этот замысел вызывал не только в небольших странах (в Нидерландах — 57 %, в Австрии — 54 %), но и в стержнеобразующих государствах Евросоюза — Германии и Франции (55 % и 51 %) ⁶. На рубеже тысячелетий только 27 % респондентов считали рост единой Европы приоритетной целью ⁷.

³ Маастрихтский договор: трудности ратификации, поиск решений, перспективы : доклады Института Европы. М., 1994. № 8. С. 10—11, 14—17, 20.

⁴ Борко Ю. А. От европейской идеи — к единой Европе. М., 2003. С. 119—120.

⁵ Медведев Л. А., Синдеев А. А. Создание Европейского Союза (1980—1990-е годы) // История западноевропейской интеграции (1940—1990-е годы). Тверь, 1999. С. 58—59.

⁶ URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/ef/showtable.cfm?keyID=348&nationID=11.2.16.6.3.8.14.10.15&Stardate=1997.062&enddate=1997.6.

⁷ European Commission. Eurobarometr. Public Opinion in the European Union. Report No. 53. Fieldwork. 2000, April—May. P. 1.

Тактической ошибкой 1990-х гг. стало введение единой валюты. Сложилась неразрешимая «противоречия между централизованным, причем не всегда последовательным денежно-кредитным регулированием и децентрализованной (национальной) экономической политикой»⁸. По мнению американского экономиста П. Кругмана, «введение в обиход евро снизило трансакционные издержки бизнеса и упростило и снизило риски трансграничных издержек, особенно в странах Южной Европы, где инвестиции считались рискованными, а норма процента была выше». Однако прилив капитала в эти недостаточно экономически развитые страны и быстрый рост зарплаты со временем «сделало эти страны непривлекательными для инвестиции, а их продукцию неконкурентноспособной, что привело к бегству капиталов, чрезмерному импорту, торговому дефициту и долгам»⁹.

Замысел создать конституцию для объединенной Европы оказался не самым удачным. Ее проект потерпел поражение на референдумах во Франции и Нидерландах в мае — июне 2005 г. Осенние опросы того же года показывали отсутствие привычной эйфории и в других странах. В Чехии, Швеции, Великобритании, Финляндии уровень поддержки ускоренной интерпретации был ниже 50 %. Только 22 % европейцев считали, что необходимо продолжить ратификацию Конституции вопреки всему. Практически половина (49 %) считали, что необходимо заново начинать переговорный процесс¹⁰.

Лиссабонский договор 2007 г. формально стал компромиссным выходом из сложившейся ситуации, хотя фактически он все же подстегнул евроинтеграцию. Прежде всего «значительное усиление роли такого института, как Европейский парламент, в процессе принятия решений увеличивает элемент наднациональности в Европейском Союзе и не только не способствует упрощению законодательной процедуры, но, напротив, усложняет ее»¹¹.

Главная стратегическая ошибка, которую совершил Евросоюз, это пренебрежительное отношение к проблеме иммиграции. Скрытое недовольство иностранцами из развивающегося мира было проявлено еще в 1990-е гг. В настоящее время по итогам опроса весны 2018 г. проблема иммиграции является ведущей (38 %), занимая первое место по значимости в 21 из 27 членов Евросоюза. К наиболее недовольным иммиграцией странам относятся Эстония (62 %), Чехия (58 %), Венгрия (56 %) ¹².

Другая ошибка, которую следует срочно исправлять — это экспансионистская политика судебных органов Евросоюза. Подобный курс вызывает большое

⁸ Варнавский В. Системный кризис Евросоюза: экономика vs политика // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 11. С. 43.

⁹ Роговский Е. А., Васильев В. С. Идеиные оправдания экономической политики Б. Обамы // США. Канада. Экономика, политика, культура. 2012. № 10. С. 63—64.

¹⁰ Eurobarometr 64. Public Opinion in the European Union First Results. 2005. October-November. P. 23—26. URL: <http://ec.europa.eu>.

¹¹ Мещерякова О. Н. Наднациональность в функционировании институтов Европейского Союза в контексте Европейского договора // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 6. С. 138.

¹² // URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2180>. P. 4, 6.



раздражение среди политиков и судей конкретных государств, а также среди населения. В настоящий момент более трети граждан относятся негативно к Европейскому Суду справедливости¹³.

В свое время Суд способствовал углублению сотрудничества внутри стран Европейского экономического сообщества «за счет так называемой негативной интеграции (т.е. снятия барьеров на пути свободного передвижения товаров через взаимное признание национальных норм стран-членов, а не через нормотворчество)»¹⁴.

Однако перенос в 1990-е гг. акцентов в деятельности Суда на гуманитарные вопросы привел его к достаточно неоднозначным решениям. «В основном не учитываются государственные интересы в двух категориях дел: 1) связанных с вмешательством в компетенцию стран-членов под предлогом защиты фундаментальных принципов европейского права и 2) относящихся к расширительной трактовке гражданства Евросоюза»¹⁵.

Так, в деле «Mangold v. Helm» (2005 г.), касавшемся решения спора о том, могут ли предприниматели в соответствии с германским законодательством предлагать работнику старше 52 лет срочный трудовой контракт, судьи вывели запрет на возрастную дискриминацию как принцип общеевропейского права, что не было должным образом юридически обосновано¹⁶. Это решение вызвало негативную реакцию в Германии. Неслучайно бывший Президент ФРГ и бывший председатель Конституционного Суда Р. Герцог и некоторые его коллеги выступили с лозунгом «Остановите Европейский Суд»¹⁷.

Показательным также является дело «Gerardo Riuz Zambrano v. Office national de L'emploi» (2011), связанное с супругами из Колумбии, которым было отказано в статусе беженцев в Бельгии. Примечательно, что после рождения детей на территории этой страны они стали претендовать на социальные выплаты и вид на жительство. Бельгийский суд, куда обратились приезжие, после консультационного запроса в Европейский Суд, с удивлением узнал, что иск колумбийцев, по мнению европейских судей, следует удовлетворить. Хотя эта пара не подпадала под норму о пересечении внутренних границ Евросоюза, зато в связи с рождением детей, ставших по факту гражданами Евросоюза, родители должны были получить разрешение на работу и вид на жительство.

Таким образом, Европейский Суд вмешался в компетенцию национальных властей регулировать вопрос гражданства и иммиграции и проигнорировал одну

¹³ Саломатин А. Ю. Деятельность Суда ЕС и европейское общественное мнение // Современная Европа. 2015. № 5. С. 24—25.

¹⁴ Романова Т. А. Институты Европейского Союза и процесс принятия политических решений : учебное пособие. СПб., 2018. С. 77.

¹⁵ Стратегия развития правосудия в условиях глобализации : монография / под ред. А. В. Малько, А. Ю. Саломатина. М., 2017. С. 109.

¹⁶ Mazak J., Moser M. K. Adjudication by Reference to General Principles of EU Law. A. Second Look at the Mangold Case Law // Judging Europe's Judges... / ed. by M. Adams, H. de Waele, J. Meeusen and G. Straetmans. Oxford and Portland, 2013. P. 61—86.

¹⁷ Hezgard R., Gerken L. Stopt der Europaischen Gerichtshof // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2008. 8.9.

из базовых норм Евросоюза, что его гражданство является только дополнительным к национальному гражданству¹⁸.

Решение по делу «Reuz Zambrano v. Officenationalde L'emploi (2011 г.) открыло шлязы для недобросовестной миграции, поскольку санкционировало предоставление разрешения на работу и вида на жительство супружеской паре с родившимся у них ребенком, которой ранее в этом было отказано национальным судом¹⁹.

В этой связи следует обратить внимание на недопустимость мифотворчества вокруг феномена европейского права (как и решений европейского Суда справедливости, его создающих). Нельзя не согласиться с позицией А. В. Клемина, что «нормы права ЕС хотя и международные, но не “общепризнанные”. Это нормы договорные — региональные, локальные, индивидуальные. Конституция ФРГ не наделяет их преимуществом перед законами ФРГ и не избавляет от ратификации»²⁰.

Евросоюз продемонстрировал свои особые стороны не только как организация, но и как совокупность отдельных стран-членов. Практически у каждой европейской страны за последние 5—10 лет возникли реальные трудности. О них попытались рассказать члены авторского коллектива монографии «Судьба Евросоюза и уроки для России»²¹.

Еврокомиссия 1 марта 2017 г. изложила пять возможных сценариев развития ЕС. Первый — «продолжение курса», второй — «только Единый рынок», третий — «кто хочет больше, делает больше», четвертый — «делать меньше более эффективно», и, наконец, пятый — «делать больше вместе». Фаворитом Брюсселя является сценарий номер 3. В то же время «А. Меркель симпатизирует комбинации из 3 и 4 сценариев... а Ж.-К. Юнкер предпочитает комбинацию из 3 и 5 сценариев»²². Спрашивается, а почему европейские лидеры отвергают самый разумный сценарий, т.е. сценарий номер 2, иными словами то, с чего начинался Евросоюз?!

Вообще если говорить о сценариях, то сразу возникает проблема лидерства. И здесь нам видятся следующие варианты:

Самая благоприятная ситуация — сохранение лидирующей роли Германии, что вовсе не predetermined в условиях усложнившейся внутривнутриполитической обстановки и международной турбулентности. Эта страна «испытывает немалые трудности в отношениях с остальными членами ЕС»²³.

¹⁸ *Schwarze J. Balancing EU Integration and National Interests in the Case Law of the Court of Justice // The Court of Justice and the Constitutional of Europe: Analysis and Perspectives of Sixty Years of Case Law. The Hague, 2013. P. 270.*

¹⁹ *Schwarze J. Op. cit. P. 270.*

²⁰ *Клемин А. А. ФРГ: соотношение международного и национального права // Современная Европа. 2017. № 2. С. 78.*

²¹ *Судьба Евросоюза и уроки для России : монография / под ред. А. Д. Гулякова, М. : Риор-Инфра-М, 2018.*

²² *Громыко Ал. А. Европейское исследование: дилеммы универсальности и уникальности // Современная Европа. 2017. № 2. С. 12—13.*

²³ *Федоров В. Германия: оптимизация Европы // Современная Европа. 2018. № 3. С. 10.*



Однако возможно более активное, чем сейчас двуединое германо-французское лидерство. Шансы для этого возросли после выхода Великобритании из Евросоюза. Вариант полного перехода лидерства к Франции маловероятен по причине ее недостаточной экономической мощи и несомненной непопулярности президента Э. Макрона.

Не исключена дальнейшая фрагментация Евросоюза, в котором усиливается конкуренция между различными центрами силы: восточноевропейским (во главе с Польшей), средиземноморским (во главе с Францией или Испанией). Польша вообще является опасным «троянским конем» для Евросоюза, поскольку ориентируется на США.

Возможность полной смены идеологической основы Евросоюза, т.е. ухода со сцены либерального политического истеблишмента и прихода патриотически-националистических сил, имеет небольшие шансы. Но даже если полного обновления управленческой элиты не произойдет, то патриотически-националистический лагерь все же будет оказывать более значимое влияние на дела Евросоюза. Более того, данный фактор будет сдерживать опасное форсирование евроинтеграции.

Потенциальные угрозы, разумеется, весомее для Евросоюза, чем для нашего Евразийского экономического союза. Внутри Евросоюза, представляющего собой очень сложную, бюрократическую конструкцию, плохо управляемую по причине избыточности и равновеликости его членов, возможный факт раскола чреват разрывом сложившихся экономических связей и, возможно, социально-экономическим коллапсом. У Евразийского экономического союза как организации более молодой и менее централизованной риски намного ниже и приемлемее.

Тем не менее лидерам и жителям Евразии тоже надо учиться на чужих ошибках. Управленческая структура Евразийского экономического союза отличается разумной достаточностью. Высший Евразийский экономический совет в составе глав государств или правительств пяти стран-членов является высшим наднациональным органом. Он, в частности, назначает членов коллегии Евразийской экономической комиссии, судей Суда Евразийского экономического союза.

Существует множество форм интеграционной деятельности в современном мире²⁴, но не следует торопиться с использованием наиболее зрелых, сложных среди них. Евразийский экономический союз согласно ст. 4 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. обеспечивает прежде всего 4 свободы: свободы продвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, а структура Евразийской экономической комиссии с ее 25 департаментами и более чем 20 консультативными комитетами исходит из стратегической задачи формирования только единых рынков и ничего более²⁵.

Возвращаясь к органам Евразийского экономического союза, следует отметить, что его Суд в составе 10 членов (по два представителя от каждого государства-члена) имеет строго очерченную компетенцию, простую и понятную структуру и не страдает экспансионистскими амбициями. Работа его в составе большой коллегии, Коллегии и Апелляционной палаты делает его функционирование эффективным²⁶.

²⁴ *Кашкин С. Ю., Четвертков А. О.* Интеграционное правосудие в современном мире: основные модели. М., 2014. С. 16—18.

²⁵ Евразийская экономическая комиссия // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

²⁶ Суд Евразийского экономического союза // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

При этом хотелось предостеречь судей от следования модели поведения Европейского Суда справедливости. Ведь «государства по-прежнему сами определяют пределы и условия юрисдикции создаваемых ими судов, а также устанавливают порядок исполнения решений этих Судов и, если они считают необходимым, меняют их юрисдикцию (или в крайнем случае могут даже прекратить их работу)»²⁷.

Очень хорошо, что деятельность Евразийского экономического Союза пересекается с работой другого, более географически масштабного, международно-интеграционного объединения — Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), страны-члены которой занимают 60 % территории Евразии, на их долю приходится половина населения планеты²⁸. Выдвигаемый ведущим лидером ШОС — Китаем проект Нового шелкового пути предусматривает использование пяти связующих элементов: политической согласованности, единой инфраструктуры, торговых связей, валютно-финансовых потоков, гуманитарного общения. Иными словами, Новый шелковый путь — это прежде всего торгово-инфраструктурный проект единого экономического пояса²⁹, речь опять-таки не идет о тотальном и жестком объединении всех сфер жизни стран-членов.

Самое же главное, не следует навязывать единые идеологические и культурные стандарты странам-членам. Это путь в никуда. Он ведет к краху интеграционных процессов.

Целесообразно вовремя и уважительно реагировать на мнение оппонентов, не пытаться их высмеивать, исходя из канонов пресловутой политкорректности, как это происходит с европейцами в рамках Евросоюза. Одновременно необходимо готовить кадры для интеграционных объединений через магистратуру и аспирантуру, например, как это делает МГЮА через Институт современного прикладного права³⁰.

В Пензенском государственном университете также накоплен определенный опыт преподавания магистерской программы «Правовая политика в Российской Федерации и странах Евросоюза»³¹, которую ее организаторы предлагают расширить за счет проблематики Евразийского экономического союза и ШОС.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Арбатова Н.* Кризис и Европейский Союз: политические аспекты // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2012. — № 11.
2. *Борко Ю. А.* От европейской идеи — к единой Европе. — М., 2003.

²⁷ *Исполинов А. С.* Евразийское правосудие: от Суда сообщества к Суду Союза // *Государство и право.* 2015. № 1. С. 82.

²⁸ Шанхайская организация сотрудничества // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

²⁹ Новый шелковый путь // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

³⁰ См.: *Пастухова Н. Б.* Евразийской интеграции принадлежит будущее // *Евразийский юридический журнал.* 2017. № 12 (115).

³¹ *Малько А. В., Саломатин А. Ю.* Об опыте реализации образовательной программы «Правовая политика в Российской Федерации и странах Евросоюза» // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2017. № 2. С. 148—152.



3. *Варнавский В.* Системный кризис Еврозоны: экономика vs политика // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2012. — № 11.
4. *Громыко Ал. А.* Европейское исследование: дилеммы универсальности и уникальности // *Современная Европа.* — 2017. — № 2.
5. *Исполинов А. С.* Евразийское правосудие: от Суда сообщества к Суду Союза // *Государство и право.* — 2015. — № 1.
6. *Кашкин С. Ю., Четвертков А. О.* Интеграционное правосудие в современном мире: основные модели. — М., 2014.
7. *Клемин А. А.* ФРГ: соотношение международного и национального права // *Современная Европа.* — 2017. — № 2.
8. *Маастрихтский договор: трудности ратификации, поиск решений, перспективы.* Доклады Института Европы. — М., 1994.
9. *Малько А. В., Саломатин А. Ю.* Об опыте реализации образовательной программы «Правовая политика в Российской Федерации и странах Евросоюза» // *Правовая политика и правовая жизнь.* — 2017. — № 2.
10. *Медведев Л. А., Синдеев А. А.* Создание Европейского Союза. 1980—1990-е годы // *История западноевропейской интеграции (1940—1990-е годы).* — Тверь, 1999.
11. *Мещерякова О. Н.* Наднациональность в функционировании институтов Европейского Союза в контексте Европейского договора // *Известия высших учебных заведений.* — Правоведение. — 2011. — № 6.
12. *Роговский Е. А., Васильев В. С.* Идеиные оправдания экономической политики Б. Обамы // *США. Канада. Экономика, политика, культура.* — 2012. — № 10.
13. *Романова Т. А.* Институты Европейского Союза и процесс принятия политических решений : учебное пособие. — СПб., 2018.
14. *Саломатин А. Ю.* Всемирная история государства и государственного управления. — М., 2013.
15. *Саломатин А. Ю.* Деятельность Суда ЕС и европейское общественное мнение // *Современная Европа.* — 2015. — № 5.
16. *Стратегия развития правосудия в условиях глобализации : монография / под ред. А. В. Малько, А. Ю. Саломатина.* — М., 2017.
17. *Суд_Евразийского_экономического_союза* // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Суд_Евразийского_экономического_союза
18. *Судьба Евросоюза и уроки для России : монография / под ред. А. Д. Гулякова.* — М. : Риор-Инфра-М, 2018.
19. *Федоров В.* Германия: оптимизация Европы // *Современная Европа.* — 2018. — № 3.
20. *Hezgard R. Gerken L.* Stoptder Europaischen Gerichtshof // *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* — 2008. — 8.9.
21. *Mazak J., Moser M. K.* Adjudication by Reference to General Principles of EU Law. A. Second Look at the Mangold Case Law // *Judging Europe’s Judges...* / ed. by M. Adams, H. de Waele, J. Meeusen and G. Straetmans. — Oxford and Portland, 2013.
22. *Schwarze J.* Balancing EU Integration and National Interests in the Case Law of the Court of Justice // *The Court of Justice and the Constitutional of Europe : Analysis and Perspectives of Sixty Years of Case Law.* — The Hague, 2013.

ШВЕЙЦАРИЯ И ИНДИЯ КАК ПОЛЯРНЫЕ МОДЕЛИ ЭТНИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)¹

Аннотация. Этнический фактор имеет важное значение в развитии федерализма. Основополагающими элементами здесь являются этнолингвистическая архитектура и культурно-религиозная структура. Швейцария и Индия — полярные модели этнического федерализма. Швейцарскую модель федерализма следует охарактеризовать в качестве кантонально-общинной. Швейцария, имея в своем составе 26 кантонов и полиэтничный состав населения, сумела избежать этнического сепаратизма. Государство, обладающее многовековым опытом в примирении лингвистических и культурных различий, является одним из наиболее благополучных вариантов федерации. Индийскую модель необходимо охарактеризовать в качестве постколониального высокоцентрализованного федерализма. Государство, состоящее из 28 самоуправляемых штатов и 7 союзных территорий центрального подчинения, является мультиэтничным, конфессионально конфликтогенным. Индия обладает уникальным этническим, языковым и конфессиональным составом населения.

Ключевые слова: этнический федерализм, этнолингвистическая архитектура федерации, стержнеобразующая национальная опора, культурно-религиозная структура федерации, территориально-административное строение федерации, кантонально-общинный федерализм в Швейцарии, постколониальный, высокоцентрализованный федерализм в Индии, сравнительный федерализм.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.155-162



**Алексей
Юрьевич САЛОМАТИН,**
заведующий кафедрой
теории государства
и права
и политологии Пензенского
государственного
университета,
член корреспондент
Международной академии
сравнительного права,
доктор юридических наук,
доктор исторических наук,
профессор
valeriya_zinovev@mail.ru
440026, Россия, г. Пенза,
ул. Красная, д. 40

А. С. КОРЯКИНА,
магистрант Пензенского
государственного
университета
valeriya_zinovev@mail.ru
440026, Россия, г. Пенза,
ул. Красная, д. 40

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Этнический фактор в развитии федеративных государств: мировой и российский опыт (сравнительное историко-государствоведческое и историко-правовое исследование)». Заявка № 20-011-00341.

© А. Ю. Саломатин,
А. С. Корякина, 2020

A. Y. SALOMATIN,

*Chief of the Department for Theory of State and Law and Political Science,
 Head of Research and Education Centre for Comparative Legal Policy,
 Penza State University, Sc.D. in Law, Sc.D. in History, Professor*
valeriya_zinovev@mail.ru
 440026, Russia, Penza, ul. Krasnaya, 40

A. S. KORIAKINA,

Master of Penza State University
valeriya_zinovev@mail.ru
 440026, Russia, Penza, ul. Krasnaya, 40

SWITZERLAND AND INDIA AS DIFFERENT MODELS OF ETHNIC FEDERALISM

Abstract. *The ethnic factor is important in the development of federalism. ethno-linguistic architecture and cultural-religious structure are the main elements. Switzerland and India are different models of ethnic federalism. The Swiss model of federalism is cantonal-communal. Switzerland consists of 26 cantons; there is a multi-ethnic composition of the population. Switzerland escaped ethnic separatism. The state has centuries of experience in reconciling linguistic and cultural differences. The Indian model is postcolonial. The state is multi-ethnic. Indian federalism is highly centralized. India has a unique ethnic, linguistic and religious composition.*

Keywords: *Ethnic federalism, ethnolinguistic architecture of the federation, the core-forming national core, cultural and religious structure of the federation, territorial and administrative structure of the federation, cantonal communal federalism in Switzerland, post-colonial, highly centralized federalism in India, comparative federalism.*

Этнический фактор сыграл огромную роль в развитии государств. Миграция народов по нашей планете, постоянно усложняя ее этническую карту, происходила с самых ранних моментов человеческой истории, а огромные империи древности и Средневековья умело и жестко интегрировали многочисленные этносы в единое целое.

Появление первых федераций дало шанс на более деликатное решение этнических противоречий в рамках сложносоставной, двухуровневой государственности². Швейцария стала первым федеративным государством в Европе, которое родилось на фундаменте смягчения этнических, языковых и религиозных различий. Оборонительный союз лесных кантонов Ури, Швиц, Унтервальден (1291 г.)

² Саломатин А. Ю., Сеидов Ш. Г. Этнический фактор в развитии федерации (политолого-государствоведческий очерк на примере США, Канады, России) // Многосоставные государства: опыт и перспективы развития : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. Д. Гулякова. Пенза, 2019. С. 64—69.

был, по сути, примитивным конфедеративным объединением, к которому очень быстро присоединились другие члены — Обвальден (1315 г.), Люцерн (1332 г.), Цюрих (1351 г.), Гларус, Цуг (1352 г.). К началу XVI в. союз состоит уже из 13 членов, и он в результате успешной войны с герцогом Бургундским, Карлом Смелым в 1476—1477 г. становится реальной силой в европейской политике.

В то же время с началом Реформации швейцарские земли не избежали религиозного раскола. Если проповедь радикальных протестантских взглядов Цвингли находит поддержку в Берне, Базеле и Шафхаузене, то центральные кантоны Ури, Швиц, Унтервальден, Люцерн, Цуг сохраняют верность католицизму.

Острые религиозные противоречия стали причиной двух межкантональных войн. В ходе первой Вильмергенской войны (1656 г.) победу одержали католические кантоны, что позволило сохранить статус-кво во внутрисоюзных отношениях. Во второй Вильмергенской войне (1712 г.) счастье улыбнулось протестантским кантонам, которые получили в Конфедерации контроль над совместно управляемыми территориями, но основы союза при этом остались прежними — с широчайшей автономией за участниками.

После недолгого господства наполеоновской Франции над Швейцарией по решению Венского конгресса в 1814 г. к ней были присоединены три франкоязычных кантона — Вале, Невштател, Женева. За страной, в состав которой входили 22 кантона, был призван нейтральный статус, но союз «страдал от бессилы центральной власти». «Кантоны сделались слишком независимыми» и давали своим депутатам на общешвейцарском сейме, заседавшем попеременно в Цюрихе, Берне, Люцерне, «инструкции, прямо противоположные одна другой»³.

Июльская революция 1830 г. во Франции оказала влияние на многие европейские страны, в том числе и на соседнюю Швейцарию, где в течение нескольких месяцев 12 кантонов изменили свои конституции, отодвинув от власти аристократию. При этом политические споры переплелись с религиозными: либералам-протестантам противостояли консерваторы-католики, которые для защиты своих интересов сформировали союз 7 кантонов — Зондербург. Под предлогом подавления «бунта» либералы в ходе 25-дневной кампании одержали военную победу и поспешили разработать Конституцию (1848 г.) и оформить новое государственное устройство в виде децентрализованной федерации.

В этом документе нигде прямо не упоминалось об этнолингвистических и культурно-религиозных противоречиях. Государство было структурировано по чисто территориально-административному принципу. Но существенные различия между кантонами, их вековые традиции автономии не позволили создать ни централизованную федерацию, ни тем более унитарное государство. В Швейцарии на рубеже XIX—XX вв. при населении 3,5 млн человек примерно 60 % населения составляли протестанты, 40 % — католики. Почти полностью католическими были Люцерн, Фрейбург, Тичино, Вале, и полностью протестантскими Цюрих, Берн, Базель. «Однако в половине кантонов католики и лютеране перемешаны почти в одинаковой пропорции»⁴. В Швейцарии 100 лет назад не было и этнолингви-

³ Эдамс, Коннигем. Швейцария и ее учреждения. СПб. : Типогр. С. В. Воллянского, 1893. С. 23.

⁴ Мижухев П. Г. Главные федерации современного мира. СПб., 1907. С. 78.



стического единообразия. В 15 кантонах родной язык преобладающей части населения — немецкий, в 5 кантонах — французский, в одном — итальянский и в одном — ретророманский.

К настоящему времени Швейцария сохранила свою прежнюю этнолингвистическую архитектуру, базирующуюся на четырех основах (см. схему 1)⁵. В этой системе оба ведущих этноса — немецкоговорящие швейцарцы и франкоязычные швейцарцы — являются стержнеобразующими (на их долю приходится 84 % населения). В 22 кантонах существует единственный официальный язык, в трех кантонах признано двуязычие, в одном кантоне — трехязычие.

Схема 1

Этнолингвистическая архитектура Швейцарии

Немецкоязычные швейцарцы, 65 % (немецкий язык является официальным в кантонах)	Франкоязычные швейцарцы, 18 % (французский язык является официальным в кантонах)	Италияязычные швейцарцы, 10 % (итальянский язык является официальным в кантонах)	Ретророманцы, 1 % (ретророманский язык является официальным в кантоне)
Аппенцель-Аусерроден, Аппенцель-Иннерроден, Аргау, Базель-Ланд, Базель-Штадт Берн, Вале, Гларус, Граубюнден, Золотурн, Люцерн, Нидвальден, Обвальден, Санкт-Галлен, Тургау, Ури, Фрибур, Цуг, Цюрих, Шаффхаузен, Швиц	Берн, Вале, Во, Женева, Фрибур, Юра, Невшатель	Граубюнден, Тичино	Граубюнден

В Швейцарии также мирно уживаются представители различных религиозных конфессий, главными среди которых являются католики (42 %) и протестанты (33 %). Среди прочих конфессий — мусульмане (4 %), православные (2 %), они проживают преимущественно в крупных агломерациях. Отношения между религиозными общинами и государством определяются кантональными конституциями, но свободу вероисповедания гарантирует федеральная Конституция, что обеспечивает культурно-религиозную гармонию в государстве.

В то же время границы кантонов (за исключением образованного в 1977 г. франкоязычного кантона Юра) никогда не формировались на основе этнолингвистического принципа. В конституционно-правовом отношении Швейцария не придерживается ни германского этнократического принципа (государство принадлежит нации, его создавшей), ни французского принципа политического гражданства. Это государство, образованное людьми различных кантонов, которое

⁵ Этнический состав Швейцарии // URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/216823/umfrage/ethnien-in-der-schweiz/> (дата обращения: 16.01.2020).

пытается найти компромисс между этничностью и гражданственностью в государственном строительстве⁶.

Индийскую модель федерализма следует охарактеризовать как успешную постколониальную. Мультиэтничное государство с высокоцентрализованным федерализмом продемонстрировало приверженность демократии и поступательность развития.

На субконтиненте Индостан, расположенном в трех климатических зонах, во все исторические эпохи централизованное государство было редкостью. Видимо, не смогли создать единую систему управления и британские колонизаторы: при них наряду с колониальными анклавами существовали также свыше пяти сотен полунезависимых княжеств, занимавших 40 % территории субконтинента⁷.

Территориально-административная «чересполосица», несомненно, затруднила процесс государственного строительства в момент предоставления независимости в 1947 г. Но в еще большей степени его осложнили исключительная мультиэтничность и особенные межконфессиональные противоречия между индусами и мусульманами. В конце концов исламские политики настояли на создании своего, особого государства Пакистан, что вызвало необходимость массовых перемещений и человеческие жертвы в межконфессиональных столкновениях (от 200 тыс. до 2 млн человек, по разным оценкам). Само же индийское государство трактовалось не как обычная федерация, а как «семья, члены которой, обретая впервые свой собственный дом, должны выработать взаимоприемлемые нормы общежития»⁸.

На конституционном уровне этнические и языковые группы не выступают в качестве субъектов права на самоуправление, но вправе сохранять письменность и культуру. В силу Конституции каждый штат имеет право устанавливать официальные языки, несмотря на то, что на территории государства в качестве официального языка провозглашен хинди. В рамках каждого штата существует этнолингвистическая автономия⁹.

Индийское государство изначально строилось как асимметричное образование: 27 штатов делились на 4 категории, из которых только штаты группы А не управлялись центральным правительством¹⁰. В дальнейшем с 1956 г. сложное деление было упразднено, штатов стало 14, а союзных территорий, управляемых из центра, оказалось 6. Но самое главное — началось этнолингвистическое упорядочение территориально-административных единиц, в ходе которого центр шаг за шагом шел навстречу пожеланиям крупных этносов.

⁶ *Fleiner T.* The current situation of federalism in Switzerland // *Revisad 'Estudis Autonomics i Federals.* No. 9. October 2009. P. 74—75.

⁷ *Девяткина Т. Ф.* Ликвидация княжеств в современной Индии. М., 1961. С. 7—8.

⁸ *Austin J.* The Indian Constitution: Cornerstone of a Nation. Bombay : Oxford Univ. Press, 1966. P. 186, 192.

⁹ *Tillin L.* United in Diversity? Asymmetry in Indian Federalism // *Publius.* 2007. Vol. 37. No. 1. P. 45—67.

¹⁰ *Семенова Н. И.* Изменения в структуре индийского союза в 60—70-е годы // *Индия — союз штатов. Проблемы политического и социально-экономического развития.* М., 1981. С. 7.



Между тем, этнолингвистическая архитектура Индии отличается крайней сложностью. Здесь проживают четыре коренные этнические группы, как в Швейцарии, носители свыше 1 000 языков и наречий (см. схему 2)¹¹.

Схема 2

Этнолингвистическая архитектура Индии

Английский язык как инструмент постколониального коммуникационного направления			
Носители Хинди как консолидирующая этнолингвистическая сила на Севере и в масштабах страны			
Крупнейшие этнолингвистические анклавы, млн чел.			
Хиндустанцы, 265	Бенгальцы, 225	Пенджабцы, 115	Бихарцы, 115
Тамилы, 70—80	Маратхи, 70—80	Телугу, 70—80	Гуджаратцы, 55

Официальное моноязычие царит в 11 штатах, 15 штатов являются двуязычными, 2 штата — трехязычными. Среди 9 союзных территорий официально моноязычие признается на одной из них, остальные являются двуязычными, трехязычными, четырехязычными и даже шестизязычными (территория Понддичерри).

Консолидирующей силой для всей страны является язык хинди, который признается официальным во всех 28 штатах (в 11 штатах он является единственным официальным языком). Однако наличие подобной консолидирующей силы не способно предотвратить чрезвычайную подвижность внутренних территориально-административных границ в стране. После официального размежевания в 1956 г. через 3 года были изменены границы штатов Уттар Прадеш, Андхра Прадеш, Мадрас. В 1960 г. штат Бомбей был разделен на штаты Махараштра и Гуджарат, в 1966 г. из штата Панджаб был выделен штат Хариана.

Во второй половине 1960-х гг. реорганизация коснулась менее развитых, периферийных северо-восточных районов, населенных представителями иной, тибето-бирманской группы языков. В результате «сегодня политическая карта северо-востока скорее напоминает лоскутное одеяло из семи штатов, большинство которых выделилось из территории Ассам»¹².

В XX столетии процесс образования новых штатов продолжался. Так, в 2000 г. были учреждены три новых штата — Чхаттисгарх, Уттарханд, Джаркханд, что «было основано на принципиально новом социально-экономическом подходе политико-территориальной реорганизации государства»¹³. Иными словами эт-

¹¹ Сайт официальной статистической информации о результатах переписи населения в Индии // URL: http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_Data_Online/Language/Statement1.aspx (дата обращения: 10.01.2020).

¹² Индия: страна и ее регионы / отв. ред. Е. Ю. Ванина. М. : УРСС, 2004. С. 112.

¹³ Кузнецова С. С. Этнические и экономические аспекты индийского федерализма и их отражение в конституционном праве // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 4. С. 42.

нолингвистическими лозунгами инициаторы новой территориальной единицы маскировали социально-экономический интерес.

Аналогичной была история с учреждением выделенного из штата Андхра-Прадеш нового штата Телангана в 2014 г. Путем давления на центральную власть демонстранты добились создания новой территориальной единицы, столицей которой должен стать процветающий Хайдарабад — столица нового, прежде единого штата. Все это вызывает справедливое опасение, что «Индия в конечном счете пойдет по пути Югославии». По некоторым оценкам «удовлетворение всех чаяний различных национально-этнических групп может привести к формированию по меньшей мере 20 новых штатов»¹⁴.

С другой стороны, существует мнение, что дробление штатов Индии по национально-лингвистическому принципу соответствует интересам федерального центра, поскольку общеиндийскому правительству легче иметь дело «с небольшими субъектами федерации, сознающими бесперспективность и бессмысленность стремления к полной независимости»¹⁵.

В Индии, в отличие от Швейцарии, культурно-религиозная структура характеризуется более сильным доминированием ведущей религии. Индусы составляют 82 % населения, в то время как мусульмане только 12 %, сикхи — 2 %, христиане — 2 %¹⁶. При этом, хотя религиозная принадлежность населения официально не влияет на статус субъектов, фактические религиозные противоречия время от времени дают о себе знать. Религиозный фактор играет значимую роль в партийно-политической жизни, особенно на уровне субъектов, где действует большое число партий, является наряду с этнолингвистическими различиями провоцирующей силой внутривнутриполитической нестабильности.

* * *

Подведем некоторые итоги. В динамическом и статистическом режиме федерализм целесообразно описывать через некоторые модели.

А. Д. Гуляков впервые описал структуру этих моделей, которые включают в себя факторы, оказавшие влияние на их формирование, этапы развития и существенные характеристики¹⁷.

Однако в развитии федерализма следует выделить еще один очень важный аспект — этнический. Поэтому, видимо, следует дополнительно ввести такое понятие, как этническая модель федерализма. Ее составными элементами должны стать собственно этнолингвистическая архитектура и культурно-религиозная структура.

¹⁴ Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке : монография / М. С. Саликов, М. В. Гончаров, С. С. Кузнецова [и др.] ; под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2014. С. 135—136.

¹⁵ Этничность. Культура. Государственность. С. 136.

¹⁶ Яковлев А. Ю. Этнос и политика в Индии // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 1. С. 294—307.

¹⁷ Гуляков А. Д. Федерализм: механизм возникновения и основные направления развития (историко-государствоведческое исследование). М. : Риор, 2019. С. 43.



Для Швейцарии и Индии эти две составляющие оказались совершенно разными. Так, если небольшая страна в центре Европы на основе децентрализованной кантонально-общинной модели смогла путем демократического компромисса реализовать этнолингвистические и религиозно-культурное разнообразие, то для исключительного многообразия этносов и острого культурно-религиозного конфликта на Индостанском субконтиненте потребовалась высокоцентрализованная постколониальная модель сдерживания.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гуляков А. Д. Федерализм: механизм возникновения и основные направления развития (историко-государствоведческое исследование). — М. : Риор, 2019.
2. Девяткина Т. Ф. Ликвидация княжеств в современной Индии. — М., 1961.
3. Индия: страна и ее регионы / отв. ред. Е. Ю. Ванина. — М. : УРСС, 2004.
4. Кузнецова С. С. Этнические и экономические аспекты индийского федерализма и их отражение в конституционном праве // Российское право: образование, практика, наука. — 2016. — № 4.
5. Мижухев П. Г. Главные федерации современного мира. — СПб., 1907.
6. Саломатин А. Ю., Сеидов Ш. Г. Этнический фактор в развитии федерации (политолого-государствоведческий очерк на примере США, Канады, России) // Многосоставные государства: опыт и перспективы развития : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. Д. Гулякова. — Пенза, 2019.
7. Семенова Н. И. Изменения в структуре индийского союза в 60—70-е годы // Индия — союз штатов. Проблемы политического и социально-экономического развития. — М., 1981.
8. Эдэмс, Коннигем. Швейцария и ее учреждения. — СПб. : Типогр. С. В. Воллянского, 1893.
9. Этничность. Культура. Государственность. Проблемы этнического федерализма в XXI веке : монография / М. С. Саликов, М. В. Гончаров, С. С. Кузнецова [и др.] ; под ред. М. С. Саликова. — Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2014.
10. Яковлев А. Ю. Этнос и политика в Индии // Социально-гуманитарные знания. — 2011. — № 1.
11. Austin J. The Indian Constitution: Cornerstone of a Nation. — Bobamy : Oxford Univ. Press, 1966.
12. Fleiner T. The current situation of federalism in Switzerland // *Revista de Estudios Autonomos e Federais*. — October 2009. — No. 9.
13. Tillin L. United in Diversity? Asymmetry in Indian Federalism // *Publius*. — 2007. — Vol. 37. — No. 1.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ МЕСТНЫХ ВЛАСТЕЙ В СТРАНАХ — ЧЛЕНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы административного (государственного) контроля за деятельностью местных властей в странах — членах Европейского Союза. Автор подчеркивает важность подобного контроля для обеспечения должного функционирования публичных учреждений, в том числе и на местном уровне. Значимость административного контроля определяется также стремлением к соблюдению принципа равенства и поддержанию определенных минимальных стандартов оказываемых населению услуг независимо от места проживания.

Административный контроль в конечном итоге выступает в качестве некоего противовеса тем достаточно широким правам, которые предоставлены местным сообществам в демократических странах. Государственный контроль над местным управлением приобретает дополнительное значение также в свете усиливающейся интеграции в странах — членах Европейского Союза, где субнациональным властям приходится реализовывать общеевропейское законодательство. Раскрывая механизмы подобного контроля, автор подчеркивает важность соблюдения общих демократических принципов при его осуществлении. Иначе реализация государственных контрольных полномочий может превратиться в инструмент избыточной централизации власти, средство подавления местной инициативы и самостоятельности муниципальных органов.

Ключевые слова: государство, местные власти, административный контроль, европейское законодательство, Европейская хартия местного самоуправления, принцип равенства, институт омбудсмена, роспуск местного совета.



**Александр Игоревич
ЧЕРКАСОВ,**

ведущий научный
сотрудник сектора прав
человека
Института государства
и права РАН,
кандидат юридических
наук, доцент
aligorch@yandex.ru
119019, Россия, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.163-169

A. I. CHERKASOV,

Leading Research Fellow, Human Rights Department
of the Institute of State and Law, RAS, PhD
aligorch@yandex.ru
119019, Russia, Moscow, ul. Znamenka, 10

ADMINISTRATIVE CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF LOCAL AUTHORITIES IN THE COUNTRIES-MEMBERS OF THE EUROPEAN UNION

Abstract. The article deals with problems of administrative (state) control over the activities of local authorities in the countries — members of the European Union. The author stresses the importance of such control for securing

© А. И. Черкасов, 2020

the proper functioning of public bodies, including those at the local level. The significance of administrative control is also determined by the commitment to the principle of equality and the maintenance of certain minimum standards of services rendered to the population irrespective of the place of living. Administrative control in the final result acts as a kind of a counterweight to those fairly broad rights that have been given to local communities in democratic countries. The state control over local government acquires additional importance also in the light of the increasing integration in the countries — members of the European Union, where sub-national authorities have to implement European legislation. The author reveals the mechanisms of such control and stresses the importance of observance of common democratic principles while performing it. Otherwise the implementation of state control prerogatives may be turned into the instrument of excessive centralization of power, the means of suppression of local initiative and municipal bodies' autonomy.

Keywords: *the state, local authorities, administrative control, European legislation, European Charter of Local Self-Government, the principle of equality, the institute of ombudsman, dissolution of the local council.*

Административный (государственный) контроль в самом широком смысле необходим для обеспечения должного функционирования публичных учреждений, в том числе и на местном уровне. Его значимость определяется также стремлением к соблюдению принципа равенства и поддержанию определенных минимальных стандартов оказываемых населению услуг на территории всего государства.

Дополнительное значение государственный контроль над местным управлением приобретает в странах — членах Европейского Союза, где усиливаются интеграционные процессы и где субнациональным властям приходится реализовывать общеевропейское законодательство. Как отмечает профессор европейского права и консультант министерства внутренних дел Нидерландов Б. Хессел, именно центральное правительство несет конечную ответственность (в том числе и финансовую) перед всем европейским сообществом за возможные ошибки субнациональных органов власти. Поэтому государство должно обладать «достаточными механизмами контроля над местными и региональными властями», позволяющими «обеспечивать своевременное исправление допускаемых ошибок»¹.

В прошлом государственный контроль за деятельностью местных властей в европейских странах осуществлялся в основном посредством так называемой «административной опеки», предполагавшей вступление в силу решений местных органов власти лишь после их одобрения соответствующими государственными надзорными инстанциями. Отказ в таком одобрении был возможен по соображениям как законности, так и целесообразности. В настоящее время административ-

¹ *Hessel B. European Integration and the Supervision of Local and Regional Authorities: Experience in the Netherlands with the Requirements of European Community Law // Utrecht Law Review. Utrecht, 2006. Vol. 2. Is. 1. P. 91.*

ная опека сменяется административным контролем, в рамках которого решения местных властей по вопросам их собственной (автономной) компетенции могут быть оспорены лишь по мотивам законности в судебном порядке². Как отмечается в задавшем соответствующие ориентиры п. 2 ст. 8 Европейской хартии местного самоуправления 1985 г., «любой административный контроль за деятельностью органов местного самоуправления должен, как правило, иметь целью соблюдение законности и конституционных принципов»³.

Ориентированные на Европейскую хартию местного самоуправления положения, ограничивающие контрольные полномочия центральных властей, стали появляться и в европейских конституциях. Так, согласно п. 4 ст. 102 современной редакции Конституции Греции 1975 г. государственный контроль над местными органами власти «должен ограничиваться исключительно контролем за законностью и не может препятствовать их инициативе и свободе действий»⁴.

Правда, не во всех странах — членах Европейского Союза государственный контроль над местными властями в сфере их собственной компетенции ограничивается контролем за законностью. Нидерланды, например, воспользовались гарантированной для участников Европейской хартии местного самоуправления возможностью не считать себя связанными отдельными положениями Хартии и сделали соответствующую оговорку применительно к п. 2 ст. 8, ограничивающему государственный контроль над местным самоуправлением.

Неудивительно, что ст. 132 Конституции Королевства Нидерландов 2008 г. устанавливает достаточно широкие основания для осуществления государственного контроля за деятельностью местных властей⁵. Так, пункт 3 данной статьи закрепляет возможность предварительного контроля за решениями органов провинций и муниципалитетов, а п. 4 — возможность отмены данных решений указом монарха в случае их противоречия не только закону, но и публичным интересам.

Общий административный контроль над местными властями обычно осуществляется центральным правительством и (или) правительством соответствующего субъекта федерации (в лице, как правило, одного или нескольких министерств). Так, в Ирландии этими органами преимущественно ведает министерство жилищного строительства, планирования и местного управления (ранее оно неоднократно переименовывалось), в Норвегии — министерство местного управления и регионального развития, в Латвии — министерство окружающей среды и регионального развития. Чаще всего подобный контроль осуществляется министер-

² В сфере делегированной компетенции надзор со стороны государственных инстанций может быть более жестким и допускать возможность контроля с точки зрения не только законности, но и целесообразности.

³ См.: European Charter of Local Self-Government // European Charter of Local Self-Government and Explanatory Report. Strasbourg, 2010.

⁴ Greece's Constitution of 1975 with Amendments through 2008 // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Greece_2008.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

⁵ The Constitution of the Kingdom of the Netherlands 2008 // URL: <https://www.government.nl/documents/regulations/2012/10/18/the-constitution-of-the-kingdom-of-the-netherlands-2008> (дата обращения: 22.11.2019).



ством внутренних дел, как, например, во Франции, Италии, Нидерландах, Чехии и ряде других европейских государств.

Контрольные функции могут осуществляться и отдельными подразделениями центральных министерств. Так, в Греции в 2010 г. в рамках Министерства внутренних дел и публичной администрации была создана специальная контрольная служба, осуществляющая надзор за законностью действий местных властей. Возглавляется данная служба так называемым «аудитором законности», и в ее состав входят гражданские служащие, имеющие определенный опыт деятельности в сфере юриспруденции и экономики.

При наличии в той или иной стране регионального (среднего) уровня управления определенные контрольные полномочия по отношению к нижестоящему уровню могут осуществляться и региональными властями. Так, в Чехии в случае принятия муниципальными властями в сфере собственной компетенции акта, противоречащего закону, Министерство внутренних дел обращается к соответствующему местному совету с требованием исправить ситуацию в течение 60 дней с момента получения им такого обращения. При отсутствии должной реакции со стороны местного совета Министерство приостанавливает действие соответствующего акта и передает дело в Конституционный суд, который вправе этот акт отменить.

В сфере делегированной компетенции контроль осуществляется краевыми властями и носит более жесткий характер. Принимаемые в этой сфере акты (либо какие-либо иные решения или действия) муниципального совета «не должны противоречить не только закону, но и любым иным правовым актам или же директивам центральных административных органов»⁶. Если муниципалитет не исправит ситуацию в течение 60 дней с момента получения им соответствующего обращения, данный акт (либо решение или действие) отменяется краевыми властями.

В Дании Министерство внутренних дел осуществляет общий контроль лишь за деятельностью органов управления региональных территориальных единиц — амтов (округов). Муниципальные советы здесь контролируются специально образуемым органом — окружной контрольной комиссией. Последняя возглавляется префектом округа — амтсманом, а четыре других ее члена избираются из числа окружных советников. Аналогичные контрольные функции осуществляются также окружными административными советами в Швеции.

Центральные министерства также издают разнообразные инструкции и циркуляры, которые являются как средством контроля над местными властями, так и определенным инструментом их поддержки. Подобными актами обычно устанавливаются стандарты местных служб, дается толкование законодательства, разъясняется правительственная политика в тех или иных сферах. Большинство таких циркуляров не содержит директивных предписаний, а носит лишь рекомендательный характер. Как отмечает шведский исследователь О. Петерссон, «направляющая роль государства реализуется в настоящее время не столько посредством детальных инструкций и предписаний, сколько с помощью установления базовых ориентиров»⁷.

⁶ Local Government in Europe: The Fourth Level in the EU Multilayered System of Governance / ed. by C. Panara, M. Varney. L., 2013. P. 63.

⁷ Петерссон О. Шведская система правления и политика. М., 1998. С. 122.

Более активно деятельность местных органов власти направляется правительством Нидерландов, имеющих, как уже отмечалось, определенную специфику в сфере административного контроля. Степень императивности правительственных указаний здесь является предметом определенных дискуссий. Высказывается, в частности, точка зрения, согласно которой правительственные инструкции и циркуляры не являются «правом», и поэтому невыполнение содержащихся в них указаний не должно влечь за собой автоматическое наказание местных властей. Практика, однако, показывает, что правительственные наставления лучше все-таки соблюдать, иначе соответствующие действия местных властей могут быть квалифицированы как противоречащие «публичным интересам» и в итоге отменены указом монарха⁸.

Возможно, и осуществление контроля над местными органами власти со стороны определенных правительственных ведомств (агентств). В Швеции, например, подобными агентствами являются Национальный совет по здравоохранению и благосостоянию, а также Национальное агентство по образованию. Данные агентства, как и окружные административные советы, не вправе объявлять решения местных властей недействительными, но они могут в определенных случаях инициировать их судебный пересмотр или же накладывать на местные власти финансовые санкции. Они также вправе проинформировать правительство относительно обнаруженных упущений в контролируемой ими сфере деятельности.

Законодательство отдельных государств (например, Скандинавских стран) предусматривает осуществление контроля над определенными сферами деятельности местных властей, и в первую очередь финансовой, специальными контролерами (омбудсманами). Подобные контролеры обычно вправе ставить вопрос об ответственности должностных лиц муниципалитетов за неправильное исполнение финансово-бюджетных и некоторых иных полномочий.

В Швеции, например, такие контролеры именуется ревизорами. Их статус достаточно подробно урегулирован Законом о местном управлении 1991 г.⁹ Ревизоры избираются местными представительными органами (собраниями уполномоченных) сроком на четыре года¹⁰. Они имеют право истребовать у местных исполнительных органов власти все необходимые документы, лично присутствовать на заседаниях комитетов местной администрации, знакомиться с финансовыми счетами и отчетами, балансовыми ведомостями и делать по ним замечания. При этом «проверка ревизоров распространяется не только на финансовые вопросы», поскольку «в соответствии с принятыми стандартами ревизионная служба должна проверять все аспекты деятельности в рамках своей компетенции», включая проверку целесообразности и удовлетворительности ведения дел с хозяйственной точки зрения, достоверности отчетности и т.п.¹¹

За ненадлежащее выполнение местными властями своих функций законодательство обычно устанавливает конкретные санкции. Возможно, в частности,

⁸ См.: Local Government in Europe. P. 245.

⁹ Local Government Act 1991: 900 // URL: <http://www.regeringen.se/content/1/c4/06/96/34cb7541.pdf> (дата обращения: 27.10.2019).

¹⁰ На аналогичный срок избираются и заместители ревизоров.

¹¹ Моргунова М. А. Государственное право Швеции. М., 2009. С. 347—348.



отстранение от должности глав местной администрации, а также отдельных муниципальных служащих; на них могут быть наложены взыскания; те или иные полномочия муниципальных органов могут быть переданы различным специализированным организациям, а также на вышестоящий уровень и т.д. С местных властей может быть взыскан ущерб, вызванный невыполнением либо ненадлежащим выполнением своих полномочий. Возможно и лишение их правительственных субсидий.

Согласно, например, Закону об общинах германской земли Баден-Вюртемберг, если община не выполняет возложенные на нее законом обязанности, земельные органы правового надзора вправе издать распоряжение о том, чтобы община в разумные сроки приняла необходимые меры (§ 122)¹². В противном случае «указанные органы могут сами выполнить это распоряжение вместо общины и за счет общины или поручить его выполнение третьему лицу» (§ 123). Если же «управление общиной в значительной мере не соответствует предъявляемым к управлению законным требованиям» и полномочия органов правового надзора, предусмотренные данным Законом, «недостаточны для обеспечения надлежащего управления общиной, органы правового надзора могут назначить уполномоченного, который выполнит все или отдельные задачи, стоящие перед общиной, за ее счет» (§ 124).

При определенной ситуации, строго оговоренной в законе, возможен и роспуск местного представительного органа. Так, в Конституции Португалии 1976 г. содержится норма, согласно которой роспуск местных советов «может быть осуществлен лишь по причине грубо нарушающих закон действий или бездействия» (п. 3 ст. 242)¹³. Аналогичным образом в Польше такой роспуск может быть осуществлен нижней палатой парламента (Сеймом) по предложению председателя Совета министров в том случае, если местный представительный орган «грубо нарушает Конституцию и законы» (п. 3 ст. 171 Конституции 1997 г.)¹⁴.

Во Франции региональные, генеральные (т.е. советы департаментов), а также коммунальные советы могут быть распущены декретом президента республики в случае, как правило, своей неспособности обеспечить управление работой соответствующей территориальной единицы.

На уровне коммуны, например, такая неспособность может наступить в результате обострения отношений между мэром и большинством членов местного представительного органа или же раскола внутри самого коммунального совета. При этом новые выборы должны быть проведены в течение двух месяцев после роспуска коммунального совета, за исключением случаев, когда с момента роспуска последнего до очередных выборов остается не более трех месяцев. Мэры либо заместители мэра в случае ненадлежащего выполнения своих функций мо-

¹² См.: Коммунальное самоуправление в Германии: Закон об общинах земли Баден-Вюртемберг. М., 2012.

¹³ Portugal's Constitution of 1976 with Amendments through 1976 // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Portugal_2005.pdf (дата обращения: 11.11.2019).

¹⁴ Poland's Constitution of 1997 with Amendments through 2009 // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Poland_2009.pdf (дата обращения: 11.11.2019).

гут быть временно отстранены со своего поста приказом министра внутренних дел, а окончательно смещены — декретом Совета министров.

В заключение следует отметить, что опыт стран — членов Европейского Союза свидетельствует о важности соблюдения общих демократических принципов при осуществлении контроля над местными властями. Не должна, в частности, «искажаться суть принципа местного самоуправления, даже с учетом того, что местная автономия никогда не может быть абсолютной, а муниципалитеты не могут приравниваться к независимым государствам»¹⁵. Иначе реализация государственных контрольных полномочий может превратиться в инструмент избыточной централизации власти, средство подавления местной инициативы и самостоятельности муниципальных органов. Это в конечном итоге способно не самым лучшим образом сказаться на функционировании всей политической системы, снизив ее гибкость и эффективность и нарушив баланс во взаимоотношениях различных уровней и ветвей власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Коммунальное самоуправление в Германии: Закон об общинах земли Баден-Вюртемберг. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 224 с.
2. *Моргунова М. А.* Государственное право Швеции. — М. : Норма, 2009. — 384 с.
3. *Петерссон О.* Шведская система правления и политика. — М. : Ad Marginem, 1998. — 207 с.
4. European Charter of Local Self-Government // European Charter of Local Self-Government and Explanatory Report. — Strasbourg, 2010.
5. Greece's Constitution of 1975 with Amendments through 2008 // URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Greece_2008.pdf.
6. *Hesse/ B.* European Integration and the Supervision of Local and Regional Authorities: Experience in the Netherlands with the Requirements of European Community Law // Utrecht Law Abstract. — Utrecht, 2006. — Vol. 2. — Is. 1. — P. 91—110.
7. Local Government in Europe: The Fourth Level in the EU Multilayered System of Governance / ed. by C. Panara, M. Varney. — L. : Routledge, 2013. — 426 p.

¹⁵ Structure and Operation of Local and Regional Democracy: Sweden. Strasbourg, 1997. P. 25.

**Артем Олегович
ЧЕТВЕРИКОВ,**
профессор кафедры
интеграционного
и европейского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук
rossija-artem@rambler.ru
141070, Россия, Московская
область, г. Королев,
ул. Калинина, д. 1а, кв. 28

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ НАУКИ В НАЦИОНАЛЬНОМ, МЕЖДУНАРОДНОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВЕ ЧАСТЬ I. ЦЕЛЕВАЯ (ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ) КЛАССИФИКАЦИЯ¹

Аннотация. В настоящей статье в сравнительно-правовом аспекте анализируются различные подходы к классификации науки в современных правовых системах.

Установлено, что правовая классификация науки повсеместно осуществляется по двум основным критериям: цели научных исследований (целевая, или телеологическая, классификация) и их предмет, конкретные сферы познания (предметная, или отраслевая, классификация). В некоторых правовых системах применяются дополнительные критерии, например способ финансирования научных исследований, их значение для государства и общества.

В части I настоящей статьи рассматриваются общие и специфические подходы современных правовых систем к целевой (телеологической) классификации науки, в том числе нормы-дефиниции для понятий «фундаментальные» («чистые фундаментальные» и «ориентированные фундаментальные»), «прикладные», «промышленные», «поисковые» исследования.

Ключевые слова: правовая классификация, фундаментальные исследования, прикладные исследования, ЮНЕСКО, ОЭСР, ЕС, мегасайенс.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.170-176

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-29-15007 мк «Теоретико-прикладное исследование нормативно-правового регулирования создания и функционирования уникальных научных установок класса “мегасайенс” в контексте разработки и реализации проекта источника специализированного синхротронного излучения 4-го поколения (ИССИ-4)».

A. O. TCHETVERIKOV,

*professor of the chair of Integration and European Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of law
rossija-artem@rambler.ru*

141070, Russia, Moscow Region, Korolyov, ul. Kalinina, 1a, kv. 28

**PRINCIPAL APPROACHES TO THE CLASSIFICATION
OF SCIENCE IN THE NATIONAL, INTERNATIONAL
AND EUROPEAN LAW. PART I. PURPOSE-ORIENTED
(TELEOLOGICAL) CLASSIFICATION**

Abstract. *The article presents a comparative legal analysis of various approaches to the classification of science in modern legal systems.*

It is established that elsewhere the legal classification of science is based on two main criteria — the purpose and the subject-matter of scientific research. Several legal systems employ additional criteria such as the mode of financing of scientific research and its importance for State and society.

Part I of the article deals with the main approaches of various legal systems to the purpose-oriented (teleological) classification of science, including legal definitions of such concepts as «fundamental» («pure fundamental» and «oriented fundamental»), «applied», «industrial», «prospective» research.

Keywords: *legal classification, basic research, applied research, UN, UNESCO, OECD, EU, megascience.*

Введение

В рамках современной науки проводится огромное количество исследований самого различного характера, которые имеют неодинаковое значение для государства и общества. Отсюда возникает потребность в их правовой классификации, т.е. официальном распределении на виды и подвиды, для каждого из которых могут предусматриваться особые механизмы регулирования и поддержки.

Правовая классификация науки осуществляется главным образом по двум критериям: ради чего исследуют — классификация по целям исследований, и что исследуют — классификация по предметам (сферам) исследований. Некоторые правовые системы используют дополнительные критерии классификации, не получившие универсального признания.

Целевая (телеологическая) классификация науки

Научные исследования могут либо быть направлены на понимание и объяснение мира, либо преследовать утилитарные (практические) цели, связанные с решением жизненных проблем человека, общества, государства. В первом случае исследования принято называть *фундаментальными*, во втором — *прикладными*.



Классификация научных исследований на фундаментальные и прикладные является продолжением и уточнением правового определения науки. Так, норма-дефиниция научных исследований в Федеральном законе Швейцарии от 14 декабря 2012 г. «О стимулировании исследований и инноваций»² выглядит следующим образом:

«Научные исследования (исследования) — методический поиск новых знаний; они охватывают, в частности:

- 1) фундаментальные исследования — исследования, первичной целью которых является получение знаний;
- 2) прикладные исследования³ — исследования, первичной целью которых является содействие решению практических проблем».

Разграничение научных исследований на фундаментальные и прикладные присутствует и в национальных правовых системах, которые воздерживаются от раскрытия смысла понятия «исследования» в целом.

Так, согласно Своду законов и Своду федеральных регламентов (подзаконных актов) США термин «исследования» (англ. research) может означать либо «фундаментальные исследования» (англ. basic research), либо «прикладные исследования» (англ. applied research).

В отношении первых Свод законов (§ 6603 «Оценка Конгрессом инновации и ускорения исследований»)⁴ отсылает к специальному циркуляру исполнительного управления Президента США, посвященному разработке и исполнению федерального бюджета (Циркуляр № А-11 «Подготовка, представление и исполнение бюджета»)⁵.

В данном Циркуляре понятие фундаментальных исследований получило следующее юридическое значение:

«Фундаментальные исследования определяются как экспериментальная или теоретическая работа, предпринимаемая прежде всего для получения новых знаний об основах явлений и наблюдаемых фактов. Фундаментальные исследования могут включать в себя деятельность с широким или общим применением в мышлении, но должны исключать исследования, направленные на специальное применение или специальные потребности».

Понятие прикладных исследований в Циркуляре раскрыто следующим образом:

«Прикладные исследования определяются как оригинальные исследования, предпринимаемые для получения новых знаний. Прикладные исследования, однако, направлены прежде всего на специфические практические цели или назначения».

² См.: Loifédérale du 14 décembre 2012 sur l'encouragement de la recherche et de l'innovation // URL: www.admin.ch (дата обращения: 29 декабря 2019 г.).

³ В дословном переводе: «исследования, ориентированные на применение» (франц. *Recherché orientée vers les applications*).

⁴ См.: US Code // URL: www.law.cornell.edu/uscode (дата обращения: 20 декабря 2019 г.).

⁵ См.: Circular No. A-11. Preparation, Submission, and Execution of the Budget. Executive Office of the President Office of Management and Budget. July 2017. Section 84. P. 11.

Более подробная норма-дефиниция для прикладных исследований закреплена в Своде федеральных регламентов США (часть 35 «Контракты в исследованиях и разработках», секция 35.001 «Определения»)⁶:

«Прикладные исследования означают усилия, которые (а) обычно следуют за фундаментальными исследованиями, но не могут быть оторваны от связанных с ними фундаментальных исследований; (b) пытаются определить и использовать потенциал научных открытий или улучшений в технологии, материалах, процессах, методах, приспособлениях или технических приемах и (с) пытаются продвинуть вперед уровень мастерства».

В международно-правовых актах разграничение фундаментальных и прикладных научных исследований зафиксировано в Рекомендации ЮНЕСКО 1978 г. «О международной стандартизации статистики в области науки и техники»⁷:

«Фундаментальные исследования: экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная прежде всего на получение новых знаний об основах явлений и наблюдаемых фактов, без какой-либо особой или конкретной цели, связанной с применением или использованием.

Прикладные исследования: оригинальные исследования, предпринятые в целях приобретения новых знаний. Они, однако, направлены прежде всего на достижение конкретной практической цели или задачи».

В России согласно Федеральному закону от 23 июля 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» фундаментальные и прикладные исследования выступают составными частями научной (научно-исследовательской) деятельности и юридически разграничиваются следующим образом:

- фундаментальные научные исследования — экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды;

- прикладные научные исследования — исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач» (ст. 2 «Основные понятия, применяемые в настоящем Федеральном законе»).

При классификации научных исследований по целям среди них могут выделяться *другие виды и подвиды*, однако данный подход не является общепризнанным.

Так, в законодательстве о науке Польши научные исследования определяются как, во-первых, фундаментальные, во-вторых, прикладные и, в-третьих, *промышленные исследования* (польск. *Badania przemysłowe*) — «исследования, направленные на получение новых знаний или умений в целях разработки новых продуктов, процессов и услуг либо внедрения значительных улучшений

⁶ См.: Code of Federal Regulations // URL: www.gpo.gov (дата обращения: 20 декабря 2019 г.).

⁷ Утверждена резолюцией двадцатой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 24 октября — 28 ноября 1978 г. (см.: Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Акты Генеральной конференции. Т. 1. Резолюции. Двадцатая сессия. Париж. 24 октября — 28 ноября 1978 г. Париж : ЮНЕСКО, 1978. С. 141—154).



в существующие продукты» (Закон от 30 апреля 2010 г. «О принципах финансирования науки»)⁸.

В других правовых системах, в том числе российской, промышленные исследования в значении польского законодательства могут считаться прикладными исследованиями, результаты которых предназначены для использования в экономике.

Применительно к фундаментальным научным исследованиям международный справочник Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) «Руководство Фраскати: Ориентиры по сбору и сообщению данных об исследованиях и экспериментальных разработках»⁹, рекомендует разграничивать внутри них два подвида — так называемые «чистые» и «ориентированные» фундаментальные исследования:

«Чистые фундаментальные исследования» осуществляются для получения знаний без намерения извлекать из них экономические или социальные выгоды или без решимости применять их результаты к конкретным проблемам или передавать их результаты конкретным секторам.

«Ориентированные фундаментальные исследования» осуществляются с надеждой, что они приведут к установлению широкой базы знаний, позволяющих решать проблемы или конкретизировать возможности, которые существуют в настоящее время или могут появиться в дальнейшем»¹⁰.

Рекомендация ОЭСР получила частичное отражение, например, в Законе Люксембурга от 3 декабря 2014 г. «Об организации публичных исследовательских центров»¹¹, который дословно воспроизводит процитированное определение ориентированных фундаментальных исследований. В то же время определения (и самого понятия) чистых фундаментальных исследований люксембургский Закон не содержит.

Аналогичным образом поступил законодатель Беларуси, где ориентированные исследования признаны своеобразным мостом от фундаментальных к прикладным, остающимся все же в рамках первых:

«Фундаментальные научные исследования — теоретические и (или) экспериментальные исследования, направленные на получение новых знаний об основных закономерностях развития природы, человека, общества, искусственно созданных объектов. Фундаментальные научные исследования могут быть ориентированными, т.е. направленными на решение научных проблем, связанных с практическими приложениями» (ст. 1 Закона от 21 октября 1996 г. «О научной деятельности»).

⁸ См.: Ustawa z dnia 30 kwietnia 2010 r. o zasadach finansowania nauki // Dz. U. Nr. 96. Poz. 619.

⁹ См.: Manuel de Frascati 2015: Lignes directrices pour le recueil et la communication des données sur la recherche et le développement expérimental, Mesurer les activités scientifiques, technologiques et d'innovation. Paris : OECD Publishing, 2016. P. 45—86.

¹⁰ См.: Manuel de Frascati 2015: Lignes directrices pour le recueil et la communication des données sur la recherche et le développement expérimental, Mesurer les activités scientifiques, technologiques et d'innovation. Paris : OECD Publishing, 2016. P. 54.

¹¹ См.: Loi du 3 décembre 2014 ayant pour objet l'organisation des centres de recherche publics. URL: <http://data.legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/2014/12/03/n2/jo> (дата обращения: 15 декабря 2019 г.).

В России наряду с категорией «научная (научно-исследовательская) деятельность» законодательство о науке оперирует категорией «научно-техническая деятельность», которая обозначает прикладные исследования, значимые для технико-экономической и общественной жизни в целом.

Применительно к самой научной (научно-исследовательской) деятельности в качестве ее составных частей наряду с фундаментальными и прикладными научными исследованиями российский законодатель выделяет поисковые научные исследования, в определении которых не вполне удачно смешаны элементы первых и вторых:

«...Поисковые научные исследования — исследования, направленные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные научные исследования) и (или) на применение новых знаний (прикладные научные исследования) и проводимые путем выполнения научно-исследовательских работ» (ст. 2 Федерального закона от 23 июля 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»).

Более удачное определение поисковых научных исследований предложено в проекте нового Федерального закона «О научной и научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации», подготовленном в 2019 г.:

«Поисковые научные исследования — деятельность, направленная на выявление и постановку научных, научно-технических задач, выявление новых методов решения научных, научно-технических задач, а также сфер возможного применения новых знаний, в том числе охраняемых в качестве результатов интеллектуальной деятельности» (ст. 10 проекта федерального закона «Научная и научно-техническая деятельность. Структура системы научной и научно-технической деятельности»)¹².

И в действующем, и в проектируемом федеральном законодательстве о науке поисковые исследования вряд ли правильно рассматривать как отдельный вид научной деятельности. Скорее, речь идет о предварительном этапе, связанном с планированием перспективных направлений и результатов научного поиска, который входит в содержание исследований как фундаментального, так и прикладного характера.

Практическая значимость юридического разграничения фундаментальных и прикладных исследований определяется в первую очередь необходимостью для государства стимулировать научно-технический прогресс как долговременную тенденцию общественного развития.

Основу научно-технического прогресса закладывают достижения фундаментальной науки, которая открывает перед обществом новые горизонты знаний, но имеет некоммерческий характер (в отличие от науки прикладной, тесно связанной с инновациями, развитие которой сегодня в значительной степени протекает в рамках и (или) за счет коммерческих организаций, инвестирующих в науку ради получения прибыли).

В этой связи, не отказываясь от поддержки прикладных научных исследований, особенно нацеленных на решение ключевых общественных проблем (экологических, медицинских и др.), современные государства берут на себя роль

¹² URL: <https://preobra.ru> (дата обращения: 29 декабря 2019 г.).



главного организатора и спонсора фундаментальной науки, основными субъектами которой выступают государственные и (или) финансируемые за счет государственных бюджетов специализированные научные учреждения (научно-исследовательские институты, лаборатории и т.д.), а также высшие учебные заведения, работающие в них ученые.

Вследствие распространения механизмов грантового финансирования науки в некоторых государствах также образованы особые фонды поддержки фундаментальных и прикладных исследований. Например, в Республике Польша таковыми являются, с одной стороны, Национальный центр науки, учрежденный исключительно для «поддержки научной деятельности в области фундаментальных исследований» (ст. 1 Закона от 30 апреля 2010 г. «О Национальном центре науки»)¹³; с другой стороны, Национальный центр исследований и разработок, который в большей мере ориентирован на поддержку прикладной науки и экспериментальных разработок и регулируется другим законом (Закон от 30 апреля 2010 г. «О Национальном центре исследований и разработок»)¹⁴.

В России действует специальная Программа фундаментальных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период (2013—2020 гг.)¹⁵, а специальным государственным фондом для грантовой поддержки научных исследований фундаментального характера является Российский фонд фундаментальных исследований, ведущий свою историю с 1992 г.

Финансовая поддержка научных исследований также осуществляется через другие программы и фонды, средства которых могут быть направлены на поддержку проектов в области фундаментальной или прикладной науки или и тех и других, вместе взятых: Российский научный фонд, Фонд «Сколково» и др.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Четвериков А. О.* Организационно-правовые формы большой науки (мега-сайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование. Часть I // *Юридическая наука.* — 2018. — № 1. — С. 13—27.
2. *Четвериков А. О.* Организационно-правовые формы большой науки (мега-сайенс) в условиях международной интеграции: сравнительное исследование. Часть II // *Юридическая наука.* — 2018. — № 2. — С. 34—50.

¹³ См.: Ustawazdnia 30 kwietnia 2010 r. O Narodowym Centrum Nauki // *Dz. U.* Nr. 96. Poz. 617.

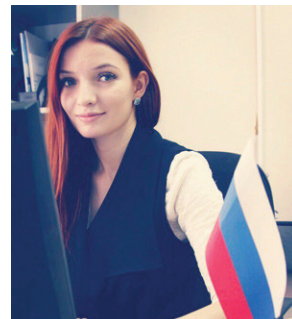
¹⁴ См.: Ustawazdnia 30 kwietnia 2010 r. O Narodowym Centrum Badań I Rozwoju // *Dz. U.* Nr. 96. Poz. 616.

¹⁵ Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 2538-р.

К ВОПРОСУ ОБ ИНФОРМИРОВАНИИ РОДСТВЕННИКОВ О РЕЗУЛЬТАТАХ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕСТОВ ПАЦИЕНТА¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с обязанностью врача информировать родственников пациента о результатах генетических тестов; уделено внимание этическим и правовым вопросам.

Ключевые слова: медицинское право, контроль в сфере здравоохранения, генетические тесты, конфиденциальность в медицине.



DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.177-182

A. R. SAKHIPGAREEVA,

Postgraduate student of the Department of administrative law and procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

sar.3472@yandex.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

ON THE ISSUE OF INFORMING RELATIVES ABOUT THE RESULTS OF GENETIC TESTS OF A PATIENT

Abstract. The article is devoted to some issues related to the doctor's duty to inform the patient's relatives about the results of genetic tests; attention is paid to ethical and legal issues.

Keywords: health law, health control, genetic tests, privacy in medicine.

Анжелика Рафаэлевна САХИПГАРЕЕВА,

аспирант кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

sar.3472@yandex.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Прошло немало времени с момента открытия генетического кода и активного применения новейших технологий в области исследования генетики современной медициной. Использование генетических тестов для выявления лиц с повышенным риском наследственных заболеваний породило этические противоречия в связи с обязанностью врачей предупреждать членов семьи об их генетических рисках. Действительно, когда речь идет о потенциально предотвратимых или излечимых наследственных заболеваниях, это важно для лиц, которые будут информированы о результате генетического заболевания и, следовательно, генетического риска в отношении своих родственников. Однако при определенных обстоятельствах пациент может захотеть скрыть этот диагноз от своего супруга, детей или других кровных родственников. В этом случае возникает проблема того, как должно действовать право пациентов на сохранение тайны результатов генетического исследования во взаимодействии с правом членов семьи знать об их генетических рисках. Эта проблема стоит особенно остро для врачей.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14002.

В истории медицинского права Соединенных Штатов Америки имел место случай предъявления обвинения за халатность в отказе от раскрытия генетической информации родственникам пациентов². Судами была признана обязанность предупреждения членов семьи о потенциальной опасности наследственных синдромов, обнаруженных при проведении обследования.

Тем не менее вопрос об обязанности предупреждения родственника пациента ставит врача в неопределенную ситуацию. С одной стороны, это его этическое обязательство. Врачи должны определиться: сохранить ли конфиденциальность и приватность информации пациентов или сообщить родственникам и тем самым предотвратить наступление возможного вреда. Связанная с этим дилемма заключается в том, что обязанность врачей поступать во благо других может быть переоценена и, таким образом, нарушены врачебная тайна, право на охрану частной жизни и защиту прав пациента.

Начиная с клятвы Гиппократова, врачи были изначально связаны обязанностью защищать частную жизнь своих пациентов. Эта обязанность основывается на индивидуальной автономии, уважении конфиденциальности, пользы для индивида и общества. В рекомендациях, изданных профессиональными и государственными учреждениями в области медицины, особую роль отводят этическим принципам, подчеркивается фундаментальная ценность конфиденциальности для пациента.

Данная этическая обязанность превратилась в юридическую обязанность; во многих странах принят закон о защите конфиденциальности персональных данных и (или) медицинской информации. Правда, есть некоторые исключения: Австрия, Израиль, Соединенные Штаты Америки, Дания, провинция Манитоба в Канаде, Швейцария, Россия не содержат в законодательстве норм, касающихся конкретно защиты личных генетических данных. Поэтому возникает рациональный вопрос: может ли общее законодательство о защите данных быть применимо к защите конфиденциальности генетической информации.

Несмотря на то, что законодательно презюмируется врачебная тайна, данный принцип никогда не был абсолютным, даже в отношениях врача и пациента. Так, например, врачи могут раскрывать информацию третьим лицам, когда это санкционировано самим пациентом. Также закон может предписывать врачам раскрывать медицинскую информацию пациентов без их согласия для использования в судебном разбирательстве или в случаях инфекционных заболеваний, жестокого обращения с детьми, бытового насилия, условий опасности, угрозы безопасности общества.

Еще одна сложность в обязанности предупреждения родственников связана с тем, что некоторые члены семьи, возможно, не пожелают быть информированными о своих генетических заболеваниях и возможных рисках. Этический принцип «не навредить» предусматривает, что следует воздерживаться от действий, которые приведут к плачевному исходу. Согласно этому принципу, решение информировать членов семьи об их генетических рисках должно быть взвешенным.

² Pate v. Threlkel. 661 So. 2d 278 (Fla. 1995) ; Safer v. Estate of Pack, 677 A.2d (N. J. Super. Ct. App' Div. 1996) ; Molloy v. Meier. 679 NW.2d 711 (Minn. 2004).

По некоторым данным (*Merz et al.*)³, контроль информации о себе — это фундаментальное воплощение приватности, а конфиденциальность — это основа доверительного отношения между врачом и пациентом. И, возможно, значительное число людей не захотят быть осведомленными о результатах генетических исследований.

Другие ученые расходятся во мнениях утверждая, что возложение обязанности предупреждать родственников пациента неразумно, поскольку пациент намеренно не «создал» генетического риска и вреда для своих близких. Лемменс и Остин объясняют, что это «предсуществующий» риск⁴, который внезапно идентифицируется благодаря вновь приобретенным знаниям о генетической информации. Более того, за редким исключением, бессимптомные генетические заболевания не содержат перспективу неминуемого вреда, в то время как течение инфекционного заболевания проявляет относительную однородность и предсказуемость; генетические условия, большинство из которых являются многофакторными, отличаются существенной изменчивостью, а обременение генетического прогноза — значительной неопределенностью. Другой аргумент заключается в том, что врач не может утверждать с абсолютной точностью о клинической картине пациента, полноте и достоверности информации о семейном анамнезе пациента и динамике межличностных отношений.

В некоторых случаях предоставление генетической информации членам семьи может принести больше вреда, чем пользы. Тем не менее существует точка зрения о том, что может быть допустимо нарушение врачебной тайны с целью защиты семьи пациента от серьезного вреда. Такой подход основывается на том, что пациент имеет моральный долг заботиться о членах своей семьи; когда же эта обязанность не выполняется, врач может нарушить конфиденциальность и предупредить находящихся в зоне риска родственников⁵.

Вполне ожидаемо, что врачи будут стремиться делать добро для своих пациентов, это и является сущностным проявлением принципа милосердия.

Одним из недавних споров об информировании пациентов является дело ABC — дочери пациента, подавшей иск против врачей отца за то, что они не предупредили ее о его генетическом заболевании — болезни Хантингтона (*ABC v. St George's NHS Trust (and other NHS defendants)*). Мужчина (отец истицы) был осужден за непредумышленное убийство жены и в связи с ограниченной вменяемостью содержался под наблюдением в больнице (разд. 37, 41 Закона о психическом здоровье 1983 г.). Медицинские работники, присматривавшие за отцом, просили согласия сообщить о его диагнозе дочери, но он отказался, опасаясь, что дочь, будучи беременной в тот период, сделает аборт. В материалах по делу дочь утверждала, что ей следовало бы сообщить о наследственном состоянии ее

³ *Merz J.F., Cho M.K., Sankar P.* Familial disclosure in defiance of non-consent // *Am J Hum Genet.* 1998. 63: 898—900.

⁴ *Lemmens T., Austin L.* Of volume, Depth and Speed: The Challenges of Genetic Information. Ottawa : The Canadian Biotechnology Advisory committee, 2001.

⁵ *Leung W.C., Mariman E.C.M., Wouden J.C. van der, Amerongen Hvan, Weijer C.* Ethical debate: Results of genetic testing: when confidentiality conflicts with a duty to warn relatives // *B Med J* 2000. 321: 1464—1466.



отца, чтобы она могла осознавать свой собственный риск и риск своего будущего ребенка. Если бы ее информировали, как она утверждает, то она предпочла бы прервать беременность.

На момент подачи иск не был принят к производству Высоким судом Лондона с мотивировкой об отсутствии разумных оснований для иска (2015. EWHC 1394 (QB)). Суть дела заключалась в вопросе о том, существует ли обязанность заботиться о третьих лицах, а не в вопросе о том, что врачи обязаны доверять отцу, поскольку они не нарушали его доверия. Однако, учитывая, что клиницисты усомнились в мудрости его решения, мы можем предположить, что, если бы не возник вопрос о конфиденциальности, дочери сообщили бы о ее генетическом риске, тем самым избежав этого судебного разбирательства. Апелляционный суд Лондона не согласился с Высоким судом и пришел к выводу, что вопрос о том, является ли справедливым и разумным возложение обязанности проявлять заботу о раскрытии информации о генетическом риске на родственников пациента в связи с предполагаемыми фактами, является спорным.

Действительно, несмотря на то, что дело касается заявления о прекращении производства по делу, ученые-правоведы Гилбар и Фостер утверждают, что дело, скорее всего, будет рассматриваться не просто как заявление о том, что закон может являться в данном случае спорным, а о том, что есть закон (Gilbar and Foster, 2018). Специалисты-генетики часто прилагают недюжинные усилия, чтобы «убедить» пациентов раскрывать информацию родственникам и «укрепить профессиональное мнение о том, что раскрытие информации действительно важно» (Clarke et al., 2005).

Однако одно исследование показало, что, хотя какое-то время значительное меньшинство серьезно рассматривало вопрос информирования родственников без согласия, только один генетик и один консультант сообщили об этом; конфиденциальность пациента и юридическая ответственность клинициста были основными причинами нераскрытия (Clarke et al., 2005).

Включение генетического и геномного тестирования из клинической генетики в другие клинические специальности (ежегодный отчет Главного медицинского сотрудника, 2017) подняло вопрос о имеющейся дилемме, с которой приходится иметь дело клиницистам при работе с пациентом, который отказывается передавать родственникам важную для передачи (по мнению доктора) информацию.

Недавние исследования показали, что осознание медицинскими работниками моральной ответственности значительно превалирует над юридической (Dheensa et al., 2016 (b)). Так, значительное число медсестер, работающих вне генетической сферы деятельности, считают, что они должны «принять меры для информирования» родственников, если пациент отказывается сделать это в случае наличия синдрома Мартина — Белла (синдрома ломкой X-хромосомы) — 17,8 %, рака молочной железы — 30,1 % и болезни Хантингтона⁶ — 24,7 %. Однако по каж-

⁶ Болезнь Хантингтона вызвана мутантным геном, унаследованным от родителя, симптомы которого — спотыкание, депрессия и непроизвольное подергивание конечностей — появляются в возрасте от 30 до 50 лет. Смерть наступает в течение 15—20 лет. Нет никакого лекарства. Пациенты также имеют 50 %-ный шанс передать это состояние каждому из своих детей.

дому виду из перечисленных заболеваний примерно 85 % респондентов также согласились с тем, что они должны соблюдать конфиденциальность.

Таким образом, мы видим, что медицинским работникам по-прежнему трудно реализовать свое чувство моральной ответственности и там, где они не воспринимают подкрепление соответствующей юридической ответственности и, что еще более важно, и там, где они видят связь с юридической ответственностью, которая требует от них не раскрывать информацию. Есть некоторые свидетельства того, что расхождения между взглядами на моральную и юридическую ответственность могут быть не столь широкими в контексте клинической генетики, где растет поддержка позиции о том, что раскрытие информации в случае генетических заболеваний должно выполняться по умолчанию (Parker and Lucassen, 2004).

Однако то, что клиницист не сообщил дочери о риске заболевания, говорит о том, что клиницистам других специальностей действительно трудно раскрывать генетическую информацию против воли пациента, даже если это противоречит их профессиональному взгляду на то, что правильно.

28 февраля 2020 г. было опубликовано решение по делу (ABC v. St George's NHS Trust (and other NHS defendants)). Это решение впервые устанавливает в законодательстве Великобритании, что медицинские работники несут юридическую, а не только профессиональную обязанность соблюдать права и интересы лиц, подверженных риску, таких как генетический родственник, с интересами пациента, который не дал согласие на разглашение конфиденциальной информации. Это обновило правовую позицию, чтобы привести ее в соответствие с устоявшимися профессиональными рекомендациями и обеспечить достаточное уважение прав и интересов других людей, а также пациента.

Однако, хотя решение по данному делу является первым в законодательстве Великобритании, из этого не следует юридической обязанности преследовать всех родственников, где бы они ни находились, а также не является обязательством или приглашением раскрывать информацию без согласия. Это просто обязанность рассматривать раскрытие в ограниченных обстоятельствах, основываясь на существующей наилучшей практике и руководящих указаниях.

Важно отметить, что юридическая обязанность применяется только в тех случаях, когда существует тесная «близость» между специалистами здравоохранения и членами семьи, подвергающимися риску. В этом случае ABC была известна психиатрической команде, так как она была пациентом семейной терапии и у медицинских работников был способ раскрыть ей информацию, если бы они захотели. Специалисты же по генетике никогда не встречались с отцом или ABC и, хотя с ними консультировались по делу и они были ознакомлены с обстоятельствами заявителя, между ними и заявителем существовала недостаточно тесная связь, чтобы возникла юридическая обязанность.

В контексте семейного раскрытия генетической информации согласие является единственным юридическим основанием для отмены обязанности хранить тайну. Профессиональные рекомендации предусматривают, что клиницисты имеют право по своему усмотрению раскрывать информацию, но в рекомендациях четко не сформулировано, что является правовой основой для отмены обязанности доверия при осуществлении этого права. Заинтересованность родственника в получении информации сама по себе не является юридическим



основанием для отказа от обязанности хранить тайну. Таким образом, закон не предусматривает поддержки раскрытия информации в отсутствие согласия. Несмотря на это, профессиональные рекомендации признают, что обязанность поддерживать доверие не является абсолютной и что «может быть оправдано нарушение доверия, когда неприятие вреда от раскрытия информации существенно перевешивает требование пациента о конфиденциальности» (Royal College of Physicians, Royal College of Pathologists and the British Society of Human Genetics, 2006; GMC, 2017; Nuffield Council on Bioethics, 2015). Отсутствие юридической поддержки существующему порядку профессионального усмотрения затрудняет его осуществление как таковое.

Безусловно, достижения в области современной медицины приведут к увеличению числа людей, осведомленных о наличии у них тех или иных генетических заболеваний, о вероятности наследственной передачи заболевания будущим поколениям. Данный факт, вне всякого сомнения, приводит не только к вопросу правового регулирования раскрытия информации, но и к признанию новых социальных обязанностей в сфере здравоохранения, социальным изменениям в вопросах открытости к обмену медицинской информацией в семьях.

На основании проведенного анализа проблем, возникающих в связи с использованием результатов генетической информации о пациенте, можно прийти к выводу о необходимости совершенствования законодательства в этой сфере, в том числе принятия специального закона о государственном регулировании процедуры раскрытия результатов генетических обследований в целях недопущения причинения вреда как информированием, так и несообщением информации родственникам пациента.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФИНАНСИРОВАНИЯ НАУКИ, ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИЙ В КИТАЕ¹

Аннотация. Особенности «восточного» подхода к порядку осуществления финансирования научно-технических исследований представляется возможным рассмотреть на примере текущего регулирования государственной поддержки данных областей в Китае. Комплекс мер по финансированию науки, технологий и инноваций Китая, среди прочего, привел к тому, что принято называть «азиатским чудом», в том числе благодаря разумным мерам по сбалансированной поддержке научных коллективов, исследовательских институтов и выстраиванию четкой системы администрирования.

Ключевые слова: грантовое финансирование науки, государственная поддержка исследований и инноваций, международное сотрудничество, право Китая, право ЕС.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.68.4.183-190

N. A. POZHILOVA,

Postgraduate student of Integration and EU Law Chair
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

natalia229@mail.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

LEGAL FRAMEWORK FOR FINANCING SCIENCE (RESEARCH), TECHNOLOGY AND INNOVATION IN CHINA

Abstract. It seems possible to consider the features of the “eastern” approach to the procedure for financing scientific and technical research using the example of the current regulation of state support for these areas in China. A set of measures to finance science, technology and innovation in China, among other things, has now led to what is commonly called the “Asian miracle”, including due to reasonable measures for balanced support of research teams, research institutes and the establishment of a clear administration system.

Keywords: Grant funding for science, state support for research and innovation, international cooperation, Chinese law, EU law.



**Наталья Андреевна
ПОЖИЛОВА,**

аспирант кафедры
интеграционного
и европейского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
natalia229@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-29-15028 «Сравнительный анализ лучших практик нормативно-правового регулирования грантового (проектного) финансирования научных исследований и разработок на национальном и международном уровнях».

До 1980-х гг. китайская экономика и, несомненно, связанная с ней научно-техническая «надстройка» в сравнении с опытом США, СССР и стран Европы не обладала значительным потенциалом². Однако текущий уровень развития КНР с учетом показателей ВВП, повышения рейтинга национальных университетов, количества публикаций китайских ученых³, в том числе и в иностранных источниках, а также роста востребованности научных специалистов позволяет судить о выдающихся конкурентных преимуществах Китая, достигнутых в первую очередь благодаря предшествующей и текущей государственной политике поддержания научных исследований, а также осуществлению международного сотрудничества по вопросам развития науки, технологий и инноваций⁴.

Исследовали при оценке «инновационности» китайского подхода выделяют следующие составляющие: «ориентацию на интеграцию в глобальную инновационную сферу; приоритет государственной политики в области науки и образования, создание благоприятных институциональных условий для инновационного бизнеса; влияние механизмов коммунистической партии в виде разработки среднесрочных и долгосрочных планов в данной области (так называемые пятилетки); иерархичную систему управления (“подстраивание” государственной политики под конкретные социальные, экономические и географические условия каждой провинции)»⁵.

Вышеуказанные предпосылки вкпе с определенными положительными чертами национального менталитета представляют собой основания для дальнейшего развития науки и технологий Китая, осуществляемых в следующих нормативно-правовых и институциональных рамках.

Нормативно-правовая база государственной поддержки науки и технологий заложена Законами Китайской Народной Республики о научно-техническом прогрессе 1993 г.⁶, о популяризации науки и техники 2002 г.⁷ и о поощрении трансфор-

² *Иванов С. А.* Научно-техническая политика Китая: приоритеты догоняющего развития и результаты // Известия Восточного института. 2018. № 2 (38).

³ *Леонова Т. Н.* Эффективность грантового финансирования научно-исследовательских работ: мировой опыт и российские перспективы // Экономическая наука современной России. 2014. № 4 (67); *Беляевский О. В.* Эффективность системы грантовой поддержки научных исследований // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4.

⁴ *Цзи Ци, Нехайчик О., Алексеев Ю.* Научно-техническая и инновационная политика Китая // Наука и инновации. 2016. № 158.

⁵ *Максимова Е. И.* Труд и научно-технические инновации в экономике современного Китая // Восточная аналитика. 2017. № 1—2.

⁶ Закон Китайской Народной Республики о научно-техническом прогрессе 1993 г. // Официальный сайт Министерства науки и технологий Китайской Народной Республики. URL: http://en.most.gov.cn/eng/policies/regulations/200412/t20041228_18309.htm (дата обращения: 06.01.2020).

⁷ Закон Китайской Народной Республики о популяризации науки и техники 2002 г. // Официальный сайт Министерства науки и технологий Китайской Народной Республики. URL: http://en.most.gov.cn/eng/policies/regulations/200501/t20050112_18584.htm (дата обращения: 06.01.2020).

мации достижений науки и техники в реальные производительные силы 2015 г.⁸, в которых можно проследить ведущую роль государства в области планирования поддержки научно-технических исследований с ориентацией на экономическое производство и социальное ориентирование.

Среди основополагающих принципов правового регулирования в данной области, характерных для большинства государств (таких как повышение научного и культурного уровня всех граждан, содействие научно-техническому сотрудничеству и обмену опытом с правительствами иностранных государств и международными организациями, поощрение учреждений, занимающихся исследованиями и разработками, высших учебных заведений, общественных организаций и научно-технических работников, установление отношений сотрудничества различных форм с зарубежными научно-техническими кругами), можно проследить специфические векторы, характерные для государства плановой экономики.

Так, красной нитью по тексту документов проходит, во-первых, ведущая роль государства в определении научных областей, самих исследований, а также авторских коллективов и иных субъектов научной инфраструктуры, которым впоследствии будет оказываться всемерная поддержка и в отношении которых будут действовать вышеуказанные преимущества, а также четкая иерархия субъектов, действующих в системе: государство — органы исполнительной власти и местного самоуправления — научно-исследовательские учреждения и предприятия — научно-технические работники.

Во-вторых, в части осуществления государственной поддержки науки и технологий основополагающим критерием является практическая применимость результатов исследований для развития экономики и общества КНР.

Порядок финансирования научных исследований осуществляется в рамках поддержки в таких аспектах, как компенсации финансовых расходов и выделение экспериментальных средств научно-исследовательским учреждениям и высшим учебным заведениям, занимающимся фундаментальными и прикладными фундаментальными исследованиями, высокотехнологичными исследованиями, проектами по решению основных научных и технологических проблем и осуществляющим исследования для ключевых социальных (общественных) мероприятий.

Существующий механизм финансирования научных исследований на текущий момент представляет собой многоступенчатую систему, состоящую из национальных министерств, учреждений, программ по финансированию и планов и т.д. Цели развития науки и техники в Китае сформулированы многолетними планами и текущими основными направлениями политики в области науки, техники и технологий, включающими:

— среднесрочный и долгосрочный национальный план по развитию науки и техники («The Medium- and Long-term National Plan for Science and Technology», 2006—2020 гг.)⁹;

⁸ Law of the People's Republic of China on Promoting the Transformation of Scientific and Technological Achievements // URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=1160&CGid=> (дата обращения: 06.01.2020).

⁹ The Medium- and Long-term National Plan for Science and Technology», 2006—2020 // URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Cybersecurity/Documents/National_Strategies_Repository/China_2006.pdf (дата обращения: 06.01.2020).



- план «Сделано в Китае 2025» («Made in China 2025»)¹⁰;
- 13-я пятилетка: 2016—2020 гг. (The 13th Five-Year Plan: 2016—2020)¹¹.

Среднесрочный и долгосрочный национальный план развития науки и техники был объявлен в феврале 2006 г. и ставит целью построение инновационного общества к 2020 г.

Четыре основных показателя, используемых для оценки прогресса, и соответствующие цели, которые должны быть достигнуты к 2020 г., следующие: интенсивность НИОКР более 2,5 % от ВВП; размер достижений в области науки и техники не менее 60 % экономического роста; снижение зависимости от зарубежных технологий не менее 30 %; место в пятерке мировых лидеров в области патентования и цитирования научных публикаций.

План «Сделано в Китае 2025», который был объявлен в мае 2015 г., является первым планом, сфокусированным на продвижении производства, призванного превратить Китай в мирового производителя продукции путем последовательной реализации трех шагов:

- первый шаг (год реализации — 2025) — значительные улучшения качества, внедрение инноваций в производство, повышение производительности труда, включая сокращение потребления энергии и материалов, а также снижение выбросов загрязняющих веществ;
- второй шаг (год реализации — 2035) — подъем китайской обрабатывающей промышленности до передового уровня, включая выход национальных предприятий на лидерские позиции в общемировом масштабе;
- третий шаг (год реализации — 2050) — мировое лидерство китайских производителей в большинстве секторов экономики.

Для мониторинга прогресса реализации плана предусмотрены 12 индикаторов, которые можно разделить на четыре категории, а именно: инновационные возможности, качество, индустриализация, уровень информатизации и экологическая безопасность.

В соответствии с этим планом в качестве приоритетов для осуществления дальнейшего развития и инвестиций были определены следующие десять секторов: информационные технологии нового поколения, программирование и робототехника, аэрокосмическая техника, морское инженерное оборудование и высокотехнологичные суда, современное железнодорожное оборудование, энергосберегающие и новые энергоносители, энергетическое оборудование, сельскохозяйственное производство и оборудование, биомедицина и высокоэффективные медицинские устройства.

13-й пятилетний план (2016—2020 гг.) был объявлен в марте 2016 г. Это всеобъемлющий проект, направляющий экономическое и социальное развитие Китая на текущие пять лет. В нем перечислены принципы, меры, политика и даже проекты, которые Китай будет реализовывать для достижения целей. Эта пяти-

¹⁰ Made in China 2025 // URL: <http://isdpeu/content/uploads/2018/06/Made-in-China-Backgrounder.pdf> (дата обращения: 06.01.2020).

¹¹ Koleski K. U.S.-China Economic and Security Review Commission Report // URL: [https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/The%2013th%20FiveYear%20Plan_Final_2.14.17_Updated%20\(002\).pdf](https://www.uscc.gov/sites/default/files/Research/The%2013th%20FiveYear%20Plan_Final_2.14.17_Updated%20(002).pdf) (дата обращения: 06.01.2020).

летка устанавливает цель преобразования модели экономического роста Китая с помощью технологических инноваций к 2020 г. и вносит предложения по укреплению базы науки, техники и инноваций. Второй раздел плана, озаглавленный «Меры по внедрению инновационной стратегии развития», посвящен роли науки и техники в продвижении экономического и социального развития, содействия предпринимательству и глобальным инновациям, реформированию системы управления наукой и технологиями и поощрению ученых и сотрудников НИОКР к участию в инновационной деятельности и др.

В плане подчеркивается, что Китай будет продолжать финансировать несколько крупных проектов НИОКР для развития основных технологий в стратегически важных областях, в том числе авиации, исследованиях океана, квантовой физике, когнитивных науках, кибербезопасности, исследовании космоса¹².

Министерство науки и технологий¹³ играет ведущую роль в разработке планов реализации политики в области развития науки и техники, в том числе в части разработки соответствующих нормативных правовых актов и обеспечения их применения.

Основные задачи:

- формулирование национальных стратегий, руководящих принципов, политики и нормативных положений в области науки и техники; определение основных приоритетных направлений развития науки и техники в Китае;
- разработка национальных программ в области науки и техники и ответственность за организацию и управление этими программами;
- усиление реформирования системы науки и техники; оптимизация распределения научно-технических и людских ресурсов;
- формулирование руководящих принципов и политики в отношении международного сотрудничества в области науки и техники в Китае; ответственность за двусторонние и многосторонние правительственные программы научно-технического сотрудничества, а также аналогичные программы с соответствующими международными организациями.

Особенно следует отметить Национальную программу Китая по ключевым исследованиям и разработкам, включившую многочисленные ранее существовавшие программы, в том числе «Программу 863», «Программу 973» и др.

Программа поддерживает исследования и разработки в таких областях, как социальное обеспечение, сельское хозяйство, энергетика, окружающая среда и здравоохранение, и сосредоточена, в частности, на ключевых и стратегических технологиях, с несколькими определенными целями и результатами, которые должны быть достигнуты в течение периода от трех до пяти лет, отражающими

¹² *Can Huang, Xiao Jin, Lanhua Li. Rio Country Report. 2015: China.*

¹³ Помимо основополагающего регулирования в рамках Министерства науки и технологий часть программ по поддержке научных исследований осуществлялась при посредстве Министерства образования, в том числе так называемые «Программа 211» и «Программа 985», направленные на повышение конкурентоспособности университетов КНР (уровня образования, качества преподавания), а также налаживание и поддержание международного сотрудничества в рамках двусторонних или многосторонних договоренностей с зарубежными образовательными учреждениями.



нисходящую и отраслевую структуру сотрудничества между университетами и исследовательскими организациями.

Основными правовыми рамками, регулирующими деятельность проектов, являются Временные меры по управлению национальными ключевыми программами НИОКР, выпущенные Министерством науки и технологий и Министерством финансов в конце июня 2017 г.¹⁴ Они определяют структуру управления национальными ключевыми программами НИОКР и распределение обязанностей между различными государственными органами; тендерный цикл и методы подачи заявок; квалификационные требования к специалистам; задачи по отчетности и оценке на этапе реализации проекта, а также процедуры завершения проекта, которые необходимо выполнить в конце проекта.

Кроме того, стоит подчеркнуть статус Национального фонда естественных наук Китая (NSFC) в качестве основного координационного органа, находящегося в ведении Министерства науки и технологий и реализуемые на его базе различные программы финансирования, рассчитанные на разные временные периоды, области исследования и категории заявителей¹⁵.

Что касается осуществления международного сотрудничества Китая в области научно-технических исследований, то представляется возможным рассмотреть имеющееся регулирование в рамках взаимодействия Китая с Европейским Союзом и Российской Федерацией.

Научное сотрудничество между ЕС и Китаем регулируется Соглашением о сотрудничестве в области науки и техники¹⁶. Важность Китая как ключевой страны-партнера была подтверждена решением Комиссии о создании специального Диалога по сотрудничеству в инновационной сфере на высоком уровне посредством совместной Декларации, подписанной в сентябре 2012 г.

19-й саммит ЕС — Китай, который состоялся 2 июня 2017 г. в Брюсселе, предоставил лидерам ЕС и Китая возможность подтвердить важность сотрудничества в области исследований и инноваций как движущей силы экономического и социального развития и ключевого элемента ЕС. На саммите были подписаны два документа, связанных с исследованиями и инновациями, а именно: Совместное заявление о ведущих инициативах и механизмах совместного финансирования и Рамочная договоренность о проведении исследований между Объединенным исследовательским центром Европейской комиссии и Академией наук Китая¹⁷.

23 апреля 2019 г. Министерство науки и технологий Китая опубликовало первый конкурс предложений на 2019 г. в рамках Механизма совместного финанси-

¹⁴ Interim Measures for the Management of National Key R&D Programmes (Guo Ke Fa Zi [2017] No. 152) // URL: http://chinainnovationfunding.eu/dt_testimonials/interim-measures-for-the-management-of-national-key-rd-programmes-2/ (дата обращения: 06.01.2020).

¹⁵ См.: Liu Y., Gao Z., Wang H., Wang J., Shen J., Wang C. Analysis of projects funded by the National Natural Science Foundation of China during the years of 2014—2018. *Ann Transl Med.* 2019 ; 7(12):267 // URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6614322/> (дата обращения: 06.01.2020).

¹⁶ Agreement for scientific and technological cooperation between the European Community and the Government of the People's Republic of China // OJ L. 6. 11.1.2000. P. 40—45).

¹⁷ Policy Dialogue // Официальный сайт Комиссии ЕС. URL: <https://ec.europa.eu/research/iscp/index.cfm?pg=china> (дата обращения: 06.01.2020).

рования исследований и инноваций между ЕС и Китаем, проводимое, с одной стороны, в порядке Национальной программы Китая по ключевым исследованиям и разработкам и согласно требованиям Рамочной программы ЕС «Горизонт 2020» — с другой. В этом конкурсе рассматриваются заявки китайских полноправных участников в предложениях Рабочей программы «Горизонт 2020», касающихся девяти широких приоритетных областей, а также ведущей инициативы в области продовольствия, сельского хозяйства и биотехнологий. Будут выделены 60 млн юаней для поддержки около 20 проектов в девяти приоритетных областях, а 40 млн юаней — для поддержки 2—3 проектов флагманской инициативы в области продовольствия, сельского хозяйства и биотехнологий¹⁸.

Основными документами, регулирующими сотрудничество России и Китая в научно-технологической сфере, являются Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации от 18 декабря 1992 г., Протокол между Правительством КНР и Правительством РФ о принципах охраны и распределения прав на интеллектуальную собственность к Межправительственному Соглашению о научно-техническом сотрудничестве (1999 г.), Протокол о порядке формирования, финансирования и выполнения совместных российско-китайских проектов по приоритетным направлениям развития науки, технологий, техники, а также протоколы Подкомиссии по научно-техническому сотрудничеству, ежегодно проводящей заседания поочередно в Китае и России.

Согласно Соглашению 1992 г., Россия и Китай обязуются «способствовать установлению прямых научно-технических связей и заключению специализированных соглашений, договоров и контрактов между соответствующими российскими и китайскими государственными, региональными, общественными и частными организациями, научно-исследовательскими институтами и предприятиями» в целях содействия развитию научно-технического сотрудничества между двумя странами в областях, представляющих взаимный интерес¹⁹.

Как подчеркивается исследователями, систем грантового финансирования научно-технических исследований, активно внедряемая в настоящий момент как на территории Российской Федерации, так и на территории Китайской Народной Республики, является основным источником финансирования на текущий момент²⁰.

Грантовое финансирование в Российской Федерации совместных исследований проводится, среди прочего, в рамках Соглашения о проведении совместных конкурсов научных проектов между РФФИ и NSFC. Среди направлений научного исследования можно выделить, например, такие области как математика,

¹⁸ Notice of the Ministry of Science and Technology on Application Guidelines for the 1st Batch of Projects for year 2019 under the «Key Project on Intergovernmental International Science, Technology and Innovation (STI) Cooperation/STI Cooperation with Hong Kong, Macao and Taiwan» of National Key R&D Programme. URL: https://ec.europa.eu/research/iscp/pdf/news/ec_rtd_most-call-notice_en_052019.pdf (дата обращения: 06.01.2020).

¹⁹ *Беликова К. М.* Основные вехи российско-китайского научно-технического сотрудничества: политико-правовой аспект // *Международное право.* 2019. № 1. С. 37—44.

²⁰ *Сыряжкин В. И., Янь Б., Ваганова Е. В.* Обзор российско-китайского сотрудничества в сфере научно-технической и инновационной деятельности // *Инновации.* 2011. № 6.



информатика и механика, физика и астрономия, химия, биология и медицина, науки о Земле.

С учетом возрастающей роли Китая как международного лидера научно-технического прогресса представляется весьма актуальным принять положительный опыт в части правового регулирования, а также построения администрирования в данной части.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Беликова К. М.* Основные вехи российско-китайского научно-технического сотрудничества: политико-правовой аспект // *Международное право*. — 2019. — № 1. — С. 37—44.
2. *Белявский О. В.* Эффективность системы грантовой поддержки научных исследований // *Пробелы в российском законодательстве*. — 2018. — № 4.
3. *Иванов С. А.* Научно-техническая политика Китая: приоритеты догоняющего развития и результаты // *Известия Восточного института*. — 2018. — № 2 (38).
4. *Леонова Т. Н.* Эффективность грантового финансирования научно-исследовательских работ: мировой опыт и российские перспективы // *ЭНСР*. — 2014. — № 4 (67).
5. *Максимова Е. И.* Труд и научно-технические инновации в экономике современного Китая // *Восточная аналитика*. — 2017. — № 1—2.
6. *Сырямкин В. И., Янь Б., Ваганова Е. В.* Обзор российско-китайского сотрудничества в сфере научно-технической и инновационной деятельности // *Инновации*. — 2011. — № 6.
7. *Цзи Ци, Нехайчик О., Алексеев Ю.* Научно-техническая и инновационная политика Китая // *Наука и инновации*. — 2016. — № 158.
8. *Can Huang, Xiao Jin, Lanhua Li.* Rio Country Report. — China. — 2015.
9. *Interim Measures for the Management of National Key R&D Programmes* // *Guo Ke Fa Zi*. — 2017. — No. 152.
10. *Liu Y., Gao Z., Wang H., Wang J., Shen J., Wang C.* Analysis of projects funded by the National Natural Science Foundation of China during the years of 2014—2018 // *Ann Transl Med*. — 2019. — 7 (12). — 267.

ДАЙДЖЕСТ МЕРОПРИЯТИЙ

МЕРОПРИЯТИЯ НОЦ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

XV Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения». Круглый стол молодых ученых «Эволюция мира и права в условиях технологических революций»

17—19 октября 2019 г. в рамках XV Международной научно-практической конференции «Державинские чтения» состоялся VIII круглый стол молодых ученых «Эволюция мира и права в условиях технологических революций», прошедший в Казани.



Организаторами круглого стола выступили Казанский федеральный университет и Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Основными целями научного мероприятия стали: определение связи между эволюцией цивилизаций современного мира и трансформацией отдельного их компонента — национального права в условиях технологических революций; выявление особенностей трансформации юридической карты мира в условиях меняющегося мира на нескольких уровнях регламентации социальных отношений; анализ особенностей типов влияния технологических революций на трансформацию юридической карты современного мира.

18 октября 2019 г. состоялось пленарное заседание с участием Президента Республики Татарстан, где был анонсирован данный круглый стол, который прошел в современном формате видеозаписи интеллектуального ток-шоу «Правовая жизнь»¹.

¹ Видеозапись см.: URL: <https://yadi.sk/i/M8KY921sGVYnfA>.



В качестве экспертов круглого стола выступили Лилия Талгатовна Бакулина — декан юридического факультета Казанского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Татарстан; Мария Викторовна Мажорина — проректор по учебной и методической работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент; Мария Владимировна Захарова — заведующий НОЦ сравнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор публичного права (Франция), доцент, ассоциированный член Международной академии сравнительного права, приглашенный профессор университета Пуатье (Франция).

Ведущим круглого стола выступал Максим Валерьевич Воронин — директор Центра академического развития и образовательных инноваций Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент.

В резолютивной части итогового заседания экспертами круглого стола было отмечено, что проблемы биоэтики находят отражение на международно-правовом уровне регулирования, но пока не отражены на уровне национального законодательства России. Результаты некоторых исследований в данной плоскости были представлены на круглом столе, они являются драйвером содержательной трансформации в этой области.

Круглый стол «Эволюция правового и социального статуса научных работников в России и в мире»

14 апреля 2020 г. на платформе ZOOM состоялся онлайн круглый стол «Эволюция правового и социального статуса научных работников в России и в мире». Модератором мероприятия выступил доктор публичного права, доцент, заведующий НОЦ сравнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Мария Захарова.

Заседание круглого стола началось с выступления профессора кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктора юридических наук Юрия Степаненко. Он осветил законодательство в сфере научной и научно-технической деятельности в Российской Федерации.

Инна Ершова, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, рассмотрела исследовательские компетенции юристов, а именно определение, ключевые подходы, виды компетенций.

Директор Института частного права, кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Надежда Черных высказалась о качестве правовой среды научных работников, регулировании статуса научного сотрудника и трудового кодекса Российской Федерации, рабочем времени, об объеме работы, в том числе в режиме самоизоляции.

Дмитрий Матюшенков, аспирант кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), выступил с докладом «Проблемы определения статуса молодых ученых в Российской Федерации», в котором затронул наиболее острые проблемы среди аспирантов.

Заместитель декана по международной деятельности, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Казанского федерального университета, доктор юридических наук, профессор Рустем Давлетгильдеев рассказал о научной мобильности в рамках интеграционных объединений, подчеркнул различия между академической и научной мобильностью.

Александр Огородников, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), сравнил статус научных работников в России и за рубежом по следующим основаниям: различия в мотивации, наличие условий для самореализации, возможности для реализации прав ученого, развитие механизмов международного сотрудничества научных исследовательских центров и др.

Михаил Петров, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), поднял вопрос взаимного признания ученых степеней и ученых званий в системе оценки научной квалификации и выразил надежду на дальнейшее усиление научного сотрудничества и интеграции.

Любовь Зайцева, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), рассказала о правовом статусе научного работника в Германии. В своем докладе она затронула понятие и развитие законодательных положений, регулирующих статус научного работника, ограничение срока заключения договора, пути развития карьеры научного работника.

В заключение мероприятия Мария Захарова осветила эволюцию правового статуса научного работника во Франции.

После каждого выступления разворачивалась дискуссия по темам заявленных докладов. К видеоконференции подключались представители юридической школы Университета, других вузов России и зарубежных стран (в частности, США).

«МУДРОСТЬ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ». ПОНЯТЬ УИЛЬЯМА БАТЛЕРА

20 октября 2019 г. исполнилось 80 лет выдающемуся американскому и английскому ученому, специалисту по международному и международному частному праву, сравнительному правоведению, праву СССР и постсоветских государств Уильяму Эллиотту Батлеру. Юбилей выдающегося ученого был ярко отмечен под эгидой Института государства и права имени В. М. Корецкого НАН Украины и Национальной академии правовых наук Украины. Уильяму Батлеру была присуждена и вручена золотая медаль Национальной академии наук «За научные заслуги» — редкая и престижная награда. К этой дате был издан сборник его статей в украинских и русских переводах «Мудрость сравнительного правоведения»¹ — наибольшее издание его трудов в Восточной Европе. Проведена презентация его новых книг. Присутствовали коллеги из разных городов Украины, телевидение и пресса, были интервью и поздравления. Мы ценим этого удивительного человека и его беззаветное служение науке.

Но еще юбилей — это повод проанализировать идеи и взгляды ученого, его картину мира. Кто такой Уильям Эллиотт Батлер? Он свой для специалистов по международному праву. В частности, он автор авторитетных трудов по международному морскому праву, социалистической доктрине и практике международного права, другим ключевым проблемам в этой сфере. Уровень и количество этих работ, их общее признание позволяют назвать этого академика классиком в науке международного права.

Но он многие десятилетия также разрабатывает проблемы международного частного права и гражданского права, является не только автором глубоких работ в этой сфере, но и практиком, судьей нескольких арбитражей. Также он на протяжении десятилетий является едва ли не лучшим в мире специалистом, ученым и практиком, по праву социалистических и постсоциалистических правовых систем, и прежде всего постсоветских.

И нельзя забыть историю права, международного и национального, историю правовых учений — в этой сфере ему принадлежит много оригинальных работ, и его заслуга — введение в оборот ряда источников. Многолетнее знакомство с трудами Уильяма Батлера и общение с ним привели нас к выводу, что в его научном наследии все эти предметы как элементы объединяет компаративистика — мировоззренческая ориентация и сфера научного поиска, которая познает право в позитивности, множественности, контекстности, коммуникативности его бытия.

По мнению У. Батлера, изучение права является ключевым, центральным элементом познания и понимания общественного бытия в его социальном, культурном, экономическом и других измерениях. Отсутствие четких границ и неразрывная связь между правовыми и другими регуляторами общественной жизни порождает «неизменную интеллектуальную сложность» правоведения — отсут-

¹ Мудрость сравнительного правоведения / сост. и науч. ред. А. В. Кресин. Киев : Логос, 2019. 572 с.

ствии ограничения правовых знаний, что требует от юриста открытого, динамичного, недогматического взгляда на свою сферу. Это видение должно охватывать, в частности, все «регуляторные основания правовой системы» в культурах обществ. Реальное, позитивное право является множественным в своих разнотипных системах и взаимодействиях и поэтому именно сравнительное правоведение дает лучшие возможности для его познания и обобщения с целью понимания основ права. Поэтому У. Батлер считает сравнительное правоведение важнейшей из юридических наук и «самым полезным предметом, которому студент может учиться», хотя называет его также мировоззренческим ракурсом, «аналитической призмой», сферой исследований, комплексом знаний, сферой деятельности и, в конце концов, инструментом любой юридической деятельности.

Все это, по его мнению, является гранями применения сравнительного метода, но дисциплиной сравнительное правоведение становится благодаря исследованию множественных правовых явлений, множественных правовых систем с помощью комплекса методов: «В рамках такого подхода множественность правовых явлений, а не применение правового метода является решающим фактором; и сравнительно-правовое исследование будет предусматривать, но не обязательно ограничиваться применением сравнительного метода». Поэтому в зависимости от развития мировоззренческих ориентаций, подготовленности юристов к сравнительно-правовому познанию и институционализации последнего сравнительное правоведение в разных обществах и в разное время приобретает или не приобретает (а возможно, и теряет) дисциплинарный статус.

Одной из целей сравнительного правоведения является познание и понимание национальной правовой системы. Ни одна правовая система не является гомогенной, постичь особенности ее формирования и функционирования можно, выделяя ее элементы, которые обычно имеют разное происхождение, и познавая их в соответствующих им контекстах (правовых и неправовых), а также процессах взаимодействий между собой и с общественными факторами.

Поэтому сравнительное правоведение «не ограничивается сравнением национальных правовых систем или их элементов», но такое сравнение является элементом понимания своего права через призму другого в себе и другого рядом с собой. Именно такова научная функция сравнительного правоведения относительно правовой системы, а совершенствование последней является лишь производным от ее познания.

В частности, элементами совершенствования правовой системы с помощью сравнительного правоведения являются обоснование рецепции и процесса адаптации правовых норм или отказа от их рецепции, поиск новых подходов к проблемам, одинаковым или сходным в различных правовых системах. Связаны с ними выбор направления развития и регулирование скорости правовой интеграции государств или дезинтеграции между ними.

По мнению У. Батлера, сравнительно-правовые исследования позволяют, например, законодателю «свести к минимуму ошибки» при планировании и осуществлении правовых реформ, в частности избежать коллизии между национальным и зарубежным правовым регулированием частноправовых отношений, которая может привести к обходу национального права сторонами таких отношений: закрыться в национальном праве даже при наличии такого желания невозможно.



Но альтернативность во всех таких случаях принципиально важна — как отмечает У. Батлер, несмотря на распространенные представления, современное сравнительное правоведение не имеет априорной ориентации на правовую интеграцию и правовое заимствование, так же как и на продвижение той или иной реформы по иностранному образцу. Вместо этого оно способствует развитию правовой культуры общества, привнося в нее что-то новое, в частности мудрость зарубежного правового опыта.

Принципиально важной целью является чистое познание и осознание того, чем реально является право и как функционируют его нормы и институты. И именно в результате сравнительно-правового познания, обобщения его результатов должны разрабатываться и совершенствоваться философия права и теория права. Но сравнительное правоведение является автономным, не сливается с философией или теорией права, не является их частью и не должно затеняться и «подавляться» ими. Оно производит обобщения, неотрывные от развития позитивного права и динамичные, как его отражения.

Это, в частности, обобщение различий и сходств правовых явлений, которое дает «понимание причин того и другого, их влияния на правовое развитие». Эти обобщения относительны и частичны, как ракурсы калейдоскопа, они переменные так же, как переменны правовые состояния и взаимодействия, но позволяют познавать даже не столько конкретные национальные правовые системы, как «географические и временные аспекты правовой жизни», на их основе формируется собственная теория сравнительного правоведения, не тождественная общей теории государства и права.

Наконец, есть цель развития мировоззрения юристов, «мудрость сравнительного правоведения». Как отмечает У. Батлер, сравнение является центральной и неотъемлемой частью диалога в праве. Сравнительно-правовые исследования имеют мировоззренческий аспект, предусматривают особое восприятие другого и своего права. В частности, открытие себя для другого права и другого права для себя снимает мнимые оппозиции с претензией на уникальность («самотворимые пророчества») и другие построения, основанные на чисто феноменологических размышлениях, которые У. Батлер обобщает словосочетанием «провинциальный менталитет». Мировоззрение компаративистов предусматривает рассмотрение права как позитивного, а также социально и культурно обусловленного, сформированного исторически. В развитии такого права и сходства, и различия в равной степени важны, а их содержание, значение, соотношение меняются в зависимости от места и времени.

В работах У. Батлера довольно отчетливо проявляются взгляды на сравнительно-правовую картину мира, конструирование которой наиболее полно интегрирует на первый взгляд различные предметы его исследований. В частности, он отмечает неразрывную связь упомянутых «регуляторных оснований правовой системы» с жизнедеятельностью общества, их функционирование в социально-культурном, ценностно-мировоззренческом контексте, в котором они играют структурно-функциональную роль. Именно поэтому поиск «лучшего права» является субъективным, как и улучшение права с помощью иностранных образцов является субъективной деятельностью. Оно должно быть «разумным и чувствительным», «совместимым с институтами и ценностями системы-реципиента».

Стремление же найти объективные критерии определения лучшего права является самым сложным вызовом для сравнительно-правовых исследований. Поэтому целью изучения любой правовой системы является не ее оценка, а понимание, которое не умаляет ее значения и свойств, а вместо заимствования «лучшего права» речь должна идти об обучении на зарубежном опыте. В то же время, по мнению У. Батлера, каждая правовая система является продуктом истории, не совпадая с национальными границами. Поэтому заимствования из различных источников были всегда.

Но прежде всего заимствуются идеи, независимо от того, выражены ли они в нормативной форме. И эти заимствования могли и могут быть успешными и неуспешными, а также отвергнутыми правовой системой и обществом. Следствием взаимодействий является повсеместность правового плюрализма, гетерогенность каждой национальной правовой системы, с учетом хотя бы влияния международного права, но и других составляющих, которые не имеют национально-государственного происхождения (по крайней мере, в современных понимании и границах).

Поэтому, как отмечает У. Батлер, «юристам нет нужды удаляться от границ своей страны, чтобы войти в контакт с другими правовыми системами». Он отмечает, что «чистых» правовых систем, наверное, никогда не было и не может существовать в современном мире, все они являются смешанными.

Сближение между национальными правовыми системами может проявляться в гармонизации, унификации, координации и других формах. Сравнительное правоведение выявляет причины различий, решение же относительно их устранения или сохранения принимают не ученые. Но сближение не является безальтернативным процессом, между ним и отдалением правовых систем, по мнению У. Батлера, происходит постоянная «перегруппировка сил», а также есть третий процесс, в котором сочетаются черты этих двух — регионализация. И все три процесса не имеют заранее определенных пределов.

У. Батлер четко отделяет региональный уровень правовой общности или интеграции и его осознание или осмысление как объективное и субъективное явления. Региональные особенности развития права он уже в течение многих десятилетий рассматривает на примере СССР и социалистических, а позже, соответственно, постсоветских и постсоциалистических правовых систем. Как отмечает У. Батлер, в регионе, где развиваются постсоветские правовые системы, в течение веков предпринимались многочисленные усилия, направленные на достижение правовой однородности, которая должна была усиливать политический контроль за этим регионом. У этой группы правовых систем есть свои особенности правового стиля, например, их «академичность» — особая роль ученых-юристов в правотворчестве и правоприменении, а также высокий уровень концептуализации права и др.

Отмечая существенные трансформационные процессы в этих правовых системах, У. Батлер выступает против их характеристики как переходных. По его мнению, их трансформация имеет определенное прошлое и неопределенное будущее, конечный пункт неизвестен, как и не определены критерии, «которые бы устанавливали, может ли вообще и когда может произойти такое прибытие».



Но ведь все правовые системы постоянно трансформируются независимо от декларирования своего переходного состояния. Поэтому У. Батлер предлагает рассматривать «переходное» состояние как самоценное, которое существует сейчас, независимо от предлагаемых учеными прогнозов или политических деклараций: «Это разновидность смешанной правовой традиции (а не системы), которая включает существенные ключевые элементы социалистической правовой системы наряду с другими, коренящимися в досоциалистическом прошлом соответствующей правовой системы или в восприятии современных рыночно-ориентированных механизмов». Напомним, в его видении все правовые системы являются смешанными.

По мнению У. Батлера, во многих регионах мира происходит конкуренция правовых пространств — различных региональных особенностей или проектов в области права. В частности, это касается и постсоветских правовых систем. Они близки к европейской романо-германской правовой традиции, но в настоящее время не являются ее частью, «ей неверны», «привязаны к своему наследию XX века». В то же время интеграция между постсоветскими системами, которая могла бы, независимо от сущности соответствующих стремлений, и в дальнейшем сохранять и развивать имеющиеся у них общие черты, не выглядит перспективной из-за «отсутствия консенсуса воле государств относительно уровня такой интеграции и средств ее достижения».

Осмысление регионального уровня правовой общности проявляется, в частности, в классификациях национальных правовых систем, предусматривающих их распределение по группам или семьям. По мнению У. Батлера, на сегодня это основной объект сравнительно-правовых исследований, который привлекает теорию и методологию сравнительного правоведения. Так как обнаружить уникальные явления, присущие только одной правовой семье, невозможно, при классификации применяется «принцип преобладания определенного фактора или группы факторов». Классификация способствует лучшему пониманию правовых состояний и процессов, в частности идентификации особенностей развития и диалога правовых систем.

Важен и упор У. Батлера на том, что сравнительно-правовые классификации никогда не ограничиваются современностью, они с необходимостью выходят из специфики исторического опыта. Но, как отмечает У. Батлер, есть существенная оговорка относительно классификации правовых систем. В общественных науках, в том числе юридической, явления и их характеристики являются не объективным, а субъективным фактом, а также постоянно развиваются. Поэтому результат классификаций определяется поставленной целью и характером их осуществления, предложенными критериями, он «не является фактом действительности, а лишь аналитическим фактом» — классификации являются гипотетическими и множественными, конкурирующими и конвенционными.

Как и в случае с другими конвенционными результатами, действительность классификаций заключается в качестве самого их конструирования, а не в их фактической действительности. Классификация только развивает определенный угол зрения на правовые системы, помогает выявить их черты, например соотношение характеристик национальной правовой традиции с социалистическими особенностями определенной группы правовых систем.

Каждый угол зрения при классификации ценен, но и отличается, как в калейдоскопе. И причин таких различий много — и гетерогенность правовых систем, и их динамическое развитие, взаимодействие, смешивание, конкуренция правовых пространств. Поэтому создание классификаций полезно, но не является самоцелью компаративиста, их не следует фетишизировать — единой карты правовых семей в сравнительном правоведении нет, все имеющиеся относительны и всегда будут множественными. По мнению У. Батлера, классификация правовых систем утрачивает практическую ценность, не порождает объективную истину, ее цель сейчас — или чисто методическая, или «интеллектуальная стимуляция». Современной проблематикой сравнительного правоведения вместо этого должны быть различия и сходства в праве и факторы их существования и развития.

Наконец, еще одним уровнем исследований У. Батлера является проблема универсального в праве. В частности, он однозначно утверждает и отмечает, что поиск универсалий в праве является бесполезным трудом. И, в частности, международное право только претендует на универсальность, но таковым не является. Предположение об универсальности международного права он считает опасным и таким, которое «возникло при отсутствии позитивных эмпирических доказательств». Опасным — ведь целесообразность всеобщей правовой системы является сомнительной. Причиной провозглашения юристами-международниками международного права уникальным и всемирным У. Батлер считает прежде всего их стремление к тому, чтобы международное право было признано реальной правовой системой, а также мечту о всемирном упорядочении общественных и межобщественных отношений, о создании глобального сообщества.

Вместо этого исторически международное право никогда не было универсальным, «кроме как в устремлениях своих сторонников (научных трудах)». Существовало множественное число «международных систем» (региональных договорных, обычно-правовых, доктринально-идеологических правовых режимов и сфер), а согласованного представления о всеобщем международном праве, и тем более самого такого права никогда не было, по крайней мере до сегодняшнего времени.

Более того, исторически международно-правовые режимы не признавали между собой иерархии. Но и сейчас можно говорить только о «мнимых единстве и целостности международного права» и реальном состязании центростремительных и центробежных сил в этой сфере, несмотря на то что иерархия между международно-правовыми режимами якобы частично установлена. Причина возникновения множественных международно-правовых режимов — необходимость упорядочить и урегулировать конкретное взаимодействие между конкретными обществами. И это взаимодействие только растет.

Но это не угрожает развитию и действию международного права, а только отрицает его всеобщий характер. Восприятие такого реального положения дел юристами-международниками, отмечает У. Батлер, является довольно сложным. Поэтому важно отделить действительное и желаемое, анализ положения дел и доктрину международного права. Следует говорить не о фрагментации международного права, а о его фрагментированности или альтернативности



(или «ограниченном объединении»), которая исторически и в настоящее время является нормальным явлением и предполагает существование «субсистем или правовых режимов различных типов на различных уровнях... с изменчивой степенью автономности». Такие режимы между собой могут одновременно конфликтовать, частично совпадать и накладываться, взаимно укрепляться или просто действовать параллельно. При таком подходе, как показывает У. Батлер, исчезает оппозиция между международными и национальными правовыми системами, они становятся звеньями всеобщей разнотипной взаимно связанной и частично структурированной совокупности правовых режимов.

Итак, оппозиции между мнимо или частично всеобщим и другими уровнями или типами бытия права на самом деле нет. И даже если предположить универсальность определенного правового института, то его природа исторически неуниверсальна и всегда в его пределах существует то, что является более узким, чем универсальное. Если международное право является правовой системой, то уже поэтому оно функционирует наряду и в связи с другими правовыми системами, в частности национальными. Поэтому У. Батлер категорически противостоит попыткам вывести международное право из сферы сравнительно-правового познания. Если сравнительное правоведение сводится к познанию национальных правовых систем, то, с одной стороны, теряется целостность познания права, которое существует в диалоге правовых систем, а также исчезает необходимый инструментарий для познания международного права, а с другой стороны, само по себе сравнительное правоведение теряет целостность как дисциплина.

Еще одним измерением познания права, как национального, так и международного, в трудах У. Батлера является историческое. Причем история им рассматривается как выход за пределы правового явления, как сравнение, с подобными подходами и методами. В частности, он уделяет внимание периодизации в историко-правовом познании. И эта периодизация им понимается как «аналитическая призма, сквозь которую прошлое организуется в содержательные группы» с целью выявления причинно-следственных связей событий и тенденций, «разделение прошлого на различные по содержанию сегменты или блоки».

И, как и в случае со сравнительно-правовым познанием, к историческому исследованию выдвигается требование о недопустимости смешения развития персонализированных учений и позитивного правового развития, при признании связи субъективного и объективного в эволюции права. Другим связанным требованием является эмпиричность познания и максимальное избегание априорных предположений. И все это не мешает У. Батлеру осуществлять многочисленные ценные исследования истории правовой мысли.

По нашему мнению, различные по предмету и характеру научные труды У. Батлера объединяет сравнительно-исторический подход к познанию правовых явлений — позитивистский, эмпирический, контекстный. И опять же, по нашему мнению, эта связь не только методологическая, но и предметно-объектная — предметом большинства его исследований являются различные виды правовых систем в их пространственных и исторических связях, а объектом — реконструкция правовой картины мира в ее статике и динамике.

Верный своим подходам и англо-американским традициям юридического мышления, Батлер всегда идет от фактов, их эмпирического познания и первичного обобщения к обобщениям более высокого уровня, не конструируя теорий без надлежащего эмпирического фундамента и осторожно, хотя и толерантно, относясь к другим образом сформированным теориям коллег. Порой его выводы даже имплицитны или имманентны в тексте, не абстрагированы и поэтому не абстрактны; они не всегда поддаются быстрому и легкому изъятию из текста и внеконтекстному цитированию.

Это особенное компаративистское сочетание фундаментальности исследования и неабсолютности вывода. Уильям Эллиотт Батлер был и остается компаративистом по своему мировоззрению. Поэтому сравнительное правоведение для него — это инвестиции в науку и образование, «будущие дивиденды которых неисчислимы».

***Алексей Вениаминович Кресин,**
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент
Международной академии
сравнительного права*

William E. BUTLER* RUSSIAN LAW IN COMPARATIVE LEGAL STUDIES



Фото: Cindy Strupp

Russian law and the Russian legal system continue to seek an established place in the constellation of world legal systems. During the nineteenth and early twentieth centuries — the formative period of modern comparative law — Russia and her legal system were basically unknown to European comparatists and by default were commonly grouped together with the legal systems of continental Europe.

The dissolution of the former Soviet Union (1922—1991) and its legal system (1917—1991) and the re-emergence of the Russian State continue to offer another dimension to the debate among comparative lawyers generated by the 1917 Russian Revolutions. The Revolution of February 1917 brought an end to the Russian monarchy; the Revolution of October 1917 terminated the rule of the coalition Provisional Government that had supplanted the monarchy. Soviet law claimed, on the basis of ideological axioms, to be unique amongst all existing and precedent legal systems. While most Bolsheviks accepted that “law” was a component of the Soviet public order, whatever its ultimate fate was postulated to be, this claim to uniqueness challenged the classical classifications of legal systems or families of legal systems.

Some considered the Soviet legal system to be merely a species of the European Romano-Germanic civil law system embellished with ideological encrustations.¹ Professor Albert Ehrenzweig (1906—1974) observed that if the Soviet legal system could validly be segregated as unique in the traditional realm of private law, he would be obliged “to abandon the philosophical pattern of two and one-half millennia and the comparative concern of a thousand years”. Whatever innovations may have been wrought in public law, he believed that the “essentially civilian structure” in the law of the family, property, succession, contract, and tort remained unchanged, and he perceived only minor changes in established European patterns of criminal law and procedure.²

Presumably those partial to this perception of Soviet law will have seen nothing novel in the post-Soviet period, merely a discarding of certain Soviet “forms” of no substantive consequence and the preservation of a “legal mentality” formed during the decades of Soviet rule. Those who truly do know Soviet law will have found the 1990s and first two decades of the twenty-first century immensely challenging, for the effort to “democratize” and to “marketize” the Soviet legal legacy has been a formidable task going far beyond the rejection or replacement of “forms” and the importation of “transplants”.

* John Edward Fowler Distinguished Professor of Law, Dickinson Law, Penn State; Emeritus Professor of Comparative Law, University College London; Foreign Member, National Academy of Sciences of Ukraine (1992) and National Academy of Legal Sciences of Ukraine (2012). This article is adapted from W. E. Butler, *Russian Law and Legal Institutions* (2d ed.; London, 2018).

¹ See F. H. Lawson (1897—1983), cited in the preface to J. N. Hazard, W. E. Butler, and P. B. Maggs, *The Soviet Legal System* (3rd ed., 1977), p. vi.

² See Ehrenzweig’s review of J. N. Hazard (1909—1996), *Communists and Their Law* (1969), in *California Law Review*, LVIII (1970), p. 1007.

Perceptions of uniqueness in the classification of foreign legal systems depend partly upon developments within our own. Those who in the interwar or early post-1945 era attributed significance in analyzing Soviet law to the differences in economic system between East and West found that by the mid-1980s the enlarged State sector and greater commitment to social welfare in Western economies and enhanced decentralization and recourse to economic accountability in socialist economies had reduced a distinction of principle to one of degree.³ The transition instituted in 1986 by M. S. Gorbachev to a socialist market economy in the former Soviet Union both reduced and mutated the elements of distinction all the more. The accession of the Russian Federation to the Council of Europe and the World Trade Organization required yet more changes in order to approximate domestic Russian legislation to the requirements of those entities. The partial disengagement noticeable in 2013 of Russia from European institutions and reorientation towards the Far East and Southeast Asia has not altered significantly the continued pursuit in Russia of further market-oriented law reform.

In the process of comparison much depends on what one considers to be important when asserting or dismissing claims for uniqueness. All modern legal systems experience continuous change of greater or lesser moment, but few claim to be in “transition” from one developmental stage to another or even have an awareness of being at a particular developmental stage. Soviet law, however, was claimed to be in constant transition, moving towards the creation of a socialist and eventually a communist society. Russian law today purports to be in transition while dismantling the legacy of the Soviet era. In this sense Soviet and post-Soviet law have been avowedly “transitional” since February 1917.

The Soviet law codes of the New Economic Policy (NEP) era (1921—1928) were modeled upon those of Germany, France, Switzerland, Austria, and the draft Russian codes under preparation in the twilight years of the Empire. In the NEP years the Soviet authorities pursued mixed economic and legal policies containing capitalist and socialist elements, both implemented in the legislation of those times. The more considered Soviet codifications of the 1960—1970s elevated the claims of uniqueness and novelty to a more profound level. Although certain codification statutes from the Soviet era remain in force, the codes in force in the Russian Federation from the Soviet era eventually were replaced, although in some cases more than two decades were required for this to transpire.

The concept of “families of legal systems” is among the analytical categories extensively used in comparative law to differentiate legal systems, individually and collectively, from one another.⁴ Although this concept matured early in the twentieth century (in the writings of, *inter alia*, John Wigmore),⁵ it achieved popularity from the

³ René David (1906—1991) was amongst those who altered his view with respect to these criteria for classifying legal systems. Compare his *Traité élémentaire de droit civil compare* (1950), p. 224, with his *Major Legal Systems in the World Today* (3d ed., 1985), as translated and revised by J. E. C. Brierley. Russian legal scholars continue to reappraise their own post-Soviet past. Alekseev (1924—2013) was among those who believed that the Soviet legal system qualified as a “totalitarian” legal system, which constituted a distinct family within the world family of legal systems. See S. S. Alekseev, *Теория права [Theory of Law]* (1993).

⁴ See L. A. Luts, “Typologies of Modern Legal Systems of the World”, in W. E. Butler, O. V. Kresin, and Iu. S. Shemshuchenko (eds.), *Foundations of Comparative Law: Methods and Typologies* (2011), pp. 36—52.

⁵ See John Wigmore (1863—1943), *A Panorama of the World's Legal Systems* (1928; rev. ed., 1935); also see W. R. Roalfe, *John Henry Wigmore: Scholar and Reformer* (1977).



mid-twentieth century in the works of the French comparatist, René David (1906—1991). Because “families of legal systems” is an analytical concept, a kaleidoscope through which different facets of legal systems interplay and acquire different hues, a particular individual legal system may belong to two or more families of legal systems simultaneously.

The Russian science of comparative law — still greatly attracted by the concept of “families of legal systems”⁶ — is divided as to whether Russian law (and presumably other CIS legal systems) remains outside the Romano-Germanic legal family. Some comparatists consider this to be so, others do not. Many see Russian law as falling within the category of “transitional” legal systems whose ultimate destination, for comparative law classification purposes, remains as undetermined as it is uncharted.⁷ General western studies of comparative law have not decided what to do with Russia. Zweigert and Kötz deleted their chapter on socialist legal systems from recent editions. Some recognize that Russia and other CIS countries may become “hybrid” legal systems.⁸ Glenn saw “force” as the overriding characteristic of Soviet law and gave but the most cursory attention to Russia at all.⁹

One may ask why jurists in post-Soviet legal systems place such emphasis upon the classification of national legal systems into legal families. The answer lies in their very conception of law as one of the social sciences. One purpose of the scientific method is to isolate, describe, and categorize living and non-living things according to their generic characteristics, determine what is similar and what differs, why, and what follows from such an analysis. Law is deemed to be no exception; as a phenomenon, it should be subject to the same standards of classification as any others. Thus commences the challenge.¹⁰

A number of classifications exist, each of which emphasizes certain features of Russian law, legal history, and legal experience:¹¹

⁶ For recent examples, see V. E. Chirkin, *Основы сравнительного правоведения* [Foundations of Comparative Law] (2014); V. I. Vlasov, G. B. Vlasova, and S. V. Denisenko, *Сравнительное правоведение* [Comparative Law] (2014); M. V. Zakharova, *Сравнительное правоведение* [Comparative Jurisprudence] (Moscow, 2016).

⁷ See the Uzbek jurist, A. Saidov, *Comparative Law*, transl. W. E. Butler (2003); on Russian writings, see Iu. A. Tikhomirov, *Курс сравнительного правоведения* [Course of Comparative Law] (1996); M. N. Marchenko, *Сравнительное правоведение* [Comparative Law] (2d ed.; 2011; reprinted annually between 2013 and 2018); id., *Правовые системы мира* [Legal Systems of the World] (2d ed.; 2008; reprinted 2009 and 2016).

⁸ P. de Cruz, *Comparative Law in a Changing World* (3d ed., 2007), p. 193.

⁹ H. Patrick Glenn (1940—2014), *Legal Traditions of the World* (5th ed., Oxford, 2014), the first edition of 2004 was collectively reviewed in *Journal of Comparative Law*, 1 (2006), pp. 100—176 (Russia, reviewed by W. E. Butler, pp. 142—146). Russian law students have enjoyed access to several editions of René David since 1967 in the Russian language, as well as to Zweigert and Kötz.

¹⁰ See W. E. Butler, “What Makes Socialist Legal Systems Socialist?,” *Journal of Comparative Law*, XIII (2018), pp. 1—19.

¹¹ The analysis with respect to Belarus and Ukraine would be similar. With respect to Ukraine, see W. E. Butler, “Україна на юридичній карті світу” [Ukraine on the Legal Map of the World], in O. V. Petryshyn (ed.), *Правова доктрина України* [Legal Doctrine of Ukraine] (Kharkiv, 2013), I, pp. 250—263; translated in O. V. Petryshyn (ed.), *Ukrainian Legal Doctrine* (London, 2015), I, pp. 170—190. With respect to Belarus, see A. V. Egorov, *Теоретико-методологические основания сравнительного правоведения* [Theoretical-Methodological Grounds

Russian Legal System as Socialist. Insofar as Soviet law constituted a separate and distinct family of legal systems, Russian law was an integral part of that family during the period from approximately late 1917 or early 1918 until 1991. This view was universally accepted in Soviet legal doctrine. Given that some western comparatists did not regard Soviet law as something distinct from the Romano-Germanic legal family, they would have classified Russia as part of the Romano-Germanic family.

At one time thirteen countries with a total population exceeding two billion persons would have fallen into this family of legal systems; at present, five (or six) countries remain: Vietnam, China, Cuba, Laos, and North Korea, with Ethiopia considered by many to qualify.¹² The collective population of these five States exceeds 1.6 billion persons. The fate of the other eight countries, insofar as the classification of legal systems is concerned, remains controversial. Some have joined or become associated with the European Union. Some fragmented into multi-States, and the Soviet Union itself dissolved into twelve independent States (the three Baltic countries seceded earlier). All have distanced themselves to some extent from the classical “socialist” model of legal system, but to varying extents.

Although comparatists share different views with regard to what the distinguishing indicia of a socialist legal system were/are with respect to Russia, the following would be singled out in the discussion:

(1) private ownership of the means of production leads to the exploitation of man by man and should be replaced by socialist, State, and social forms of ownership, usually achieved by the nationalization of private property and State predominance in the economy;

(2) capitalist anarchy in production and distribution relations is replaced by State economic planning and centralized distribution; five-year and one-year economic plans are issued in the form of a law;

(3) antagonistic class elements are eliminated or isolated through various means of legal discrimination (deprivation of some civil rights, class justice);

(4) the laboring masses comprise the people and those who use hired labor for their personal enrichment do not fall within the concept of the “people”;

(5) class struggle is the driving force of historical change, and class enemies may take the form of exploiters or enemies of the people;

(6) members of the working proletariat are accorded certain advantages in comparison with the peasantry and intelligentsia, at least in principle;

(7) the Communist Party played the role of vanguard in the Soviet State and enjoyed a monopoly of political power;

(8) social (that is, non-State) organizations must be under Party direction; religious organizations may be tolerated, but were not encouraged and experienced various levels of persecution;

of Comparative Jurisprudence] (Vitebsk, 2014); Egorov, Сравнительное правоведение [Comparative Jurisprudence] (Minsk, 2015).

¹² See S. G. Abebe, *The Last Post-Cold War Socialist Federation: Ethnicity, Ideology and Democracy in Ethiopia* (2014), p. 2: Ethiopia is “...fundamentally a socialist federal system based on the Stalinist notion of ‘the right to self-determination of nationalities’ and Marxist-Leninist organizational principles of the state”. Subsequent changes in Ethiopia may constitute a move away from this model.



(9) Marxism-Leninism, sometimes augmented by the writings or doctrines of other local revolutionary leaders, operated as the official State and Party ideology;

(10) drawing upon the experience of the Paris Commune in the early 1870s, the foundation of the Soviet State system is the “soviets”, or councils, which acted as agencies of State power (as distinct from agencies of State administration);

(11) the separation of powers is recognized, but not the principle of checks-and-balances;

(12) the principle of democratic centralism within the State system means that medium-level and local soviets are subordinate to superior soviets, and the principle of dual subordination means that executive committees of soviets are subordinate to their own soviet and to their superior executive committee;

(13) courts at the lowest levels are elected directly by citizens and at the higher levels by the respective soviets. The principle that judges may not be removed is not recognized in socialist legal culture;

(14) the exercise of rights and freedoms is subject to the cause of achieving socialism or communism and to the leading role of the Party;

(15) the distinction between public and private law is not recognized;

(16) unequal forms of ownership, discouragement of personal enrichment, cooperative marketing of goods; civil marriage; duty to rescue socialist property; greater emphasis given to crimes against the State and ideological crimes; discouragement or prohibition of strikes in labor relations; and many others.

Russian Legal System as Totalitarian. In the post-Soviet era some jurists have reclassified the Soviet legal system as a “totalitarian” system which was never truly “socialist” and which, in their view, belongs to a distinct family of legal systems. They would regard Russia as being within the totalitarian family.¹³ This classification has not been widely accepted in comparative law circles because it is, in effect, a classification based principally upon political characterizations of leaders (Stalin, Hitler, Pol Pot, and so on) rather than legal principles and institutions.¹⁴ Some have characterized this as an “ideological” classification. Yet others have collapsed two classifications into one and refer to the “legal system of totalitarian socialism”.¹⁵

¹³ See, for example, Alekseev, note 3 above. Baglai regarded Soviet constitutional law from 25 October 1917 through the late 1980s as “totalitarian constitutional law”. See M. V. Baglai, Конституционное право Российской Федерации [Constitutional Law of the Russian Federation] (13th ed.; 2018), p. 58.

¹⁴ The term originated in the Italian as “totalitario” and first appeared in its English language guise in the translation of Luigi Sturzo (1871—1959), *Italy and Fascismo*, transl. Barbara Barclay Carter (1926). As a political characterization it received considerable purchase in the philosophical analysis by Hannah Arendt (1906—1975), *The Origins of Totalitarianism* (New York, 1951), originally published at London as Arendt, *The Burden of Our Time* (1951). Il'in introduced the term in his work on the essence of legal consciousness when he completed his final emendations to that work ca. 1953. The term did not appear, presumably because it did not exist, in the 1919 proofs of this work. One may reasonably assume that Il'in became aware of the term as part of its cold war currency and, indeed, may have been among the first Russian jurists to include the term in his doctrinal oeuvre. See Iu. T. Lisitsa (ed.), И. А. Ильин. Сочинения в двух томах [I. A. Il'in. Works in Two Volumes] (Moscow, 1993), I, p. 107; Il'in, *On the Essence of Legal Consciousness*, ed. W. E. Butler, P. T. Grier, and V. A. Tomsinov (London, 2014).

¹⁵ See Chirkin, note 6 above, pp. 315—330.

There is a substantial political science literature on the concept of “totalitarianism” and whether this concept was relevant or useful with respect to the former Soviet Union or Hitlerite Germany. A number of western specialists on Soviet law, with support from the Ford Foundation, attempted during the 1980s to identify the distinctive “Stalinist” or “totalitarian” component of Soviet law, without a great deal of success, in both private and public law.¹⁶ The specific legal component(s) in a “totalitarian” State and its legal system could not be satisfactorily isolated and identified. In particular, it has been difficult to identify uniquely totalitarian elements of law and legal systems which cannot be otherwise described (authoritarian, dictatorial, and so on).

Although examples of “totalitarian” legal systems cited in the literature happen to be associated with a particular ideology, the presence or absence of an ideology does not appear to be decisive. The “seeds of totalitarianism” have been traced as far back to China in the years 210 to 258 bc.¹⁷

Russian Legal System as Technocratic. The observation has been and is being made in comparative-law circles that the legal systems of western countries, including Russia, are becoming increasingly “technocratic”. For these purposes “technocracy” means that normative legal acts are being drafted more in the style of “technical documentation” than in the style of “legislation”. The excessive detail means the enactments lose any link with reality, reflecting, as Lafitsky expressed the position, “the illusions of their compilers”.¹⁸ The more they are divorced from reality, the greater the reliance upon sentences and words that are meaningless.

In effect, a technocratic legal system moves away from setting out general principles of law in the texts of legislative acts and indulges in excessive legislative activity, “over-legislates”. Partly this trend results from the absence of a clear doctrine and principle determining the spheres of social life in which it is inappropriate for the State to intervene. Legal theorists devise concepts of the “perfect legal system” to which ideal legislation should correspond, but fail to indicate those domains of human existence which the State in the broadest sense of the word should refrain from regulating. In practice, legislation becomes increasingly fragmentary as it explodes in quantity and more readily reflects the interests of special groups.

The language and terminology of legislation is no longer comprehensible by the average citizen in a technocratic legal system. Judicial practice tends to follow legislative patterns, and as a result in a technocratic legal system the issues confronting the courts move away from the application of legal principles towards the application of technicalities of construction that defy sound reason.

Measured by the standard of “technocracy”, the Romano-Germanic, Common Law, and former socialist legal systems form a single family. One may conjecture about the extent to which elements of technocracy were accelerated by the introduction of national economic planning within the socialist legal tradition and continue to be reflected by the introduction of “administrative reglements” and similar normative legal acts in the post-Soviet legal systems. Technology itself doubtless furthers “technocracy” by reducing the costs of publication and dissemination of the texts of normative legal acts.

Russia is doubtless among the technocratic legal systems of the world.

¹⁶ See D. D. Barry, G. Ginsburgs, and P. B. Maggs, *Soviet Law After Stalin* (1977—79). 3 vols.

¹⁷ See V. I. Lafitsky, *Сравнительное правоведение в образах права* [Comparative Jurisprudence in the Images of Law] (2010—2011), II, p. 394.

¹⁸ *Ibid.*



Russian Legal System as “Formalist”. Modern legal systems may be characterized not only by the volume of normative legal acts which they adopt, but by the way in which those acts are interpreted and applied. Comparative lawyers, legal practitioners, and socio-legal specialists have noted the extent to which post-Soviet legal systems have preserved, some would say reinforced, the “extreme formalism” as a characteristic Russian pattern of thinking about what law is and how it should be understood. The origins of this phenomenon have yet to be fully explored. Whether it originated in Soviet legal experience or existed previously and merely found a congenial context in national economic planning remains to be explored, not least in comparative studies of legal systems whose historical experience differs.

The formalist approach is embodied in Article 431 of the Civil Code of the Russian Federation, which instructs courts when interpreting contracts to use “the literal meaning of the words and expressions contained therein” by means, in the event of ambiguity, of comparing the contract provisions with other provisions and the sense of the contract as a whole. Only if that approach fails may the court take into account the purpose of the contract, including preceding negotiations, practices between the parties, customs of business turnover, and subsequent conduct of the parties. This formulation, it should be stressed, is a post-Soviet formulation, but one which departs but little from the earlier Soviet civil codes.¹⁹

The plausibility and efficacy of a Planned Economy from a legal perspective depends upon the rationality of the planning “command system” of normative legal acts implementing the Plan and disciplining the discretion of actors within the system. There can be minimal scope, if any, for human volition, lest the symmetry of Plan relations be disturbed. A literal approach to the interpretation of contracts (and of legislation and treaties) is essential. Whether the “Russian characteristic” was created by the Soviet Planned Economy or originates in earlier Russian experience requires further investigation. Whatever the answer, there is a mental set in the Russian legal system and among Russian professionals that finds reflection in the general population:

The manner in which law is interpreted is formalistic in the extreme; law in practice is expected to be equated with the letter of the law. In other words, the characteristic Russian vision of law does not allow space for interpretations that would give prominence not so much to what the law actually says, as to what its makers intended to bring about, with an appreciation that any given legal principle or stipulation should be adjusted to fit the circumstances. However, in extreme formalism, the legal space of law is restricted to the law as it is written down. It is assumed that if the law is a good law, it must be applicable to any relevant circumstances just as it is written; when the time comes to implement the law there can be no legitimate requirement for flexibility or adjustment. It follows that there is very limited provision for a judge to exercise discretion and adapt the content of the law to specific circumstances of a particular situation, as judges do in many other jurisdictions.²⁰

¹⁹ See W. E. Butler (ed. & transl.), *Civil Code of the Russian Federation* (2010), p. 146. In 2015 Article 431 was amended to provide that if the literal interpretation does not enable the content of the contract to be determined, the “true common will of the parties” is to be taken into account by eliciting all the respective circumstances. See Butler (ed. & transl.), *Civil Code of the Russian Federation* (2016), p. 246. Insofar as this formalism is a “Russian characteristic”, it is nonetheless present in all the post-Soviet civil codes, having been carried over from Soviet legal experience.

²⁰ M. Kurkchyan and A. Kubal (eds.), *A Sociology of Justice in Russia* (2018), p. 268. In ca. 1999 a member of the United States Supreme Court and a senior appellate judge were sent to

In the language of socio-legal studies, this would appear to be an example of where the “law in the books” and the “law in action” coincide and the “law in the books” has an overriding impact on law in practice. Although Article 431 of the Civil Code addresses contract interpretation, it has been generally understood to extend to all interpretation, including statutory interpretation, and is an integral element of legal education in all post-Soviet law faculties.

Russian Legal System as Transitional. All modern legal systems experience legal change of greater or lesser moment, but few claim to be in “transition” from one developmental stage to another. Russian legal doctrine during the Soviet era claimed to be constantly in transition towards the creation of a socialist and, ultimately, a communist society. In the post-Soviet period, Russian law purports to be in transition while dismantling the legal norms and legacy of the Soviet era. In this sense, Russian law in the Soviet and post-Soviet periods has been avowedly “transitional” since 1917.

The question within comparative law is: “transition” from what to what, or from where to where? Modern Russia is plainly no longer part of the socialist family of legal systems. Some comparatists believe that Russia already has returned to, or always been a part of, the Romano-Germanic family of legal systems. Although Russia is a member of the Council of Europe and in the process of doing so received elements or standards of European human rights law into the Russian legal system, and likewise has modified its legislation to accommodate membership in the World Trade Organization, that “approximation” or “harmonization” of the legal systems is far from completed.²¹

Russia has never officially declared an intention to become part of the Romano-Germanic family of legal systems in the non-EU sense of the word, and it remains unclear what the threshold criteria would be to qualify for classification in that family. Whatever the criteria may be, it is not simply a matter of “reversing”, or “repealing”, or “substituting” the legal changes from the Soviet era, as some comparatists have suggested.²²

Modern post-Soviet Marxist thought in Russia, however, shares a different understanding of “transition” and believes that the transition underway has a particular destination in view: the reintroduction of capitalism, albeit in a new variant.²³

Russia in order to explain to Russian judges of all the court systems why and how in corporate cases it would be advisable for Russian courts to have regard to the interests of parties (for example, stockholders) who were not before the court but nonetheless might be affected by the outcome of litigation between the parties — an approach that would have required a modification of the principles set down in Article 431 of the Civil Code.

²¹ Both the Council of Europe and the World Trade Organization are international organizations established by treaty and subject to the law of treaties. Within their respective parameters, however, both are developing a body of law applicable to the legal relations that arise under their respective treaties. To the extent that law is formulated, articulated, and enforced by Council of Europe and WTO institutions, it is not inappropriate within the framework of comparative legal analysis to refer to the constituents of those legal rules as members of the Council of Europe or WTO family. Russian jurists and legislators have reacted negatively to decisions of the Council of Europe and of the European Court of Human Rights which, in their view, are contrary to the supremacy of the Russian Constitution and introduced measures to restrict the application of such judicial decisions since 2015.

²² See Glenn, note 9 above.

²³ These views are explored in M. N. Marchenko, *Советское и постсоветское государство и право: сравнительно-правовое исследование [Soviet and Post-Soviet State and Law: Comparative-Legal Study]* (2018).



Russian Legal System in the Family of Slavonic Law. Russians are among the early Slavic peoples;²⁴ the Slavs of Belarus and Ukraine figure marginally, if at all, in most discussions²⁵ in comparative law circles with respect to the existence of a Slavonic family of legal systems. A “native, pure, and distinctive Slavic legal system” never came to pass, as Wigmore observed, yet he devoted nearly 80 pages of his treatise on the world’s legal systems to those inhabited principally by Slavs.²⁶ The category of “Slavonic law”, as a term, poses some of the same conundrums that “comparative law” does. There is no country called “Slavonia” and therefore no positive law which purports to govern all peoples of Slavonic ethnic affinity or origin.

Instead we are dealing with an ethnos whose rulers formed sundry entities and allegedly gave expression in their positive-law enactments to Slavonic mores, values, traditions, folkways, and the like. Slavonic law, insofar as expressed in norms, is customary law, or is a body of values reflected in particular formulations of positive State legislation in countries where the Slavonic population is predominant, or is a sub-stratum of natural law founded on the religious principles of Christian Orthodoxy. For some comparatists the concept of a family of Slavonic legal systems falls within a larger classification of the “legal community of the Christian tradition of law”, which includes Slavonic, Romano-Germanic, Common Law, Scandinavian, and Latin American legal families. Jurists of this persuasion emphasize the Christian writings that determine the “spiritual heart”, distinctive features, and, ultimately, the fates of the major legal systems of the world. The Christian roots of individual legal enactments are traced.²⁷

Comparative research on Slavonic legal systems originated in the nineteenth century within the Eastern European countries concerned and eventually became known to western European comparatists.²⁸ The pioneer in this field was the Polish legal scholar,

²⁴ S. Plokhy, *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus* (2006).

²⁵ A recent major multi-volume treatise on comparative law begins with the “legal systems of Eastern Europe” and, following introductory chapters on the history and subject-matter of comparative law, devotes chapters to the “national legal systems of the Slavonic world”: Russia, Poland, Czech Republic, Bulgaria, and Croatia. Ukraine and Belarus are given no separate treatment. See V. I. Lafitsky (ed.), *Сравнительное правоведение: национальные правовые системы* [Comparative Law: National Legal Systems] (Moscow, 2012), I, pp. 119—527. Of relevance is A. V. Seregin, *Цивилизационный феномен средневекового многообразия форм Славянских государств* [Civilization Phenomenon of the Medieval Diversity of Forms of Slavic States] (Moscow, 2017).

²⁶ J. H. Wigmore, *Panorama of the World’s Legal Systems* (Library ed., 1936), pp. 733—808. Others who singled out “Slavonic law” as a basis for classifying families of legal systems included Adhémar Esmein (1848—1913) and Adolf F. Schnitzer (1889—1989). See A. F. Schnitzer, *Vergleichende Rechtslehre* (2d ed.; 1963).

²⁷ See, for example, R. A. Папиан, *Христианские корни современного права* [Christian Roots of Contemporary Law] (2002); И. А. Зибапов, *Христианские основы уголовного кодекса Российской Федерации* [Christian Foundations of the Criminal Code of the Russian Federation] (2007).

²⁸ Among the western comparatists who drew attention to Slavonic law was R. M. Dareste de la Chavanne (1824—1911), who published several articles during the 1880s and collected these in *Études d’histoire de droit* (1889; 2d ed., 1908), later published in Russian as R. Dareste, *Исследования по истории права* [Studies on the History of Law] (reprint ed.; 2012). One

Waclaw Aleksander Maciejowski (1793—1883), who published a four-volume history of Slavonic legislation between 1832 and 1835. The purpose of this work was to demonstrate that there existed in Europe, in addition to Roman and German law, legislation distinctive in its foundation and original in its development — Slavonic legislation.²⁹ The immediate German translation of this work made it accessible to an all-European audience.

Within the Russian Empire, Russian and Ukrainian jurists elaborated his approach. Among these was Nikolai Dmitrievich Ivanishev (1811—1874), who argued persuasively that Russian criminal legislation could only be understood against the background of Slavonic legislation generally. A national school of Slavonic law emerged which led to the conviction that medieval Russian law should be studied by means of comparing it with the law of other Slavonic peoples. Mikhail Flegontovich Vladimirkii-Budanov (1838—1916), Fedor Ivanovich Leontovich (1833—1911), Ivan Mikhailovich Sobestianskii (1856—1896), Baltazar Bogišić (1834—1908), Fedor Vasil'evich Taranovskii (1875—1936), and others became active proponents and followers of the proposition that Slavonic law should be studied comparatively and distinguished from other legal traditions.³⁰

In his Ilchester Lectures at Cambridge University in 1900, Fedor Fedorovich Zigel (1845—1921), *professor ordinarius* at Warsaw University, suggested that Slavonic law was the law of an agricultural people and, insofar as the Slavic peoples lived according to their old customs and usages preserved only by tradition, was perhaps nearer to English and American law than to the law of continental Europe. In his view the rules of Slavonic law were more independent of Roman and canon law than in Europe. The Slavs elaborated their legal rules themselves; the undoubted substantial influence of foreign ideas was confined to ideas and did not affect the legal rules themselves.³¹

The fundamental approach developed by Russian, Ukrainian, and other comparatists during the nineteenth century is mostly shared by their modern colleagues who support the idea of a family of Slavonic law and legal systems. They believe that Slavonic law is where “Christian values find their fullest embodiment”.³² The Slavs, they observe, are the

modern comparatist believes that the reception of Byzantine legal forms and norms was facilitated by the fact that “...in Byzantium itself they were drawn up under the influence of a Slavonic element”. V. N. Siniukov, *Российская правовая система: Введение в общую теорию* [Russian Legal System: Introduction to General Theory] (2d ed.; 2010), p. 106.

²⁹ W. A. Maciejowski, *Historia prawodawstw słowiańskich* (Warsaw, 1832—35; 2d ed., Warsaw, 1956—65); a German translation was published at once. See Maciejowski, *Slavische Rechtsgeschichte*, transl. from the Polish by F. J. Buss and M. Navrocki (Stuttgart, 1835—39). 4 vols. For the Russian translation, see Maciejowski, *История славянских законодательств* [History of Slavonic Legislation] (Moscow, 1958), I, p. 3, a version cited but impossible to find.

³⁰ See, generally, M. A. Damirli, “Comparative-Legal Science in Ukraine: Theoretical-Methodological Traditions”, *Journal of Comparative Law*, VIII (2013), pp. 1—44.

³¹ See F. Sigel, *Lectures on Slavonic Law* (London, 1902). On Zigel, see K. P. Krakovskii, “Zigel, Fedor Fedorovich”, in W. E. Butler and V. A. Tomsinov, *Russian Legal Biography* (2007), I, pp. 391—402.

³² Lafitsky, note 17 above, I, p. 200. Also see Mykhailo Iuriiovych Riazanov, *Слов'янське право в правовій спадщині України* [Slavic Law in the Legal Heritage of Ukraine] (Odessa, 2015). But compare D. V. Lukianov, “Religious Legal Systems: Features and Classifications”, in Butler, Kresin, and Shemshuchenko, note 4 above, pp. 304—317. Christian legal systems are classified as “canon law” systems and discussed at length in D. V. Lukianov, *Релігійні правові*



largest and probably the most ancient ethnos in Europe, today comprising about one-third of the inhabitants there. They believe that Slavonic law is developing during recent decades at the greatest rate, increasingly exerting more influence on other Christian legal families.

Specific features of Slavonic law, including, in this view, Russian and Ukrainian law, are identified as: a distinctive relationship among the State, the law, and the citizenry which emphasizes (notwithstanding historical experience to the contrary) the depersonalization of authority, a non-class and non-estate organization of society, and an unusually strong sense of collectiveness and community. Economic development, in this view, has proceeded on the basis of collective forms of economic management expressed in the peasant community, artel, agricultural cooperative, labor democracy, traditions of local self-government, and others. The individual has a special type of social status in which collectivist elements predominate in legal consciousness and a sharp line is not drawn between the individual (and individualism) and the social State.

Russian Legal System in the Romano-Germanic Family. Those comparatists who regard the Russian legal system as an integral part of the Romano-Germanic family of legal systems emphasize the influence of continental European legal traditions, values, and rules upon the development of Russian law, the existence of Russia within continental historical experience and legal development, and the numerous similarities of Russian approaches to law and legal institutions with those of continental Europe.³³ For those comparatists who perceived the “socialist legal tradition” to be a development within the Romano-Germanic legal tradition, *a fortiori* Russia continues to be a part of that tradition. Many modern Russian comparatists describe the Russian legal system as “gravitating” towards the Romano-Germanic family.

While some observe that “the legal system of Russia has no distinctions of principle” when compared with the legal systems of continental Europe, nonetheless the “Russian legal system has still not become fixed in comparison with the leading legal systems of the family of continental law”.³⁴ It is, in other words, a legal system still in transition from its socialist past to its undetermined future.

Russian Legal System as “Mixed” Legal System. There is no such thing as, and perhaps never has been, a “pure” legal system. All legal systems are “mixed” systems; the mere fact that an individual legal system is, for the purposes of classification, thrown together with others suggests an analytical “mixture”, if nothing else. The term “mixed legal system” is used variously in doctrinal writings, sometimes to refer merely to legal systems combining elements of the “civil law” and “common law” traditions; sometimes to refer to a “third family” of legal systems having overlapping civil law and common law elements; sometimes to describe other combinations of legal traditions (religious, tribal, socialist, customary, civil, common, and so on). Although the subject of “mixed” legal systems has generated a substantial literature in recent times, Russia does not

системы в сучасному світі [Religious Legal Systems in the Contemporary World] (Kharkiv, 2015), together with Islamic, Jewish, and Hindu.

³³ But for an analysis of European private law experience that distinguishes between the Eastern and Western European approaches, see E. O. Kharitonov and O. I. Kharitonova, “Classification of European Systems of Private Law”, in Butler, Kresin, and Shemshuchenko, note 4 above, pp. 255—275.

³⁴ See Vlasov, et al., note 6 above, pp. 220, 221.

figure in these writings except for the most passing mention as a “transitional” legal system.³⁵

The history of Russian law gives more than ample evidence of the multiple influences of other legal traditions throughout Russia, but not the classic juxtaposition of “civil law” and “common law” influences. If there is to be any serious trace of “common law” influence in Russia, this is a development of the period since 1991 and the outcome of individual law reform undertakings that deliberately drew upon Anglo-American legal experience or upon “common law” elements of European legal institutions and rules. Under any definition of a “mixed legal system”, Russia would constitute one of the most complex (and interesting) examples.

Implications of classifications. The classification of legal systems can have practical consequences. In international treaties and arbitration clauses one finds references to the “principal legal systems of the world” as a criterion for representation on international judicial tribunals (see Article 9, Statute of the International Court of Justice; Article 2(2), Statute of the International Tribunal for the Law of the Sea; Article 36(8), Rome Statute of the International Criminal Court) or even arbitral tribunals. On the basis of these criteria, should Russia be considered part of the Romano-Germanic legal tradition and compete with other continental European jurisdictions, or even those of Latin America and Japan, for electing individuals to an international court? Or does “principal legal systems” have reference in practice to a combination of geographical representation and status as a great or influential power?

Classifications of legal systems have been used in judicial and arbitral proceedings to influence or determine the outcome of a proceeding. It has been suggested, for example, that an alleged “gap” in Russian law might be filled from another legal system by analogy. If an analogy were drawn, should one look to other post-socialist legal systems, or to Romano-Germanic legal systems, or to “technocratic” legal systems, or to “mixed” legal systems, to the law of the Council of Europe, or others?

Teaching and Research on Russian Law

Russian law was not taught as a distinct subject in European and American law schools prior to 1917, and the same was true of Soviet law throughout the inter-war era.³⁶ The rise of Soviet legal studies as a component of legal education dates from the aftermath

³⁵ See Esin Örüçü, “What is a Mixed Legal System? Exclusion or Expansion?”, in Örüçü (ed.), *Mixed Legal Systems at New Frontiers* (2010), p. 77.

³⁶ Although lectures may have been given on Soviet law in a general course on comparative law; for example, by T. A. Taracouzio (1896—1958) at the Harvard Law School during the mid-1930s. Moreover, both Imperial Russian law and Soviet law were taught by émigré Russian legal scholars in Berlin, Harbin, Paris, Prague, Sofia, and Uppsala within Russian or other law faculties abroad. Imperial Russian law remained in force after 1917 in the Baltic States, eastern Poland, and areas controlled by the Far Eastern Railway in Manchuria until as late as 1939. See, *inter alia*, V. P. Ponomareva, “Legal Space in Harbin: The Russia Abroad”, *Journal of Comparative Law*, VIII (2013), pp. 247—263. Also see G. S. Starodubtsev, *Международно-правовая наука российской эмиграции (1918—1939)* [*International Legal Science of Russian Emigration (1918—1939)*] (2000); W. E. Butler, “Russian International Lawyers in Emigration: The First Generation”, *Journal of the History of International Law*, III (2001), pp. 235—241.



of the Second World War, when the international status of the Soviet Union changed abruptly from that of a medium power to a great power. Mention of Russian law in Anglo-American writings dated from the sixteenth century and serious research on the subject in the nineteenth century, principally in England (Baron Alexander A. Heyking (1860—1930)), France (Ernest Lehr (1835—1919)) and Germany, and developed into Soviet legal studies promptly from 1918. In the interwar era Soviet law was examined principally as the legal system of a large country whose legislation and institutions were part of the corpus of foreign law and, for some, because the Soviet Union claimed to be charting new paths by using law for social change. Those who were supportive of changes occurring in what became the Soviet Union believed the legal reforms contained much of possible interest to like-minded individuals abroad.³⁷ Governments and commercial firms needed to know the rules applicable to transnational transactions. For most language was a formidable barrier, but a small cadre of Russian *émigré* lawyers (including in England: Samuel Dobrin, Boris Elkin, Alexander Halperin, and Marc Wolff; in the United States: George C. Guins, Alexander N. Sack and Timothy A. Taracouzio; in Germany: Alexander N. Makarov; in France: Boris Mirkine-Guetzévich, Baron Boris Nolde, Al...exander Stoyanovitch, Baron Mikhail A. Taube; in Germany and Switzerland: Ivan A. Il'in) kept pre-Soviet Russian legal traditions alive through to the 1950s. The number of Anglo-American law graduates suitably trained to engage in serious comparative study or legal practice was then and remains tiny.

The principal Western research center of consequence was founded as the Institut für Ostrecht in Germany under the direction of Heinrich Freund (1885—1946) at the University of Heidelberg from 1925. The Institute published an excellent journal, *Zeitschrift für Ostrecht*, which during the first decade of its existence included many Soviet jurists among its regular contributors.

Comparative legal studies in general prior to 1939 were dominated by the belief that a principal task of the discipline was to identify and develop general or common principles of law in at least the major extant legal systems. Harmonization and unification were cherished objectives, particularly in the minds of those who sought to reconstruct the world after the devastating carnage of the First World War. To those who regarded the Soviet legal system as a variant of the Romano-Germanic civilian tradition, the Revolutions of 1917 posed no insuperable barriers to unification and harmonization of law. Insofar, however, as Soviet claims to represent a qualitatively new and higher socio-economic, political, and legal order contained substance, the foundation for harmonization and codification even in the most congenial international political climates had narrowed considerably.

Following the Second World War, that narrow base appeared to have vanished as the Cold War unfolded. On one hand, the group of States that were communist regimes in control had enlarged from the Soviet Union, Mongolian People's Republic,³⁸ Chinese Soviet Republic,³⁹ and a brief episode with the Hungarian Soviet Republic to embrace

³⁷ For the undoubted impact of the Soviet legal example on western society, see J. B. Quigley, Jr, *Soviet Legal Innovation and the Law of the Western World* (2007); P. B. Stephan, "The Impact of the Cold War on Soviet and US Law: Reconsidering the Legacy", in T. Borisova and W. B. Simons (eds.), *The Legal Dimension in Cold-War Interactions: Some Notes from the Field* (2012), pp. 149—158; the last reviewed in *Journal of Comparative Law*, VII (2012), pp. 334—341.

³⁸ See W. E. Butler, *The Mongolian Legal System* (1982).

³⁹ W. E. Butler (ed.), *The Legal System of the Chinese Soviet Republic, 1931—34* (1983).

Central and Eastern Europe, China, Vietnam, and Cuba, and arguably even portions of the Third World which had “legal systems of a socialist orientation”.⁴⁰ The ensuing intense political hostility and confrontation, although they had the lamentable result of cutting off meaningful contacts, stimulated area and disciplinary studies of the region. Comparative studies were faced not merely with a different legal model, but one that was being received, transplanted, absorbed, assimilated into countries of widely varying legal cultures, languages, revolutionary experience, values, and traditions.

During the Cold War period, Soviet legal studies in the West were mostly a part of the “know thine enemy” syndrome: to comprehend how he lived, to facilitate means of understanding and communication so as to avoid miscalculation and minimize misperception in a nuclear age, to identify and clarify opposed positions and values. Professor Harold J. Berman (1918—2007) observed in the introduction to his interpretation of Soviet law: “a legal system expresses in a most vivid and real way what a society stands for. It represents both what is preached and what is practiced”.⁴¹ Meaningful harmonization and unification of law on a worldwide scale were inconceivable under these conditions, indeed ideologically rejected by the East, and so too was the prospect of identifying or developing general principles of municipal law common to the principal legal systems of the world.

It was a period in which Soviet legal studies as a field found its own place in the cosmos of comparative law, pointing up the need to study foreign and domestic law in the larger context of the basic philosophical, historical, sociological, economic, and political premises of the existing worldview, first in order to better comprehend them and second, in order better to comprehend our own. Architects of programs in Slavonic and East European studies were quick to appreciate that some knowledge of law and legal institutions would be essential to an understanding of Soviet society and the group of states called “socialist”;⁴² most who specialized in Soviet law maintained close links to Slavonic studies as part of the infrastructure of their area of concentration.

The final four decades of Soviet law under Soviet power were followed by Western students closely and with fascination: first the processes of de-Stalinization; then the rise and decline of structures intended to further a “socialist community law of economic integration”, the postulation and then abandonment of policies aimed at eliminating law in a society building communism, the emergence of a Soviet legal profession able to pursue a long-term role for law in society, the stagnation of the economy and social system and the market-oriented measures designed to rectify the situation, and the ultimate dismantling of Soviet structures (although not necessarily of Soviet law). Access to materials improved beyond imagination, partly due to more democratic attitudes towards disclosure of normative documents, partly to the heavy demand for a knowledge of local law on the part of the foreign legal profession, and partly to the prodigious labors of Western legal specialists in translating Russian texts.⁴³ It continues to be the case that the

⁴⁰ J. N. Hazard, *Communists and Their Law* (1969).

⁴¹ H. J. Berman, *Justice in the U.S.S.R.* (rev. ed., 1963), p. 3.

⁴² The Hayter Report issued during 1968 in the United Kingdom led to Professor George Keeton (1902—1989) at University College London obtaining support for an Established Readership in Soviet Law, later renamed the Readership in Comparative Law.

⁴³ My own contributions in this respect are recorded in W. E. Butler, *International and Comparative Law: A Bibliography with Annotations and Notes of the Published Writings and Reports of William E. Butler* (2d ed., 2015).



Western law student or lawyer has more available to him in English translation concerning the Russian legal system than for any continental European jurisdiction, leaving aside mediocre computer translations.

The demise of the Soviet Union has altered in some measure the reasons commonly given for studying Soviet law, yet an improved knowledge and understanding of Russia remain as important today as was the case earlier with respect to the closed Soviet society. The ideological component of political tension and mistrust between East and West, although largely dissipated, is not entirely absent. Law remains a shared interest and a mechanism for resolving disputes between Russia and other States, and one which the Russian leadership has emphasized much more than its predecessors and the domestic and international levels. Indeed, law has an even larger role to play than in the past. As governments enlarge their domains of cooperation and foreign investors operate routinely within Russia, and Russian investors do so abroad, the need for a thorough command of legal rules and institutions is self-evident.

Although the configuration of Russian law in the larger domain of comparative law has assuredly altered, Russian law continues to offer the same scope of comparative enquiry as other European systems together with fundamentally different and challenging approaches or views for the student's consideration. Russian law is a legal system within a single State and simultaneously within a federated system of "subjects of the Russian Federation", some of which are themselves recognized as sovereign States. Russian law continues to seek its identity within a cluster or family of legal systems. Although Marxism-Leninism has been discredited as an ideology, powerful forces of varying orientations offer substitutes which would differentiate Russia from the West. The transition from a planned economy to a market economy is one which no State has previously undertaken in human history; Russian law is the principal vehicle of this transition. No less absorbing is the transition from a single-Party authoritarianism to multi-party democracy based on a rule-of-law State, political pluralism, separation of powers, and checks and balances.

One may examine the impact of Revolution upon a pre-existing legal and social order in several societies, including the English, American, and French. But Russia offers the more immediate and compelling example in two respects: a Revolution against capitalism, and a second in 1991 against the socialist authoritarianism that followed. The dynamics and effects of both are best viewed through the legal system.

The tensions between revolutionary change and the need for order, stability, and predictability are manifest in the substance of law and law reform, in the nature and role of the legal profession, in the sources of law and schemes for its codification, systematization, and dissemination, and in the functions of State and non-State organizations created to "administer" or reinforce legality. Although Russian law eschews the explicit educational role of law associated with Marxism-Leninism and the concept of "Soviet Man", it continues to be accepted that law does and should influence character and personality formation, and consequently the law-maker needs to consider how legislation will affect social behavior.

In modern times Russian law, just as Soviet law did in the past, sees itself as having more than merely "national" significance, of being more than an oasis to be frequented when seeking to develop a comprehensive theory of law. In its Soviet costume, Russian law was an historical and contemporary model for other legal systems in the socialist and Third worlds; and Soviet and post-Soviet experience of the industrial and post-industrial ages⁴⁴ contains positive and negative lessons instructive for other advanced Western

⁴⁴ J. N. Hazard, *Managing Change in the U.S.S.R.: The Politico-Legal Role of the Soviet Jurist* (1982).

legal systems. In its guise as a transitional legal system during the post-Soviet era, the Russian legal system continues to exert enormous influence by example over the other independent states of the former Soviet Union and to shape the foundations of what may become the “law of the Commonwealth of Independent States” or the law of the Eurasian economic community.⁴⁵

The legal aspects of the transition from a planned to a market economy continue to be of immense practical relevance to Western lawyers and investors throughout the CIS. Concepts of ownership, freedom of contract, intellectual property, State immunity, delict, juridical persons, and the proper distribution of legal regulation among civil, family, land, economic, environmental, and other branches of law are but some examples which contain difficult issues of reconciling the Soviet past with the Russian present and immediate future. In the domain of administrative law one encounters a range of offences and penalties which have no equivalent in Anglo/American law, whereas in the criminal law and procedure the equation of public and individual rights and the system of investigation and adjudication proceed, even in their post-Soviet form and even after substantial discussion with Western colleagues, from premises, considerations, and values quite different from Anglo/American legal systems.

Comparative issues of this magnitude and nature help us to rethink crucial social, economic, cultural, and legal questions which confront our own legal system, the reasons those issues arise, the historical foundations of our law, and the appropriate role(s) for law in society. Russian law, just as other legal systems, including the Soviet legal system, offers a convenient backdrop, an analytical screen, for approaching our own problems with a fresh and perhaps unique perspective.

For the legal practitioner these considerations take on a different dimension. We no longer speak only of commercial transactions with Russia: we speak of investment transactions under which the foreign investor operates within the Russian legal framework and Russian law is the applicable law. Most special Soviet institutions created as part of the State monopoly of foreign trade have been dismantled, but in their place arise modes of operation and thought deeply indebted to the Soviet past. The totality of the Russian legal order, including its immediate past, must be within the range of Western practitioners who offer services in or connected with Russia.

Moreover, the value of Russian legal studies, as in the case of the former Soviet Union, transcends the traditional realm of comparative law. Russian State practice in the form of foreign affairs legislation in the broadest sense contributes to the development or clarification of international law.⁴⁶ Although the ideological elements of hostility are now removed from the equation and Russia is gradually being absorbed into a vast spectrum of international engagements which previously were off limits, there is nonetheless emerging a sense of Russian statehood which will have its own impact upon the codification, reception, and application of international law. The essential components of Russian law will continue to be of fundamental importance to the education of the public international lawyer as part of his understanding of the principal legal systems of the world.⁴⁷

⁴⁵ See Siniukov, note 28 above.

⁴⁶ See Butler, *Russian Foreign Relations and Investment Law* (2006).

⁴⁷ Butler, “Comparative Approaches to International Law”, *Recueil des cours*, CXC (1985), pp. 9—89; Butler, “Comparative International Law”, in W. E. Butler and O. V. Kresin (eds.), *The Interaction of Legal Systems: Post-Soviet Approaches* (2015), pp. 297—314.



It remains to be seen how rapidly the international legal vocabulary of Marxism-Leninism will disappear from the diplomatic lexicon of the Russian Federation, for Russia is officially the “legal continuer” of the former Soviet Union and the international treaties to which it was a party. To the extent that this terminology is indebted to domestic legal institutions, it is likely to survive and affect international negotiations (for example, the foreign investment protection treaties concluded by the former Soviet Union with several Western States fail to take account of the repertoire of terms in the Russian language for various forms of “taking”). And there are nuances in Russian legal terminology which have nothing to do with the Soviet legacy but nonetheless can create awkward moments in international negotiations of a public or private nature.

The Russian international lawyer is himself a product of his municipal system of legal education, be it Soviet or post-Soviet. His concepts of law, the manner and style in which he reasons and expounds his views, his legal consciousness, are deeply indebted to his domestic legal milieu and his legal heritage. Also formed in his municipal legal context is the international lawyer’s perception of what role(s) a lawyer has in giving counsel to his employer or client.

On a larger scale, the implementation of international legal arrangements can depend upon the effectiveness of, or obstacles within, national legal systems. The 1993 Russian Constitution is truly remarkable in its approach to making customary and treaty rules of international law an integral part of the Russian legal system (Article 15[4]). But within Russia this situation is complicated by the federated structure of the Federation. Those who draft international arrangements must have regard not merely to the municipal formalities for approving international agreements but likewise to the municipal legal context in which they will operate. These are but a few of the concerns to which comparative legal studies, including Russian or CIS legal studies, can make an indispensable contribution to improving our understanding of the nature and effectiveness of international law.

Comparative Law in Russia

The study of foreign law dates back to the earliest days of formal legal education in Russia, not least because the early professors were of foreign origin and had little, if any, command of the Russian language. The Byzantine and European origins of Russian legislation were explored by Russian historians of the eighteenth century; Roman law was taught at Moscow University from its founding in 1755 and included in the teaching syllabus at the Russian Academy of Sciences from 1725 (there were only a handful of students, the offspring of foreigners in Russia). A comparison of Russian and Roman law by Aleksei Artem’evich Artemev (c. 1740—1820), based on the lectures of Philip Heinrich Dilthey (1723—1781)⁴⁸ at Moscow University, may have rightful claim to being the first printed Russian work on comparative law.⁴⁹ Russian works on Chinese law

⁴⁸ On Dilthey, see V. A. Tomsinov, “Dilthey, Philip Heinrich”, in W. E. Butler and V. A. Tomsinov (eds.), *Russian Legal Biography* (London, 2007), I, pp. 189—193.

⁴⁹ A. A. Artemev, Краткое начертание римских и российских прав с показанием купно обо-их равномерно как и чиновположения оных историй [Brief Outline of Roman and Russian

were undertaken in the form of translations of Chinese legal texts.⁵⁰ Foreign legislation, especially Swedish, was studied and adapted by Peter the Great. Catherine II read Beccaria, Blackstone, and Montesquieu, among others and drew upon them when composing her celebrated *Nakaz* or Russian enactments.

Their works were translated into Russia in furtherance of Catherine's legal reforms. Mikhail Mikhailovich Speranskii (1772—1839) and his associates were well-schooled in French and German law when they prepared their draft codes under Emperor Alexander I and sufficiently attracted by the ideas of Jeremy Bentham (1748—1832) to translate his major work on codification into Russian.⁵¹

A major bibliography of Russian law published in 1891 enumerated more than 200 titles devoted to the "Comparative-Historical Method Applied to the Study of the History of Russian Law".⁵² Amongst the Russian and Ukrainian scholars who pioneered comparative legal studies were Nikolai Mikhailovich Korkunov (1853—1904),⁵³ Vasilii Ivanovich Sergeevich (1832—1910), Kronid Ivanovich Malyshev (1841—1907),⁵⁴ Nikolai Pavlovich Zagoskin (1851—1912), Maksim Maksimovich Kovalevskii (1851—1916), Sir Paul Grigor'evich Vinogradoff (1854—1925), Sergei Andreevich Muromtsev (1850—1910), Gabriel' Feliksovich Shershenevich (1863—1912), and Fedor Vasil'evich Taranovskii (1875—1936). Kovalevskii in particular produced works on the usefulness of the comparative method in studying Russian law.⁵⁵ One comparatist observed that the

Law Showing the Symmetries of Both and the Rituals of Their Histories] (1777), published by Moscow University in an octavo of 200 pages.

⁵⁰ See Aleksei Leontovich Leont'ev (1716—1786), *Китайское уложение* [Chinese Statute] (1779). 2 vols. 1200 ptd.; reviewed in *СПб. Вестник* [St. Petersburg Herald] (September 1779), IV, pp. 202—222. Also see Leont'ev, *Тайцин гурунь в Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне манжурскаго) правительства* [Taitsin Gurun and Ukheri koli, that is, All Laws and Statutes of the Chinese (and now Manchurian) Government] (1781—1783). 3 vols. 1200 ptd. Vol. 1; 600 ptd. Vols. 2—3. Leont'ev was a councilor in the College of Foreign Affairs of the Russian Empire. Harvard and Yale Law School libraries hold both titles.

⁵¹ J. Bentham, *Разсуждение о гражданском и уголовном законоположении: С предварительным изложением начал законоположения и всеобщаго начертания полной Книги законов, и с присовкуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов* [Discourse on Civil and Criminal Legal Provisions: With a Preliminary Account of the Principles of Legislation and General Sketch of a Complete Book of Laws, and with the Addition of Experience concerning the Influence of Time and Place Relative to Laws], transl. Mikhail Mikhailov (1805—1811). 3 vols.

⁵² N. P. Zagoskin, *Наука истории русского права* [Science of the History of Russian Law] (1891), pp. 13—34. A number of these individuals are of Ukrainian origin and justly claimed as being among the fathers of Ukrainian legal science and/or comparative legal studies. See M. Damirli, "Comparative Legal Science in Ukraine: A Historical Introduction", *Journal of Comparative Law*, VIII (2013), pp. 1—44.

⁵³ See N. M. Korkunov, *General Theory of Law*, transl. W. G. Hastings (Boston, 1909).

⁵⁴ See V. S. Ivanenko, "Kronid Malyshev and the Renaissance of Private International Law, *Jus Gentium: Journal of International Legal History*, III (2018), pp. 539—551; also see Ivanenko, "The Rising Generation of International Lawyers at St. Petersburg University: Zarembo and Spasovich", in *ibid.*, III (2018), pp. 419—435.

⁵⁵ M. M. Kovalevskii, *Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения русского права* [Historical-Comparative Method in Jurisprudence and Methods of Studying



comparative method had become so popular, so fashionable, that “at present in Russia there is no textbook on procedure or any branch of law which does not give its due to the spirit of the time; even a manual of practical jurisprudence, making pretensions to comprehensiveness, encumbers the innocent reader with a mass of facts compiled without any conclusion and selected from all foreign legislation possible”.⁵⁶

Sir Paul Vinogradoff, who became the Corpus Professor at Oxford University in 1903 upon resigning his Chair at Moscow University, is regarded as having based virtually all of his works upon the comparative method.⁵⁷

Ideological constraints severely limited comparative legal studies during the Soviet period. Several Soviet jurists produced interesting comparative works during the 1920s, but by the end of the decade comparative legal research was reduced either to ritualistic contrastive self-justification of Soviet law in contradistinction to “bourgeois” law or to purely descriptive, albeit often quite useful, accounts of foreign legal systems.

A more enlightened view emerged in the early 1960s. The comparative method was recognized to be useful in analyzing the Soviet legal system itself, the legislation of the fifteen union republics. Comparison also was essential to investigations of other socialist legal systems, the more so as the Council for Mutual Economic Assistance (Comecon) pursued measures requiring the harmonization or unification of law. The expanding international contacts of the former Soviet Union required a sound knowledge of foreign legal systems, including those of a “socialist orientation”. Although some Soviet legal research institutions had impressive numbers of specialists on individual branches of law in foreign countries, neither the academies of sciences nor the universities formed sectors or chairs expressly devoted to comparative law. Even in the *perestroika* era progress was slow in comparative legal studies, although the term “comparative law” gradually appeared in the designations of certain sectors of research institutes and teaching institutions.

Applied comparative law took on a life of its own in Russia and elsewhere in the CIS with the opening of offices of foreign law firms and, in due course, the opening of law offices abroad by Russian law firms. Many younger Russian lawyers have obtained law degrees from foreign universities, whether in Russia or abroad, and a few western lawyers have qualified for Russian degrees. The impact of these measures is accumulating in the form of published comparative law dissertations, translations of important foreign codes or model legislative acts, collaborative works by Russian and foreign jurists, and translations of leading foreign treatises into Russian or of important Russian works into foreign languages. The Society of Comparative Law, founded in May 2000 at Moscow, has published a yearbook of comparative law at irregular intervals. Russian law students are required to master at least one foreign language as an integral part of their legal studies, and some undertake two. Foreign language materials are expected to be an integral part of the diploma thesis which each law student must produce as a condition of

Russian Law] (1880); also see Kovalevskii, “Сравнительно-историческое правоведение и его отношение к социологии” [Comparative-Historical Jurisprudence and Its Relationship to Sociology], in Iu. S. Gambarov (ed.), Сборник по общественно-юридическим наукам [Collection on Socio-Legal Sciences] (1899). I, p. 9. Legal anthropology in the tradition of these scholars is enjoying a revival in the study of Russian law with special emphasis upon customary law. See A. I. Kovler, Антропология права [Anthropology of Law] (2002).

⁵⁶ A. Bashmakov, in Юридический вестник [Legal Herald], XXII (1882), pp. 551—552.

⁵⁷ On the jurist and a bibliography of his principal works, see “Vinogradoff, Pavel Gavrilovich”, in Butler and Tomsin, note 31 above, I, pp 368—386.

graduation; individuals writing dissertations are required to publish in foreign legal media as a condition of supplicating for the degree. The phenomenon of globalization and its attendant awareness of the larger legal community are recognized as a driving force in Russian legal education.

Russian law, in the second decade of the third millennium, is beginning to configure its new presence in the community of world legal systems. It remains close, as before, to the continental European legal tradition, but not part of it, still detached, still uncommitted, still indebted to its twentieth-century legal heritage, still in “transition” to a destination undetermined.

Socio-Legal Research in Russia and Comparative Law

Probably everyone outside Russia who works in the field of Russian law, whether a legal scholar and/or legal practitioner, has encountered the question: “Russian (or Soviet) Law? Is there any?” When the question is not facetious, one wonders what the interlocutor has in mind: law [*jus*] or law [*lex*]. If the former, the question is a matter of jurisprudential consequence and a fair, even probing, query. If the latter, the question would betray astonishing unfamiliarity with how a legal system designed to serve a Planned Economy or a society transitioning away from a Planned Economy operates.

An awareness that a distinction should be drawn between “law in the books” and “law in action”, originally an insight of significance, has become a banal truism. In the former Soviet Union, matters were not so simple and continue to be delicate. To empirically demonstrate that the law and legal institutions may not operate in practice as it would appear to read will sometimes be understood as political failure, an explicit or implied criticism of the existing regime. On the other hand, all regimes, however democratic or authoritarian, need feedback on what in the legal system actually seems to work, what does not, and why.

Feedback has no predetermined forms and is subject to the canons of sound research: opinion surveys, informed observations, interviews, questionnaires, sampling, analysis of official and gathering of unofficial statistics, letters to the editors of mass media or specialist publications, appearances on television, video, facebook, twitter, and other sources of information or opinion, recordings or verbatim transcripts of court and arbitral proceedings, access to doctrinal writings and normative legal acts, the publishing practices of State agencies, case reports and other materials of judicial and arbitral practice, among others. The feedback may be mundane or full of insight — much turns upon the analytical qualities of those who assembled the data, the representativeness of the material, and the accuracy of the sample.

That law mattered and matters in Imperial Russia, the Soviet Union, and Post-Soviet Independent States has never been doubted by most western comparative lawyers. Puzzling perhaps is that the question is even asked: Is there (was there) Russian or Soviet law? How many other legal system on the planet, past or present, have routinely confronted that question. For most of its history Rome was hardly a democracy — does one assume there was no Roman Law? The answer may lie in a traditionally Russian sardonic sense of humor and a misperception by foreigners of this quality among Russians.⁵⁸ The “politicization” of the justice system is a concern in Russia, and indeed

⁵⁸ This tendency reaches far back into Russian (Slavic?) legal culture. Hendley noted: “A comparative assessment of the actual data suggests that Russians are no more nihilistic



elsewhere, although western specialists in Soviet law were well aware that even under the scale of terror in the Stalin era for most people, most of the time, most disputes were considered with no or limited outside interest or interference.⁵⁹

Evidence of this on the basis of direct access to the Russian population was another matter; indeed, simply impossible, and efforts by other social scientists to take steps in this direction encountered suspicion and enforcement actions on the part of Soviet authorities. From the 1960s, however, the Soviet authorities, including the Communist Party, became interested in learning about the effectiveness of rules and institutions. To this end, empirical social science research was encouraged to some extent and the results evaluated; some was classified and to this day the outcomes and reactions to the outcomes remain out of public view.

In post-Soviet Russia the equation has changed with respect to the “politicization” of the justice system. There is no longer a single ruling Party, and the “private sector” has assumed a role to such an extent that individuals of wealth, power, and influence in Russia often prefer to have their disputes settled abroad (London being a favorite venue) rather than in Russian courts. One observer has noted:

As a result of the relentless emphasis on high-profile cases in countries like Russia, a backhanded consensus has emerged that politicized justice is a cancer that, once present, will inevitably take over the organism. The belief lends credence to the popular image of Russia as lawless. Further buttressing this image is the sad reality that predicting outside intervention is impossible... Focusing on this view of Russia as lawless fails to capture the full richness of Russians’ experience of law. It leaves no room for the everyday reality... that Russians routinely negotiate resolutions to their problems with others in the shadow of the law or, when informal efforts prove futile, take their problems to the courts and have them resolved in accordance with the law.⁶⁰

It might be argued that at this level of socio-legal verification, the discipline is merely confirming what has been believed about the Soviet and post-Soviet legal system for nearly nine decades, the proverbial “low-hanging fruit” of comparative legal analysis. Evidence of a legal system operating more or less routinely in most cases is news only to those whose ideological proclivities inclined them to suppose the opposite. Once that threshold is crossed, research into the actual operation of legal institutions becomes more detailed and interesting — and possibly sensitive insofar as such research demonstrates maladministration, misconceptualization of the system, inherent institutional shortcomings,

when it comes to law than are others”. See K. Hendley, “Who Are the Legal Nihilists in Russia?”, *Post-Soviet Affairs*, XXVIII (2012), pp. 149—186. But they are more “formalist”, which may contribute to an exaggerated impression of nihilism when formalism breaks down.

⁵⁹ This view was sustained through studies of Soviet case reports, interviews with Russian emigrés, and similar efforts to collect empirical material on the Soviet administration of justice under the most challenging conditions. See, for example, H. J. Berman (ed. & transl.), *Soviet Law in Action: The Recollected Cases of a Soviet Lawyer* (1951); a mimeographed edition, published two years later by Harvard University Press. Another specialist observed: “Then, as now, most cases had little political resonance, and hence, even during the worst of the Stalinist purges, law retained its relevance for mundane cases”. See R. Sharlet, “Stalinism and Soviet Legal Culture”, in R. C. Tucker (ed.), *Stalinism: Essays in Historical Interpretation* (1977), pp. 155—179.

⁶⁰ K. Hendley, *Everyday Law in Russia* (2016), pp. 3—4: “...official interference is very much the exception in ordinary cases” (p. 10).

bureaucratic incompetence, personnel failures, disenchantment with particular legal rules or institutions, and the like.

It remains the reality, moreover, that a considerable portion of socio-legal research is conducted by sociologists who have no knowledge of legislation or of legal practice; what seems, for example, to them to be a clever circumvention of the law may be nothing more than a routine professional response to legislative drafting and client interest. Neither corrupt nor close to the margin of illegality, it may be innovative, imaginative, and responsive to client interests. Similarly, some Russians have become so inured to what one observer called the “negative myth of the rule of law” that they are skeptical when empirical evidence suggests a positive impression of the quality of the justice system.⁶¹

The challenges for socio-legal studies, and their integration with comparative law in Russia and abroad, will intensify as the Russian social system becomes more amenable to this type of legal research.

⁶¹ M. Kurkchian, “The Illegitimacy of Law in Post-Soviet Societies”, in D. Galligan and M. Kurkchian, *Law and Informal Practices: The Post-Communist Experience* (2003), pp. 24—47.

Юрий Григорьевич ШПАКОВСКИЙ,
главный редактор
журнала «Вестник
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
доктор юридических наук,
профессор

Галерий подписал эдикт, разрешивший открыто исповедовать христианство

Галерий, чье полное имя Гай Галерий Валерий Максимиан, с 305 г. являющийся полновластным правителем Восточной части Римской империи, 30 апреля 311 г. подписал эдикт, впервые разрешивший населению открыто исповедовать христианство и способствовать распространению этого вероучения.

Кстати, Галерий долгое время являлся одним из самых убежденных и последовательных противников христианства в римской истории. Он принимал участие в преследованиях христиан, которые начались в 303 г. (первый эдикт против христиан — 23 февраля 303 г.). По одним данным, инициатором гонений был сам Диоклетиан, по другим — ревностный язычник Галерий лично убедил Диоклетиана начать преследования. Так или иначе, но Галерий принимал в них активное участие и продолжил их во время собственного правления. Галерий «поменял» свои убеждения из-за болезни, вероятно, надеясь на «ответную благодарность» Бога христиан. Но надежды его не оправдались: через несколько дней после подписания эдикта Галерий умер.



На великокняжеский престол вступил Владимир Мономах

В 1113 г., 20 апреля, на великокняжеский престол вступил Владимир Мономах. Он правил 13 лет и был одним из лучших князей древнего периода русской истории. Летопись называет его «братолюбцем, нищелюбцем и добрым страдальцем за Русскую землю».

Один из советов Владимира Мономаха: не нарушать клятв, не убивать ни правого, ни виноватого и не повелевать убивать.



Гибель английского короля Ричарда I

В 1199 г., 6 апреля, на юге Франции при осаде замка Шалю погиб английский король Ричард I, за доблесть прозванный Львиное Сердце.

Он родился в Англии, но вырос на юге Франции, в Аквитании, принадлежавшей в те времена английской короне. В самой Англии Ричард бывал редко, так как посвятил свою жизнь войнам на континенте и на Востоке.

Король Ричард участвовал в третьем Крестовом походе в Святую землю, где прославился как «Божий паладин», и где короля запомнили «похожим на ежа» из-за стрел, вонзившихся в его панцирь. Возвращаясь из Крестового похода, Ричард попал в плен к германскому императору, но за огромный выкуп получил свободу и тут же начал войну с французским королем Филиппом II Августом, чтобы заставить его отказаться от всех завоеваний в английской Франции. Эта война стоила ему жизни. Король Ричард считался символом средневекового рыцарства. «Мир умирает с его погребением!» — с прискорбием записал летописец.



Знаменитое Ледовое побоище

В 1242 г., 18 апреля (5 апреля по старому стилю), произошло знаменитое Ледовое побоище — битва, в которой Александр Невский разгромил рыцарей Ливонского ордена на льду Чудского озера. Вот как рассказал об этом летописец: «И была здесь злая и великая сеча для немцев и чуди, и слышен был треск ломающихся копий и звук ударов от мечей, так что лед на замерзшем озере подломился, и не видно было льда, потому что он покрылся кровью...»

Историки сходятся в том, что решающим фактором в победе русского оружия было военное искусство 22-летнего князя Александра. Ледовое побоище стало первым случаем, когда тяжелая рыцарская конница была разбита в полевом бою войском, состоявшим большей частью из пехоты. Придуманной Александром Невским новый боевой порядок русских войск оказался гибким, в результате чего удалось осуществить окружение противника, боевой порядок которого представлял собой малоподвижную массу. Пехота при этом успешно взаимодействовала с конницей.



Основан в Праге первый в славянском мире университет

7 апреля 1348 г. чешский король и император Священной Римской империи Карл IV основал в Праге, которую он сделал столицей империи, первый в славянском мире университет. По имени своего основателя он стал называться Карлов.

В разное время выпускниками и профессорами Карлова университета были религиозный деятель Ян Гус, ботаник Агустин Шталь,



физик-теоретик Альберт Эйнштейн, физик и философ Эрнст Мах и многие другие видные ученые и общественные деятели. В настоящее время Карлов университет является современным престижным высшим учебным заведением, где обучается более 42 тыс. студентов из 48 стран мира.

Расправа Лжедмитрия над князем Симеоном Бекбулатовичем



В 1606 г., 4 апреля, произошла расправа Лжедмитрия (Григория Отрепьева) над князем Симеоном Бекбулатовичем, в котором он видел опасность для своего незаконного правления.

К этому времени недовольство самозванцем стало принимать опасные для него формы, разговоры о том, что он не является сыном Ивана Грозного, становились все более открытыми. В этих разговорах обсуждались и возможные более достойные кандидатуры на престол. Среди них поминался и Симеон Бекбулатович. Этого крещеного татарского хана из Касимова в 1575 г. Иван Грозный своей волей и прихотью, без каких-либо формальностей и согласования с Боярской думой объявил «великим князем всея Руси».

Правление Симеона, как бы пародировавшее времена татарского ига, когда московские князья выполняли волю ордынских ханов, носило чисто декоративный характер. Иностранцам Иван Грозный открыто говорил, что в любой момент может снова «вернуться на царство». Трудно сказать, в какой степени Иван Грозный прикрывался фигурой Симеона для своих интриг, а в какой вся эта затея была следствием его психического нездоровья. Через год Иван снова официально сел на трон, а Симеона, к которому Грозный по-прежнему относился хорошо, отправил на великое княжение в Тверь. В Москве о Симеоне вновь заговорили после смерти сына Ивана Грозного — царя Федора Иоанновича, на коем пресеклась династия Рюриковичей, при воцарении Бориса Годунова.

Многие искренне считали, что человек, которого сам Иван Грозный провозглашал царем, имеет больше оснований сесть на трон, нежели Борис, которого царь Иван даже не включил в число опекунов своего неспособного к самостоятельному царствованию сына Федора. Таким образом, безобидный Симеон, не выказывавший никаких честолюбивых претензий, показался опасным Годунову, и тот наложил на него опалу. Еще больше испугался его «непобедимый император Дмитрий I», как официально именовался самозванец Григорий Отрепьев. По его приказу Симеон Бекбулатович, живший частной жизнью, был насильственно пострижен в монахи и под стражей увезен в отдаленный Кирилло-Белозерский монастырь.

Обнародован Указ Петра I о единонаследии

3 апреля 1714 г. был обнародован указ Петра I о единонаследии.

Царь был встревожен дроблением имений между наследниками и решил применить в России западноевропейский принцип майората, т.е. перехода имения

в одни руки, к старшему сыну. Таким образом, хозяйственные единицы не разрушались, а при рачительном уходе лишь совершенствовались и приносили все больший доход. Согласно петровскому указу, недвижимость по духовному завещанию переходит к одному из сыновей завещателя по его выбору, а остальные дети наделяются движимым имуществом по воле родителей.

Учитывая опыт Запада, где младшие сыновья, не унаследовавшие отцовского имения, как правило, шли на военную службу или принимали церковный сан, Петр оговорил в указе, что, даже если обделенные наследники уйдут в купечество, или в знатное художество, или в духовенство, это не будет ставиться в бесчестье ни им, ни фамилии. В указе говорилось о том, что наследник неразделенного имения не будет разорять крестьян, как это часто делают дворяне, получившие малую часть отцовского владения и пытающиеся жить с отцовским размахом. Однако указ противоречил как дворянским приоритетам (лучше быть помещиком, пусть и небогатым) и извечному русскому стремлению к дележке «по справедливости», т.е. на всех.

Через 6 лет после смерти Петра I, 17 марта 1731 г., императрица Анна Иоанновна отменила Указ о единонаследии. Одновременно она завершила превращение имений из пожизненных владений, предоставляемых дворянам за государственную, чаще всего военную, службу, в частную собственность. Это стало толчком для закрепощения крестьян, еще остававшихся свободными. Обычно это происходило в форме пожалования деревень. «Крестьян жаловали, — писал историк Ключевский, — по случаю восшествия на престол, за победу, за удачное окончание военной кампании, даже просто “для увеселения”, на крестины, на зубок новорожденному и т.п. Каждый важный акт, совершавшийся при дворе, каждый дворцовый переворот, каждый подвиг русского оружия стоил государству несколько тысяч свободных крестьян».

Такая система не способствовала какой-либо интенсификации сельскохозяйственного производства. В повышении эффективности труда на земле не был заинтересован ни помещик (ему проще было заслужить монаршую милость и получить еще одну деревеньку), ни сам крестьянин, у которого отнимали все, оставляя минимум для выживания. Так провалился замысел Петра I создать в стране систему процветающих высокодоходных крупных сельских хозяйств.

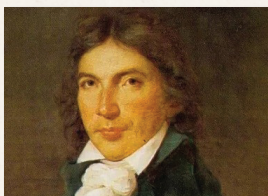
Арест ключевых фигур Великой французской революции

Франция, 1794 г. 2 апреля были арестованы ключевые фигуры Великой французской революции — Жорж Дантон, министр юстиции, член Конвента и фактический руководитель Комитета общественного спасения, а также его единомышленник журналист Камиль Демулен.

Дантон до последней минуты был убежден, что Робеспьер не посмеет его тронуть. Когда накануне ареста ему предложили бежать, он ответил фразой, ставшей крылатой: «Разве можно унести Отечество на подошве башмаков?» Через два дня Дантон и Демулен были обвинены в заговоре с целью восстановления монархии.



Жорж Дантон



Камиль Демулен

Когда присяжные решали судьбу арестованных, между двумя из них произошел примечательный диалог: «Кто более полезен для Республики — Дантон или Робеспьер? Более полезен Робеспьер. В таком случае надо гильотинировать Дантона». Что и было сделано.



Присоединение Крыма к России

19 апреля в 1783 г. Екатерина II подписала Манифест о присоединении Крыма к России и о прекращении существования Крымского ханства. За империей также закреплялись земли Северного Причерноморья и Приазовья. Так после многолетних военных и дипломатических действий была подведена черта под длительным соперничеством России и Османской империи в этом регионе.

В Манифесте особо оговаривалась обязанность чиновников «охранять и защищать храмы и природную веру» всех имеющихся здесь конфессий.

Инициатором и автором этого документа был князь Григорий Потемкин. Летом того же года он принял от крымских беев и татарской знати присягу на верность России. А от императрицы — титул светлейшего князя Таврического.



Отмена обычая сечь кнутом преступника

20 апреля 1788 г. Екатерина издала указ об отмене обычая сечь кнутом преступника, уложив несчастного на спину так называемого «ассистента».

Это был такой старинный обычай: при казни кнутом выхватывать из любопытствующей толпы, теснившейся у эшафота, какого-нибудь парня поздоровее и использовать его в качестве живого «козла».

При других видах наказаний «ассистентами» палача могли стать его ученики, гарнизонные солдаты или низшие полицейские чины. Во время царствования Екатерины II этот и многие другие жестокие обычаи были упразднены.

Учреждение Корпуса жандармов

В 1827 г., 28 апреля, император Николай I издал указ об учреждении Корпуса жандармов. Идея принадлежала генерал-адъютанту Бенкендорфу, предложившему учредить высшую полицию под начальством особого министра.

Николай I включил Корпус жандармов в III отделение Собственной Канцелярии, а начальником назначил Бенкендорфа, о котором Герцен писал: «Может, Бенкендорф и не сделал всего зла, которое мог сделать, будучи начальником этой страшной полиции, стоящей вне закона и над законом, имевшей право вмешиваться во все, я готов этому верить, особенно вспоминая прекрасное выражение его лица...»

Этот «карательный орган самодержавия для борьбы с революционным и общественным движением», как писали в советское время, был по численности своей смехотворен: например, в охранном отделении Петрограда перед Февральской революцией в штате было не более 600 человек.



Расправа над рабочими-углежогами Ревдинского завода в Пермской губернии

В 1841 г., 14 апреля, произошла расправа над рабочими-углежогами Ревдинского завода в Пермской губернии. Событие вошло в историю как Ревдинский расстрел, хотя и крайне редко упоминается в исторической литературе.

Рабочие требовали не прибавки, а лишь соблюдения установленных законом норм выработки и оплаты труда. Администрация предприятия отказалась вести переговоры и вызвала воинскую часть. По толпе рабочих был произведен пушечный выстрел картечью и открыт ружейный огонь. В результате на месте погибли 33 человека, в том числе 8 женщин; позднее от ран скончалось еще 18 человек. Ранено было порядка 100 рабочих.

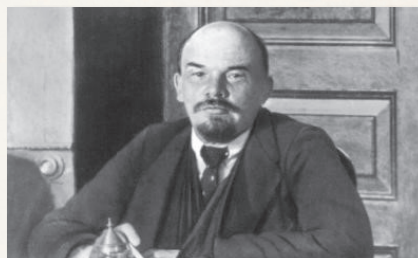
На донесении об этих событиях император Николай I начертал одобрительную резолюцию, но вместе с тем дал указание без огласки проверить обоснованность жалоб со стороны рабочих. Проверка показала, что на этом и на других частных заводах положение рабочих гораздо хуже, чем на казенных (государственных), что нарушения установленных норм и правил имели место и что у рабочих были основания жаловаться. Тем не менее царь повелел четырех главных зачинщиков «беспорядков» сослать в каторжные работы, 25 человек отдать в военную службу, 270 человек — выпороть. Судебные издержки, правда, были взысканы с владелицы завода — Демидовой.



150 лет назад родился Владимир Ульянов-Ленин

В 1870 г., 22 апреля, родился основатель первого социалистического государства Владимир Ульянов-Ленин, чья политическая мысль едва уместилась в 55 томах Полного собрания сочинений.

Ленин — фигура неоднозначная, и прежде всего трагическая. Круто изменив судьбу России, он получил совсем не тот результат, к которому стремился.



Неоспоримо одно — Ленин был гениальной личностью, в буквальном смысле слова перевернувшей мир, под влиянием его идей и по сей день находятся миллионы людей по всей планете. Кстати, судьба Ленина дважды зависела от Керенских — сначала от Федора Михайловича, а затем от его сына, премьер-министра Временного правительства Александра Керенского, который родился 22 апреля по старому стилю, причем в том же Симбирске, правда был моложе Ленина на 11 лет.

Керенский-старший возглавлял образцовую в России Симбирскую гимназию. Когда Александр Ульянов совершил покушение на царя, власти потребовали удалить из гимназии его брата Владимира — сына покойного начальника Керенского, Ильи Николаевича Ульянова. Но Федор Михайлович воспротивился этому намерению.

А летом 1917 г. уже Керенскому-младшему, премьер-министру Временного правительства, предлагали убить Владимира Ульянова. И тоже безуспешно.

Александр II подписал Манифест об объявлении войны Османской империи



В 1877 г., 24 апреля, император Александр II подписал в Кишиневе Манифест об объявлении войны Османской империи. В 70-е гг. XIX в. турки уже не могли сдержать стремление к независимости христиан в своих балканских владениях. Восстания 1875—1876 гг. в югославянских и болгарских землях стали хорошим фоном для успешных военных действий русской армии.

В Петербурге, памятуя об исходе Крымской войны, не очень-то хотели воевать. Но султан сам сжег мосты, отвергнув Лондонский протокол европейских держав, предлагавший Турции провести реформы, и распорядившись призвать 120 тыс. резервистов.

Надо сказать, что Россия к апрелю 1877 г. еще не была готова к войне — военная реформа началась только три года назад, обученного резерва не было. Недостающее, как водится, пришлось возмещать за счет высокого боевого духа. Русское общество приняло войну благожелательно — в добровольцы записывались даже нигилисты. Одержав ряд блестящих побед в Болгарии и на Кавказе, русская армия остановилась в 12 километрах от Константинополя. Занимать турецкую столицу было опасно из-за недовольства великих держав. Кстати, Запад скоро нанес сильный удар по самолюбию русского императора, пересмотрев на Берлинском конгрессе 1878 г. выгодные для Петербурга условия Сан-Стефанского мира.

Потеряв в битве за счастье славян около 250 тыс. воинов, Россия получила часть турецкой Армении и территории в Бессарабии.

Николай II утвердил Основные законы Российской империи

В 1906 г., 23 апреля, Николай II утвердил Основные законы Российской империи.

В тот же день — за четыре дня до созыва I Государственной думы — они были опубликованы. Именно в Основных законах наиболее полно были развиты краткие положения, сформулированные в Манифесте об усовершенствовании государственного порядка, который вошел в российскую историю как Манифест 17 октября. Манифест — отдельная разновидность законодательных актов Российской империи. В нем давалось лишь краткое объявление о некоей крупной перемене, подробности которой прописывались дополнительными законодательными актами. Закрепленная Основными законами система просуществовала до 3 июня 1907 г., когда Государственная Дума была распущена, а избирательный закон изменен.



Декрет Совнаркома о памятниках Республики

В 1918 г., 12 апреля, был издан Декрет Совнаркома о памятниках республики.

«В ознаменование великого переворота, преобразившего Россию, — говорилось в нем, — Совет народных комиссаров постановляет: памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера».

Другим пунктом декрета предписывалось «мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции».



Разрушение памятника Александру III в Москве

Ликвидация кулачества

1 апреля 1930 г. коллегия Наркомата земледелия РСФСР приняла постановление «О местах поселения кулацких хозяйств, выселяемых из районов сплошной коллективизации». Им предписывалось создавать поселки, которые должны были располагаться вне пограничной полосы, по возможности, далеко от железных дорог, шоссе и водных путей.

«При отводе сельскохозяйственных угодий для поселков с кулацкими хозяйствами, — говорилось в постановлении, — необходимо учесть, что земли должны быть худшего качества...» Указывалось также, что работоспособные члены семьи расселяемых кулаков «мо-



гут использоваться на лесозаготовках и сплаве, по лесоустройству и лесохимии, на дорожных работах и т.д.».

По сути, это было постановление о применении геноцида к так называемым кулакам и членам их семей, т.е. к наиболее трудолюбивой части крестьянства. И хотя национальная принадлежность жертв в документации не указывалась, самые страшные потери понесли русские (особенно казаки), украинцы и белорусы. Ближайшими сподвижниками Сталина в проведении коллективизации были Андреев, Яковлев-Эпштейн, Бауман и Каминский, в Сибири усердствовал в выборе самых гиблых мест для поселения «кулаков» Роберт Эйхе. Кроме Андрея Андреева, все они были репрессированы в конце 30-х гг.

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партийной линии»



Статья Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина «Головокружение от успехов» - один из центральных документов в истории коллективизации. Она отражает официальный взгляд на трудности создания колхозов, попытку оправдаться за тяжелые последствия коллективизации, снять ответственность за них с себя и с партии, успокоить крестьянство, чтобы затем с новой силой возобновить наступление на «единоличника».

Закрытое письмо ЦК ВКП(б) 2 апреля 1930 г. всем партийным организациям о снижении темпов коллективизации, поскольку ситуация грозила вылиться в «широкую волну повстанческих крестьянских выступлений и добрая половина наших "низовых" работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение».

В директиве указано, что «политика укрепления союза с середняком при опоре на бедноту и беспощадной борьбы с кулачеством стала подменяться насквозь враждебной ленинизму политикой командования в отношении середняка».

В закрытом письме ЦК признавались повстанческое движение на Украине, Северном Кавказе и в Казахстане, массовые выступления крестьян в Московской области, Сибири, Закавказье и Средней Азии, «перерастающие в антисоветское движение».

Совнарком СССР принял постановление о советском гражданстве



В 1931 г., 22 апреля, Совнарком СССР принял постановление о советском гражданстве.

Положение о гражданстве подтвердило, что каждое лицо, находящееся на территории Советского Союза, признается гражданином страны, если оно не является подданным иностранного государства. Этот же документ ввел дополнительное определение: если гражданин СССР (что первично) является и гражданином той союзной республики, где он проживает, то выбор гражданства союзной республики является прерогативой каждого гражданина СССР в отдельности.

Берлинская операция силами трех фронтов

В 1945 г., 16 апреля, началась победная Берлинская операция (16 апреля — 8 мая 1945 г.). Участие в операции приняли три фронта:

- 1-й Белорусский (командующий — маршал Г. К. Жуков);
- 2-й Белорусский (маршал К. К. Рокоссовский);
- 1-й Украинский (маршал И. С. Конев).

Группировка войск насчитывала 2,5 млн человек, более 6 тыс. танков и самоходных орудий, 7,5 тыс. боевых самолетов. С германской стороны ей противостояли около 1 млн человек, 1,5 тыс. танков и чуть более 3 тыс. самолетов. Впервые в истории войны перед началом наступления советские войска одновременно включили 150 мощных зенитных прожекторов, осветивших поле боя.

В результате Берлинской операции была уничтожена миллионная группировка немецких войск и 2 мая 1945 г. захвачена столица Германии, были пленены высшие военные и политические руководители Германии. Падение Берлина и потеря руководством Германии способности к управлению привели к практически полному прекращению организованного сопротивления со стороны германских вооруженных сил.

Берлинская операция продемонстрировала союзникам высокую боеспособность Красной Армии и явилась одной из причин отмены операции «Немыслимое», плана полномасштабной войны Великобритании против Советского Союза. Однако это решение в дальнейшем не повлияло на развитие гонки вооружений и начало холодной войны.



*Ставка перед штурмом Берлина.
Художник Н. Овечкин*

Смертный приговор Юлиусу и Этель Розенберг

5 апреля 1951 г. американским гражданам, коммунистам, супругам Юлиусу и Этель Розенберг был вынесен смертный приговор по обвинению в содействии советской разведке в получении у США секретов создания ядерного оружия. Они были казнены 19 июня 1953 г.

Эту историю называют одновременно самой романтической, самой гнусной и самой загадочной. Вина супругов, которых называли «атомными шпионами», так и не получила бесспорных доказательств, но оба они погибли на электрическом стуле.



Арест Василия Сталина

28 апреля 1953 г. по приказу Хрущева был арестован Василий Сталин. Официально — за «разбазаривание казенного имущества и государственных средств». Фактически — за то, что высказывал вслух предположение о том, что его отец умер не своей смертью, а ему «помогли» ближайшие соратники.

Все обвинения в злоупотреблении сводились к тратам на развитие спорта в ВВС. Василий Сталин не клал деньги себе в карман, а строил спортивную ин-



фраструктуру, благодаря этим тратам и на этой инфраструктуре за то время при спортивном клубе ВВС многие спортсмены стали чемпионами СССР. 19 марта 1962 г. Василий Сталин умер в ссылке.

Совет министров СССР освободил Трофима Денисовича Лысенко от обязанностей президента ВАСХНИЛ



10 апреля в 1956 г. Совет министров СССР освободил Трофима Денисовича Лысенко от обязанностей президента ВАСХНИЛ. «Народный академик» Трофим Лысенко долгие годы возглавлял Всесоюзную академию сельскохозяйственных наук имени Ленина.

По ущербу, нанесенному генетике и сельскому хозяйству, с Лысенко мало кто может сравниться. Авантюрист по натуре, он сделал почти невозможное: он обманул не только биологическую науку, не только весь советский народ. Лысенко одним из первых в советской стране понял то, что сегодня хорошо знают многие политики, — обещать можно все, что угодно, главное — погромче и с умным видом. Платить за обещания вряд ли придется. И Лысенко азартно обещал. Обещал поднять урожайность в 4—5 раз, вывести в 2 года новые сорта пшеницы, новые — суперпродуктивные — породы скота.

Власти, конечно, подозревали, что Лысенко — шарлатан. Но он был свой шарлатан, от сохи. Главная идея Лысенко о наследовании приобретенных признаков отлично соответствовала постулатам советской пропаганды, которая заявляла о воспитании «нового человека» и о том, что данный процесс возможен в рамках одного-двух поколений.

После смерти Сталина началась кампания по разоблачению лысенковщины. В 1955 г. академик Любищев опубликовал статью «Об аракаевском режиме в биологии». А по инициативе генетика Владимира Александрова 250 известных ученых направили в ЦК партии письмо-обращение о пагубной роли Лысенко. В результате этой кампании Трофима Денисовича и сняли с должности президента ВАСХНИЛ. Однако ему каким-то чудом удалось вновь получить поддержку первого лица, на сей раз Хрущева, и спустя 6 лет — в 1961 г. — вновь занять это кресло. Правда, только на один год.

Идеи Лысенко, которые неоднократно и справедливо называли антинаучными, господствовали в сельском хозяйстве СССР с конца 30-х до начала 50-х гг. и ничего хорошего стране не принесли. Справедливости ради следует сказать, что все предыдущее десятилетие биологию возглавляли профессиональные генетики, и это также не привело к подъему сельского хозяйства. Не смогли этого сделать и хрущевские реформы.

Кстати, Лысенко был противником покорения целины и чрезмерного увлечения кукурузой. Но, по иронии судьбы, именно в те моменты, когда «народный академик» говорил действительно дельные вещи, его никто не хотел слушать.

